

Энтони Горовиц

ДОМ ШЕЛКА

МОРИАТИ

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

Шерлок Холмс. Свободные продолжения

Энтони Горовиц

Дом шелка. Мориарти

«Азбука-Аттикус»

2011, 2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Горовиц Э.

Дом шелка. Мориарти / Э. Горовиц — «Азбука-Аттикус», 2011, 2014 — (Шерлок Холмс. Свободные продолжения)

ISBN 978-5-389-21248-0

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннесса. О количестве литературных пастишей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка». В карьере великого сыщика было дело, связанное с такими чудовищными и скандальными событиями, что написать о нем Ватсон, неизменный рассказчик увлекательнейших историй о своем гениальном друге, решился не скоро. Он тщательно упаковал эти записки, отправил на хранение в надежное место и завещал открыть пакет не ранее чем через сто лет, потому что спрятанная в нем тайна под названием «Дом шелка» угрожала подорвать все устои общества... Спустя три года после выхода «Дома шелка» Энтони Горовиц вернулся в мир великого сыщика. После того как профессор Мориарти исчез в бурных водах Рейхенбахского водопада, в преступном мире образовалась «вакансия». Среди многочисленных претендентов на это место возникает поистине зловещая фигура. Детективному агенту из Нью-Йорка и инспектору Скотленд-Ярда – преданному поклоннику Шерлока Холмса – предстоит проложить путь через самые темные уголки столицы Англии, от элегантных площадей Мейфэра до причалов и закоулков лондонских доков, в погоне за тем, кто решительно заявляет о своих правах в качестве преемника Мориарти... Список расследований Холмса продолжает рассказ «Три монархини», в котором повествование снова ведется от лица доктора Ватсона. Итак, игра начинается...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21248-0

© Горовиц Э., 2011, 2014
© Азбука-Аттикус, 2011, 2014

Содержание

Дома шелка	7
Благодарности	7
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	66
Глава 10	71
Глава 11	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дженни Колган Дом шелка. Мориарти

Моему дорогому другу Джеффри С. Джозефу

Anthony Horowitz

THE HOUSE OF SILK

Copyright © 2011 by Anthony Horowitz

First published in 2011 by Orion, London

MORIARTY

Copyright © 2014 by Anthony Horowitz

First published in 2014 by Orion, London

All rights reserved

Перевод с английского Михаила Загота

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

© М. А. Загот, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Дома шелка Новые приключения Шерлока Холмса

Благодарности

Я благодарю Ли Джексона, который очень помог мне в аналитической работе над книгой. Его замечательный сайт www.victorianlondon.org – это блестящий (и бесплатный) источник для всех, кого интересует та эпоха. Две книги оказались для меня особенно полезными: «Лондон в XIX веке» Джерри Уайта и «Жизнь в викторианской Британии» Майкла Паттерсона. Впрочем, я не стеснялся обращаться за помощью к писателям того времени, в их число входят Джордж Гиссинг, Чарльз Диккенс, Энтони Тrollop, Артур Моррисон и Генри Мэйхью. Я также благодарю «Общество Шерлока Холмса», которое (до настоящего времени) оказывало мне поддержку, особо хочу упомянуть их представителя, доктора Марину Стаджик, любезно поделившуюся со мной своими знаниями в области токсологии в палате общин. Спасибо моему агенту – «агенту года» – Роберту Кирби, который первым предложил написать эту книгу. Спасибо Малкольму Эдвардсу из издательства «Орион», который терпеливо ждал появления этой книги восемь лет. Наконец – прежде всего, – я воздаю должное гению сэра Артура Конан Дойла, с кем я впервые познакомился в шестнадцатилетнем возрасте и чей удивительный творческий дар вдохновлял меня при написании собственной работы. Писать эту книгу было для меня невыразимой радостью, и я надеюсь, что не сильно отошел от оригинала.

Пролог

Я часто размышляю над цепью странных обстоятельств, которые привели меня к длительной дружбе с одним из самых удивительных и замечательных людей моего времени. Будь я в душе философом, я бы задался вопросом: до какой степени любой из нас является хозяином собственной судьбы, можем ли мы предсказать далекоидущие последствия наших действий, которые в момент их совершения кажутся нам ничем не примечательными?

К примеру, мой дальний родственник Артур рекомендовал меня на должность помощника хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк – он считал, что там я наберусь полезного опыта, – мог ли он предвидеть, что месяц спустя меня отправят в Афганистан? В то время конфликт, который принято называть Англо-афганской войной, еще и не думал разгораться. А что сказать о мусульманском воине, который в сражении при Майванде слегка нажал на спусковой крючок и всадил мне в плечо пулю? Девятьсот британских и индийских воинов в тот день отдали Богу душу, и мусульманин, несомненно, был намерен пополнить мною их ряды. Но, видимо, у него был сбит прицел, и, хотя я получил серьезное ранение, меня спас Джек Мюррей, мой верный санитар, добрейшей души человек, – целых две мили он тащил меня с территории противника в расположение британских войск.

В сентябре того же года Мюррей умер в Кандагаре и так и не узнал, что меня по ранению отправили домой и что я несколько месяцев посвятил – чтобы хоть как-то оправдать его усилия по спасению моей жизни – достаточно бессмысленному существованию в околосветских кругах Лондона. Но вскоре я всерьез задумался о том, чтобы перебраться на южное побережье... Пришлось посмотреть правде в глаза: финансы мои истощались достаточно быстро. Мне также дали понять, что морской воздух благотворно скажется на моем здоровье. Все-таки найти жилье подешевле в Лондоне было более желательно, и я уже собрался снять комнаты у биржевого маклера на Юстон-роуд. Но переговоры наши как-то не заладились, и я принял решение без дальнейших отлагательств: поеду в Гастингс, круг общения там, конечно, попроще, чем в Брайтоне, зато цена вдвое ниже. Вещи были упакованы, я был готов отправиться в путь, но тут мы заглянули к Генри Стэмфорду – не сказать к близкому другу, скорее знакомому, он был моим ассистентом в госпитале Сент-Бартс. За день до этого он изрядно набрался, проснулся с головной болью и, вполне возможно, именно поэтому взял отгул в химической лаборатории, где в то время работал. Бродя по Пикадилли-серкус, он решил прогуляться до Риджент-стрит и зайти в «Либерти» – купить жене подарок в подвальном этаже, где располагался так называемый восточный базар. Странно даже подумать, что, избери он другой маршрут, он не столкнулся бы со мной, когда я выходил из бара «Критерион», – в результате я мог бы и не познакомиться с Шерлоком Холмсом.

Я уже где-то писал, что именно Стэмфорд предложил мне снять жилище на пару с неким специалистом по химическому анализу, который работал с ним в одном госпитале. Так Стэмфорд познакомил меня с Холмсом – тот как раз ставил эксперимент по выведению пятен крови. От первой нашей встречи у меня осталось странное впечатление: она привела меня в легкое замешательство, но, безусловно, запомнилась... и позволяла предположить, что впереди нас ждет много интересного.

В моей жизни эта встреча стала поворотным пунктом. Литературных амбиций я не имел никогда. Мало того, скажи мне кто-то, что меня будут издавать, я бы рассмеялся ему в лицо. Но могу совершенно честно и нисколько не лгая себе сказать: мне удалось прославиться тем, как я описал приключения этого великого человека. Я еще больше вырос в собственных глазах, когда получил приглашение выступить во время службы в память о нем в Вестминстерском аббатстве, но от этого приглашения я вежливо отказался. Сам Холмс частенько посмеивался над моими литературными потугами, и я не мог отделаться от ощущения, что, займи я место за

кафедрой проповедника, я бы чувствовал его присутствие у себя за плечом – он бы безобидно посмеивался из могилы над моими пассажирами.

Он всегда считал, что я преувеличиваю его способности, уж слишком высоко оцениваю его блестящий ум, легко проникавший в суть явлений. Он любил посмеяться над тем, как я строю свое повествование: я старался дать разгадку в самом конце, а он клялся, что ему все было ясно с первых же абзацев. Он не раз обвинял меня в тривиальном романтизме и считал, что я ничуть не лучше самого заурядного писака с Граб-стрит. Все же я полагаю, что он был ко мне несправедлив. За все время, что мы были знакомы, я ни разу не застал Холмса за чтением прозы – исключая, конечно, худшие образчики бульварной литературы. Я, безусловно, не считаю себя великим писателем, но могу смело сказать, что мои труды нашли свою аудиторию, а сам он нипочем не написал бы лучше. Собственно говоря, однажды Холмс в этом практически признался, когда в конце концов взял перо и бумагу и принялся собственными словами описывать странное дело Годфри Эмсуорта. Этот эпизод увидел свет в рассказе под названием «Приключения побелевшего солдата», и мы видим, что само это название далеко от совершенства: побелка больше подходит для стены.

Повторю: мои литературные дерзания получили достаточно высокую оценку, но признание подобного рода никогда не было для меня самоцелью. В силу описанных выше обстоятельств именно мне выпала честь обнародовать достижения самого прославленного частного детектива и представить на суд полной энтузиазма аудитории не менее шестидесяти рассказов. Но куда ценнее для меня была многолетняя дружба с этим выдающимся человеком.

С того дня как Холмса нашли в его доме в Даунсе – он лежал неподвижно, вытянувшись на кровати во весь рост, – прошел год. Великий мозг замолчал навсегда. Услышав эту новость, я понял, что не просто лишился ближайшего сподвижника и друга, – во многих отношениях был утрачен сам смысл моего существования. Два брака, трое детей, семь внуков, успешная медицинская карьера, орден «За заслуги», врученный мне его величеством королем Эдуардом VII в 1908 году, – такими достижениями мог бы удовлетвориться любой. Но только не я. Я скучаю по Холмсу и поныне и порой, лежа без сна, словно вновь слышу до боли знакомые слова: «Игра начинается, Ватсон...»¹ Но они лишь напоминают мне о том, что окунуться во тьму и клубящийся туман Бейкер-стрит с надежным револьвером в руке мне уже не суждено. Я часто думаю, что Холмс ждет меня по другую сторону великой тени, в чье лоно неизбежно попадет каждый из нас, и скажу честно – я буду рад воссоединиться с ним. Моя застарелая рана с мучительной настойчивостью ведет меня к последнему порогу. На континенте бушует жуткая и бессмысленная война, и я перестал понимать мир, в котором живу.

Почему же я снова решил взяться за перо и потревожить воспоминания, которые было бы лучше предать полному забвению? Возможно, мною движет эгоизм. Подобно многим старикам, чья жизнь осталась позади, я ищу умиротворения. Медсестры, которые помогают мне бороться с недугом, уверяют: сочинительство – отличная терапия, оно не позволит мне пасть духом, что порой случается. Но есть и другая причина.

«Банда в кепках» и «Дом шелка» были в некоторых отношениях самыми сенсационными делами в карьере Шерлока Холмса, но в свое время я не мог позволить себе рассказать о них – причины вскоре будут ясны со всей очевидностью. Эти два дела до такой степени сплелись воедино, что рассказывать о них по отдельности было немыслимо. В то же время мне всегда хотелось сделать их достоянием гласности, довершить образ Шерлока Холмса. Я чувствую себя химиком, который ищет магическую формулу, или филателистом, который не может в полной

---

¹ В оригинале стоит фраза «The game's afoot». Это цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (акт III, сцена 1), переведенная в одном случае как «зверь поднят», а в другом – как «дичь поднята». При публикации повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе переводилась как «игра начинается». – *Здесь и далее примеч. перев.*

мере гордиться своей коллекцией марок, потому что в ней не хватает двух или трех редких экземпляров. Остановить себя я не могу. Я должен об этом написать.

Я не мог сделать этого раньше – и дело отнюдь не в том, что Холмс, как всем хорошо известно, терпеть не мог публичности. Нет. События, о которых я собираюсь рассказать, были столь чудовищны и скандальны, что и речи не могло идти об их огласке. Таковыми они остаются и сейчас. Без преувеличения скажу: огласка этих событий разорвет на части всю ткань нашего общества, тем более во время войны, а на такой риск я пойти не могу. Когда я закончу это описание – будем надеяться, что силы не оставят меня раньше, – я тщательно упакую рукопись и переправлю ее в хранилище банка «Кокс и К^о» на Чаринг-Кросс, где я держу и другие свои ценные бумаги. Мои инструкции будут таковы: пакет можно открыть только через сто лет. Невозможно представить, каким будет мир по прошествии такого большого отрезка времени, какие шаги вперед сделает человечество, но будущих читателей едва ли смутят постыдные и позорные события – в отличие от моих современников. Именно читателям будущего я завещаю мой последний портрет Шерлока Холмса, а также картину наших дней, доселе невиданную.

Достаточно – я израсходовал слишком много энергии на описание собственных забот. Пора вновь открыть дверь дома 221-б на Бейкер-стрит и войти в комнату, где началось так много приключений. Я все вижу воочию: мерцание лампы за стеклом, семнадцать ступеней, которые надо преодолеть, поднимаясь в дом с улицы. Как давно все это было, как далеко все это от меня сегодняшнего... Да. А вот и он, с неизменной трубкой в руке. Он поворачивается ко мне. На лице улыбка. «Игра начинается...»

Глава 1

Галерист из Уимблдона

– Грипп – штука неприятная, – заметил Шерлок Холмс. – Но вы правы: с помощью вашей жены ребенок скоро поправится.

– Очень на это надеюсь, – ответил я, тут же осекся и, широко раскрыв глаза, уставился на него. Чашка с чаем застыла на полпути к губам, но я поставил ее на стол с такой силой, что она едва не рассталась с блюдцем. – Черт подери, Холмс! – воскликнул я. – Вы просто прочитали мои мысли. Но готов поклясться: я ни словом не обмолвился о ребенке или его болезни. Да, вы можете догадаться, что моя жена в отъезде. Само мое присутствие здесь наводит вас на эту мысль. Но я еще не объяснил, по какой причине ее нет, и с уверенностью могу сказать: мое поведение никоим образом не могло дать вам намека на эту причину.

Этот диалог состоялся в конце ноября 1890 года. Лондон был в плену безжалостной зимы, на улицах стоял такой холод, что, кажется, застыли сами газовые фонари и излучаемый ими скромный свет растворялся в лондонском тумане. Люди, укутав лицо и склонив голову, перемещались по тротуарам, словно привидения, мимо них громыхали экипажи, а лошади мечтали вернуться в конюшню. Я был рад, что нахожусь не на улице, а в знакомом помещении, в камине поигрывает пламенем огонь, в воздухе висит привычный запах табака, а вокруг совершенный беспорядок, каким предпочитал окружать себя мой друг, – и это означало, что все правильно, все на своих местах.

Телеграммой я уведомил Холмса о своем намерении арендовать ту же комнату и провести некоторое время в его обществе, и его положительный ответ встретил с большим энтузиазмом. Моя медицинская практика могла дать мне передышку. Временно я остался один. Я хотел понаблюдать за моим другом и удостовериться, что он полностью восстановил здоровье. Дело в том, что Холмс морил себя голодом три дня и три ночи, отказываясь от пищи и воды, чтобы убедить жестокого и мстительного противника – смерть вот-вот заключит Холмса в свои объятия. Военная хитрость сработала, результат оказался триумфальным: злодей попал в надежные руки инспектора Мортон из Скотленд-Ярда. Но напряжение, которому подверг себя Холмс, все еще вызывало у меня беспокойство, и я решил понаблюдать за ним, пока обмен веществ в его организме полностью не восстановится.

Поэтому я был рад видеть, как он поглощает содержимое большой тарелки, которую на подносе принесла для нас двоих миссис Хадсон: лепешки с фиалковым медом и сметаной, а также чай с бисквитным тортом. Холмс явно шел на поправку, он расслабленно полулежал в своем большом кресле, вытянув ноги в направлении камина, на нем был хорошо знакомый мне халат. Фигуру его всегда можно было назвать поджарой и даже худощавой, а орлиный нос подчеркивал остроту взгляда, но сейчас на щеках его играл румянец, а голос и манеры позволяли предположить: он вполне пришел в себя.

Он тепло приветствовал меня, я расположился напротив и испытал странное ощущение, словно проснулся после глубокого сна. Словно не было в моей жизни трех последних лет, когда я встретил мою обожаемую Мэри, взял ее в жены, перебрался в наш дом в Кенсингтоне, который купил на деньги, вырученные от продажи жемчуга из сокровищ Агры. Казалось, что я, как и прежде, холостяк, живу бок о бок с Холмсом и делю с ним тревоги и волнения, связанные с очередной погоней или разгадкой очередной тайны.

Я подозревал, что такое положение дел было бы для него предпочтительным. Холмс редко спрашивал, что творится на моем домашнем фронте. Во время моей свадьбы он был за границей, и мне пришлось в голову, что его отъезд мог быть вовсе не случайным. Не скажу, что тема моего супружества была табу, но мы как бы пришли к молчаливому согласию не обсуждать ее подробно. Холмс видел, что в семейной жизни я счастлив и умиротворен, и велико-

душно обходился безо всяких шуток и подковырок по этому поводу. Когда я впервые предстал перед ним в новом качестве, он спросил меня о миссис Ватсон. Но он не стал ничего выпытывать, а сам я не считал нужным распространяться на эту тему, в итоге его замечания на этот счет были совершенно непостижимыми.

– Вы смотрите на меня, словно я фокусник, – заметил Холмс с улыбкой. – Надо полагать, расскажам Эдгара Аллана По вы дали отставку?

– Вы про его детектива Дюпена? – спросил я.

– Он пользовался методом, который определял как «умозаключение». По его теории можно прочесть самые сокровенные мысли человека, даже если тот и рта не раскрыл. Достаточно проанализировать его движения, последить за его мимикой. В свое время эта идея произвела на меня большое впечатление, но, припоминая, вы отнеслись к ней с некоторым презрением...

– И теперь мне приходится за это платить, – заключил я. – Холмс, вы всерьез хотите сказать, что способны сделать вывод о болезни ребенка, которого никогда не видели, просто глядя на то, как я поглощаю лепешки?

– Этот вывод не единственный, – откликнулся Холмс. – Могу добавить, что вы недавно вернулись с Холборнского виадука. Что дом вы покидали в спешке, но все равно опоздали на поезд. Сейчас вы живете без служанки, – может быть, все дело в этом?

– Прекратите, Холмс! – воскликнул я. – На эту удочку я не клюну!

– Разве я ошибся?

– Нет. Полное попадание по всем пунктам. Но как такое возможно?

– Все просто: наблюдение и дедукция, первое составляет информацию для второго. Я могу пуститься в объяснения, но они покажутся вам до обидного детскими.

– Тем не менее я хотел бы их услышать.

– Что ж, коль скоро вы выбрались ко мне с визитом, придется пойти на поводу у вашей настойчивости, – согласился Холмс и чуть заметно зевнул. – Начнем с самого факта вашего приезда сюда. Если меня не подводит память, ваш брак приближается к третьей годовщине, верно?

– Именно так, Холмс. До нее осталось ровно два дня.

– Не самое подходящее время для разлуки с женой. Вы ведь только что сказали: ваше решение пожить со мной под одной крышей, да еще и достаточно долго, подразумевает, что ее отъезд вызван весьма серьезной причиной. Что же это за причина? Насколько я помню, мисс Мэри Морстен, как ее звали до замужества, прибыла в Англию из Индии, здесь у нее друзей или родственников не было. Она стала работать гувернанткой, присматривать за сыном некоей миссис Сесил Форрестер в Камберуэлле, где вы с ней, собственно, и познакомились. Миссис Форрестер была с ней очень мила, особенно когда настали трудные времена, и я готов предположить, что между ними установились доверительные и близкие отношения.

– Вы совершенно правы.

– И если кто-то и мог подвигнуть вашу жену на отъезд из дома, миссис Форрестер выглядит вполне подходящей кандидатурой. Какая же причина может скрываться за подобной просьбой? За окном стоит холодная погода, и в первую очередь приходит в голову болезнь ребенка. Приболевшему мальчику было бы очень приятно, окажись рядом его любимая гувернантка.

– Его зовут Ричард, мальчику девять лет, – добавил я. – Но почему вы уверены, что у него грипп, а не нечто более серьезное?

– Если бы дело обстояло так, вы бы наверняка занялись ребенком лично.

– Пока ваши рассуждения в высшей степени понятны и просты, – признал я. – Но как вы узнали, что мои мысли были сосредоточены на этой теме в данную конкретную минуту?

– Надеюсь, дорогой Ватсон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы для меня – открытая книга, каждый ваш новый жест – это новая страница. Вы сидите напротив и потягиваете чай, и я

вижу, что ваш взгляд устремлен в лежащую на столе газету. Вы посмотрели на заголовок, протянули руку и перевернули газету лицом вниз. Почему? Наверное, вам пришлось не по душе заметка о крушении поезда в Нортон-Фицуоррен несколько недель тому назад. Сегодня опубликовали результаты расследования гибели десяти пассажиров, и, понятное дело, вам совершенно не хочется об этом читать, потому что вы только что попрощались с женой на вокзале.

– Да, заметка напомнила мне о ее поездке, – согласился я. – Но болезнь ребенка?

– С газеты взор ваш переместился на ковровую дорожку рядом со столом, и я ясно увидел, как вы украдкой улыбаетесь. Именно на этом месте когда-то стоял ваш медицинский саквояж, мысль о котором и напомнила вам о причине поездки вашей жены.

– Ну, Холмс, это уже из области догадок, – возразил я. – Например, вы упомянули Холборнский виадук. А ведь это мог быть любой вокзал Лондона.

– Вы прекрасно знаете, что догадок я сторонюсь. Иногда надо применить воображение на основе вещественных доказательств, но это вовсе не одно и то же. Миссис Форрестер живет в Камберуэлле. Поезда в Чатем и Дувр регулярно уходят со станции Виадук Холборн. Этот вывод представляется вполне логичным, но вы облегчили мне задачу, поставив у двери ваш собственный чемодан. Из этого кресла мне хорошо видна наклейка на ручке чемодана: «Виадук Холборн, камера хранения».

– А все остальное?

– Отсутствие служанки и поспешный выход из дома? Мазок черной ваксы на рукаве указывает на то и другое сразу. Вы сами чистили себе обувь и действовали не вполне аккуратно. Далее, в спешке вы забыли надеть перчатки...

– Мое пальто забрала миссис Хадсон. Она вполне могла забрать и перчатки.

– Но мы с вами обменялись рукопожатием, и ваша рука была очень холодная. Нет, Ватсон, весь ваш облик говорит об отсутствии организующего начала, о беспорядке.

– Все, что вы сказали, правда, – признал я. – Осталась только одна тайна, Холмс. Откуда вам известно, что моя жена опоздала на поезд?

– Когда вы вошли, я уловил на вашей одежде сильный запах кофе. С чего бы вам пить кофе, если вы собираетесь ко мне на чай? Вывод: вы опоздали на поезд и были вынуждены пробыть с женой дольше, чем намеревались. Вы сдали чемодан в камеру хранения и пошли с женой в кофейню. Не на Локхарт-стрит? Я слышал, там готовят отличный кофе.

Ненадолго воцарилась тишина, после чего я расхохотался.

– Что ж, Холмс, – сказал я, – вижу, что о вашем здоровье можно не тревожиться. Вы блистательны, как всегда.

– Но это же элементарно, – ответил детектив, вяло поведя рукой. – Впрочем, похоже, нас ждет нечто более интересное. Если не ошибаюсь, кто-то стоит у наших входных дверей...

Холмс оказался прав: снова появилась миссис Хадсон, на сей раз не одна. В комнату вошел человек: он выглядел как персонаж какой-нибудь пьесы на сцене лондонского театра. Смокинг, бабочка, черная накидка на плечах, жилет, шикарные кожаные туфли. В одной руке пара белых перчаток, в другой – трость из розового дерева с серебряным набалдашником и рукояткой. Грива темных волос откинута назад и открывает высокий лоб. Кожа бледная, лицо, не будь оно слегка вытянуто, можно было бы назвать красивым. Я дал бы ему лет тридцать пять, в то же время он выглядел старше – уж чересчур серьезный облик, к тому же он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мне сразу вспомнились некоторые мои пациенты – те, что отказывались верить в свою болезнь, пока очевидные симптомы не убеждали их в обратном. Именно их заболевания оказывались самыми тяжелыми. Вот и новый посетитель не выказывал особой радости от встречи с нами. Он стоял в дверях и взволнованно озирался по сторонам, а миссис Хадсон передала Холмсу его визитку.

– Господин Карстерс, – произнес Холмс, – прошу садиться.

– Простите, что прибыл вот так, без объявления и приглашения. – Говорил он отрывисто и сухо. Глаза пока блуждали, не желая встречаться с нашими. – Если честно, у меня вообще не было намерения приходить сюда. Я живу в Уимблдоне, неподалеку от теннисных кортов, и приехал в город слушать оперу, но сейчас мне не до Вагнера. Я только что из клуба, где встречался с моим бухгалтером, я знаю этого человека много лет и считаю своим другом. Я рассказал ему о своих неприятностях, о том, как они отравляют мне жизнь и делают ее невыносимой, и он упомянул вас и настоятельно рекомендовал посоветоваться с вами. По случайному совпадению мой клуб находится совсем рядом, и я решил направиться прямо к вам.

– Буду рад выслушать вас, – сказал Холмс.

– А этот господин?.. – Посетитель указал на меня.

– Это доктор Джон Ватсон. Он мой ближайший сподвижник, так что не сомневайтесь – все, что вы хотите рассказать мне, может быть произнесено в его присутствии.

– Ну что ж. Меня зовут, как вы видите, Эдмунд Карстерс, я торгую произведениями искусства. У меня своя галерея, «Карстерс и Финч», на Элбмарл-стрит, она действует вот уже шесть лет. Основная сфера наших интересов – работы великих художников, в основном прошлого века: Гейнсборо, Рейнольдс, Констебл и Тёрнер. Не сомневаюсь, что вы знакомы с их картинами, цены на эти полотна самые высокие. Только на этой неделе я продал два портрета работы Ван Дейка частному клиенту на общую сумму двадцать пять тысяч фунтов. Бизнес у нас вполне процветающий, успешный, на соседних улицах появляются все новые и новые галереи, но я бы назвал их вторичными. С годами нам удалось заработать достойную репутацию – нас ценят за трезвость оценки и надежность. Среди наших клиентов много знати, наши работы вывешены в самых изысканных особняках страны.

– А ваш партнер господин Финч?

– Тобиас Финч гораздо старше меня, хотя доли у нас равные. Если мы иногда расходимся во мнениях, это объясняется тем, что он человек более консервативный и осторожный, чем я. Например, меня очень интересуют новые работы, которые приходят к нам с континента. Я имею в виду художников, ставших известными как импрессионисты, например Моне и Дега. Всего неделю назад мне предложили зарисовку на берегу моря Писсарро, на мой взгляд весьма яркую и живописную. Увы, мнение моего партнера с моим не совпадает. Он утверждает, что такие работы недалеко ушли от мазни, – некоторые формы вблизи действительно трудноразличимы, но он не видит сути картины, и переубедить его я не могу. Впрочем, господа, не буду утомлять вас лекцией о живописи. Галерея наша вполне традиционная, таковой в ближайшем будущем и останется.

Холмс кивнул:

– Прошу вас, продолжайте.

– Господин Холмс, две недели назад я понял, что за мной следят. Риджуэй-холл – так называется мой дом – стоит на углу узкого переулочка, в некотором отдалении находятся несколько богаделен. Это наши ближайшие соседи. Мы окружены общественными землями, и из моей гардеробной открывается вид на деревенские уголья. И вот во вторник утром я увидел там человека: он стоял, широко раздвинув ноги и скрестив руки, стоял совершенно неподвижно, и этой неподвижностью я был просто изумлен. Он был достаточно далеко, и я не мог разглядеть его черты, но мне показалось, что это иностранец. На нем был длинный сюртук с накладными плечами, покрой явно не английский. В прошлом году я был в Америке и готов высказать догадку, что этот человек прибыл оттуда. Но более всего – причину объясню позже – меня поразило другое: на голове его был головной убор – кепка.

И вот эта кепка и сама его поза, когда я впервые его увидел, здорово вывели меня из равновесия. Полное отсутствие движения – в этом он мог вполне соперничать с пугалом, клянусь вам. Шел легкий дождь, ветерок носил его над кварталом, но человек этого будто не замечал. Глаза его были устремлены на мое окно. Могу сказать, что из них словно шел темный луч и

он сверлил меня. Я смотрел на него, наверное, не меньше минуты, потом пошел завтракать. Но перед тем как приступить к трапезе, я послал слугу взглянуть, стоит ли этот человек на прежнем месте. Его не было. Слуга доложил, что на полях никого нет.

– Отдельный случай, – заметил Холмс. – Не сомневаюсь, что Риджуэй-холл – дом, заслуживающий внимания. Приезшему он вполне мог показаться достойным объектом для изучения.

– Я и сам довольствовался таким объяснением. Но через несколько дней он появился снова. Мы с женой были в Лондоне, только что вышли из театра – ходили в «Савой», – и я не сумел его как следует разглядеть. На сей раз он стоял на виду, под уличным фонарем, но сам этот фонарь отбрасывал тень на его лицо и играл роль вуали. Возможно, таковым и было его намерение.

– Но это был именно он?

– Вне всякого сомнения.

– А ваша жена его видела?

– Нет. Я не хотел ее тревожить и ничего ей не сказал. Нас ждала двуколка, и мы тут же уехали.

– Чрезвычайно интересно, – заметил Холмс. – Действия этого человека противоречат здравому смыслу. Он стоит посреди деревенских угодий и под уличным фонарем. С одной стороны, он хочет, чтобы его увидели. С другой – даже не пытается к вам подойти.

– Он подошел ко мне, – откликнулся Карстерс. – На следующий же день; я как раз приехал домой раньше обычного. Мой друг Финч оставался в галерее, он заносил в каталог коллекцию рисунков и гравюр Сэмюэла Скотта. Моя помощь ему не требовалась, к тому же после двух упомянутых встреч мне было не по себе. К Риджуэй-холлу я подъехал около трех часов, и слава богу, потому что этот негодяй собирался постучать в дверь моего дома. Я окликнул его, он обернулся и увидел меня. Тотчас же он кинулся в мою сторону, и я, уверенный, что он собирается меня ударить, даже поднял трость, чтобы защититься. Но насилие в его планы не входило. Он приблизился ко мне вплотную, и впервые я разглядел его лицо: тонкие губы, темные карие глаза, багровый шрам на правой щеке – видимо, след от недавнего пулевого ранения. Он был под воздействием алкоголя – от него пахло спиртным. Он не произнес ни слова, но поднял вверх записку и сунул ее мне в руку. И сразу же убежал – я не успел его остановить.

– А записка? – любопытствовал Холмс.

– Она при мне.

Галерист извлек на свет сложенный вчетверо листок бумаги и передал его Холмсу. Тот аккуратно развернул его.

– Передайте, пожалуйста, мою лупу, Ватсон.

Я исполнил просьбу, и он повернулся к Карстерсу:

– Конверта не было?

– Нет.

– Это очень важное обстоятельство. Ну-ка, поглядим...

На страничке было всего пять слов, написанных печатными буквами:

ЦЕРКОВЬ ДЕВЫ МАРИИ, ЗАВТРА, ПОЛДЕНЬ.

– Бумага английская, – заметил Холмс, – даже если сам ваш визитер приезжий. Обратите внимание, Ватсон, – написано печатными буквами. Какова, на ваш взгляд, цель?

– Скрыть собственный почерк, – предположил я.

– Возможно. С другой стороны, этот человек никогда господину Карстерсу не писал и едва ли напишет впредь – зачем ему скрывать свой почерк? Господин Карстерс, записка была сложена, когда вам ее передали?

– Нет. По-моему, нет. Я сам сложил ее позже.

– Что ж, картина проясняется. В записке идет речь о церкви Девы Марии. Надо полагать, она находится в Уимблдоне?

– На Хотхаус-лейн, – ответил Карстерс, – в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

– В таком поведении тоже мало логики, как считаете? Человек хочет с вами поговорить. С этой целью он сует вам в руку записку. При этом молчит. Практически не произносит ни слова.

– Мне кажется, он хочет поговорить со мной наедине. Кстати, моя жена Кэтрин вышла из дома буквально через несколько секунд. Она стояла у окна гостиной, которое выходит прямо на подъездную дорожку, и все видела. «Кто это такой?» – спросила она. «Понятия не имею», – был мой ответ. «Чего он хотел?» Я показал ей записку. «Он хочет денег, – сказала она. – Я видела его из окна – настоящий разбойник. На прошлой неделе в полях разбила табор цыгане. Скорее всего, он один из них. Эдмунд, ходить на встречу с ним незачем». – «Не тревожься, дорогая, – сказал я жене, – я и не собираюсь с ним встречаться».

– Жену вы успокоили, – пробормотал Холмс, – а сами в назначенное время пришли в церковь.

– Именно, и положил в карман револьвер. Но этого типа не было. В этой церкви вообще не много прихожан, а тут еще пронизывающий холод. Час я маршировал по плитам перед входом в церковь, потом направился домой. Больше я о нем ничего не слышал, он не появлялся, но я не могу выкинуть его из головы.

– Вы знаете этого человека, – высказал предположение Холмс.

– Да, господин Холмс. Вы попали в точку. Я думаю, что знаю, кто этот человек, хотя, признаюсь откровенно, мне не вполне понятно, на каком основании такой вывод сделали вы.

– Мне это показалось совершенно очевидным, – ответил Холмс. – Вы видели этого человека только три раза. Он назначил вам встречу, но сам же и не пришел. Из вашего описания вовсе не следует, что этот человек представляет для вас угрозу, но вы начали с неприятностей, которые отравляют вам жизнь, а на встречу с этим человеком пошли, вооружившись револьвером. И вы пока не сказали нам, в чем тайный смысл кепки.

– Я знаю, кто он. Знаю, что ему нужно. Меня пугает, что он проследовал за мной в Англию.

– Из Америки?

– Да.

– Господин Карстерс, ваш рассказ чрезвычайно интересен, и, если у вас есть время до начала оперы или если вы готовы пожертвовать увертюрой, мне кажется, вам следует рассказать все с самого начала и до конца. Вы говорили, что год назад ездили в Америку. С человеком в кепке вы встретились там?

– Раньше мы лично не встречались. Но в Америку я приехал из-за него.

– Если позволите, я набью трубку. Не возражаете? Давайте вернемся к началу, и вы расскажете нам, что привело вас на другую сторону Атлантики. Галерист, по моему пониманию, не тот человек, который легко наживает врагов. А вам это явно удалось.

– Согласен. Моего недруга зовут Киран О’Донахью – кажется, все бы отдал, чтобы никогда не слышать этого имени.

Холмс потянулся к персидской тапке, где держал табак, и начал набивать трубку. Эдмунд Карстерс тем временем перевел дыхание, и вот что мы услышали.

Глава 2

Банда в кепках

– Полтора года назад я был представлен довольно необычному человеку, звали его Корнелиус Стилмен, он совершал длительную поездку по Европе и заканчивал ее в Лондоне. Жил он на Восточном побережье Америки и принадлежал к клану так называемых бостонских браминов, то есть входил в число местной знати и аристократии. Он сколотил состояние на шахтах компании «Калумет и Хекла», к тому же вложил средства в железные дороги и телефонные компании. Видимо, в молодые годы он мечтал о карьере художника, и частично его приезд в Европу объяснялся желанием посетить музеи и галереи Парижа, Флоренции, Рима и Лондона.

Подобно многим богатым американцам, господин Стилмен был исполнен чувства гражданской ответственности, что, несомненно, делало ему честь. Он приобрел землю в бостонском районе Бэк-Бей и уже приступил к строительству художественной галереи, которую назвал «Парфенон», планируя заполнить ее самыми замечательными произведениями искусства, купленными во время его путешествий. Я познакомился с ним на одном приеме, и он произвел на меня впечатление человека-вулкана, кипящего энергией и энтузиазмом. В одежде этот американец был достаточно старомоден, носил бороду, а в глазу поблескивал монокль, но он оказался на диво осведомленным человеком, бегло говорящим по-французски и по-итальянски и даже имевшим представление о древнегреческом. Он глубоко разбирался в искусстве, эстетическое начало в нем было очень развито, в итоге он заметно отличался от большинства своих соотечественников. Не нужно подозревать меня в излишнем шовинизме, господин Холмс. Этот человек сам рассказывал мне, как хромает в его стране культурная жизнь, с годами он к такому положению вещей привык: величайшие полотна выставлялись рядом с уродцами, какими-то русалками и карликами. Он видел, как постановке пьесы Шекспира предшествовало выступление канатоходцев и акробатов. Так обстояли дела в Бостоне того времени. В «Парфеноне» все будет иначе, сказал он. Это, как следовало из названия, будет храм искусства и цивилизации.

Я очень обрадовался, когда господин Стилмен согласился посетить мою галерею на Элбмарл-стрит. Мы с господином Финчем провели в его обществе несколько часов, подробно ознакомили его с нашим каталогом, показали последние покупки, сделанные нами на разных аукционах Англии. Короче говоря, он купил у нас работы Ромни, Стаббса и Лоуренса, а также четыре пейзажа Джона Констебла – настоящую гордость нашей коллекции. Это были изображения Озерного края, датированные тысяча восемьсот шестым годом, совершенно не похожие на другие работы этого выдающегося мастера. Они создавали удивительное настроение, в них улавливалась подлинная глубина, и господин Стилмен обещал: эти пейзажи будут выставлены в большом, хорошо освещенном зале, который спроектируют специально для них. Мы выторговали блестящие условия. С учетом происшедшего хочу сказать, что мой банковский счет пополнился кругленькой суммой. Господин Финч заметил, что эта сделка, вне всяких сомнений, наиболее успешная в нашей жизни.

Оставалось доставить картины в Бостон. Мы тщательно их упаковали, поместили в деревянный ящик и отправили «Белой звездой» из Ливерпуля в Нью-Йорк. По велению судьбы мы решили, что передадим картины непосредственно в Бостоне, – это было одно из решений, которые в момент их принятия не кажутся существенными, но потом ты долгое время о них сожалеешь. Именно до Бостона отправлялось судно «Эдвенчерер», но мы опоздали на несколько часов и в итоге поместили драгоценный груз на другой океанский лайнер, плывший до Нью-Йорка. Там груз принял наш агент, толковый молодой человек по имени Джеймс Девои, и отправился с ним до Бостона по железной дороге «Бостон и Олбани» – путешествие длиной в сто девяносто миль. Но добраться до пункта назначения нашим картинам было не суждено.

В то время в Бостоне орудовало несколько банд, главным образом на юге города, в Чарльзтауне и Сомерсвилле. У многих из них были диковинные названия: «Мертвые кролики», «Сорок воров», а сами бандиты были ирландского происхождения. С грустью думаешь о том, что великая страна приняла их с распростертыми объятиями, а они взамен предложили беззаконие и насилие, но дело обстояло именно так, и полиция была не способна остановить их или передать в руки правосудия. Одна из самых активных и опасных групп именовалась «Банда в кепках», заправилами были братья-близнецы Рурк и Килан О'Донахью, родом из Белфаста. Этих двух дьяволов я охарактеризую с особой тщательностью, потому что в моей истории они занимают центральное место.

Эта парочка была неразлучна. При рождении они выглядели совершенно одинаково, но Рурк вырос крупнее брата – квадратные плечи, грудь бочонком, могучие кулаки, которые он был всегда готов пустить в ход. Говорили, что во время карточной игры он забил человека до смерти, а ему едва минуло шестнадцать лет. Килан по контрасту всегда находился в тени брата, он был поменьше и поспокойнее. Собственно, он вообще мало говорил, ходили слухи, что даром речи Бог его обделил. Рурк носил бороду, Килан был чисто выбрит. Оба ходили в кепках, отсюда и название их банды. Было также известно, что у них на руках выколоты инициалы друг друга, и во всех отношениях они были неразделимы.

Что касается других членов банды, их клички говорят сами за себя и хорошо их характеризуют. Фрэнк Келли – Бешеный Пес, Маклин Патрик – Лезвие. Еще один был известен как Привидение и внушал окружающим ужас, подобно любому сверхъестественному существу. Сфера их деятельности включала в себя все мыслимые виды уличных преступлений: разбой, грабеж, а также покровительство. При этом бостонская беднота относилась к ним с большим почтением и не понимала очевидного: эти мерзавцы были гнойным нарывом на теле общества. Это были отщепенцы, которые плевать хотели на и без того далекие от совершенства законы. Вам, разумеется, известно, что близнецы занимают особое место в мифологии со времен расцвета цивилизации. Есть Ромул и Рем, Аполлон и Артемида, а Кастор и Поллукс обрели бессмертие на звездном небе в созвездии Близнецы. Некая аура окружала и братьев О'Донахью. Среди простого народа бытовало убеждение, что их не поймают никогда, что абсолютно все сойдет им с рук.

Когда я отсылал картины в Саутгемптоне, о «Банде в кепках» я не знал ничего, вообще никогда о них не слышал, но именно в это время кто-то сообщил бандитам: через несколько дней американская компания по производству банковских билетов будет перевозить много денег в Массачусетский первый национальный банк – из Нью-Йорка в Бостон. Сумма якобы составляла сто тысяч долларов, а повезут деньги по железной дороге «Бостон и Олбани». Кто-то говорил, что операцию по ограблению поезда задумал Рурк. Другие считали, что из двух братьев мозгом был именно Килан. Так или иначе, они решили напасть на поезд, когда он будет еще в пути, и освободить его от денежной массы.

Попытки грабить поезда все еще предпринимались на западных границах Америки – в Калифорнии и Аризоне, – но проверить подобное на более развитом Восточном побережье было практически невыполнимо, поэтому в поезде, который отправился с Центрального вокзала в Нью-Йорке, был всего один вооруженный охранник – в почтовом вагоне. Банкноты находились в сейфе. А картины – надо же, чтобы так не повезло! – были тут же, рядом, в своем деревянном ящике. Наш агент Джеймс Девоу ехал в вагоне второго класса. К своим обязанностям он всегда относился добросовестно и расположился как можно ближе к почтовому вагону.

Для захвата «Банда в кепках» выбрала участок пути неподалеку от Питсфилда. Здесь, перед мостом через реку Коннектикут, поезд преодолевает довольно крутой подъем. Он заезжает в туннель длиной две тысячи футов, и на выезде по правилам железной дороги машинист обязан проверить тормоза. Поэтому поезд в этом месте шел очень медленно, и братья О'Донахью без особого труда спрыгнули на крышу одного из вагонов. Оттуда они перелезли

через тендер и, к изумлению машиниста и его помощника, внезапно появились в машинном отделении с оружием в руках.

Они велели остановить поезд на лесной просеке. Со всех сторон их окружали высокие белые сосны – природная ширма, под прикрытием которой они могли легко совершить свое преступление. Келли, Маклин и другие бандиты ждали наготове с лошадьми и с динамитом, который похитили где-то на стройплощадке. Все они были вооружены. Когда поезд остановился, Рурк ударил машиниста рукояткой револьвера по голове и оглушил его. Килан молча достал веревку и привязал помощника к металлической опоре. Тем временем остальные бандиты ворвались в поезд. Они велели пассажирам оставаться на местах, а сами двинулись к почтовому вагону, намереваясь взорвать его дверь.

Джеймс Девой все это видел и пришел в ужас от возможных последствий. Видимо, он догадался, что грабителей интересуют отнюдь не полотна Констебла. В конце концов, об их существовании знало всего несколько человек, и, даже если бы у бандитов хватило мозгов или образования, чтобы опознать работы великого мастера, они просто не нашли бы желающих эти картины купить. Остальные пассажиры сидели тихо и смирно, а Девой встал со своего места и пошел к бандитам на переговоры. По крайней мере, я полагаю, что его намерение было именно таковым. Но не успел он открыть рот, как Рурк О'Донахью обернулся и застрелил беднягу на месте. Бандит всадил три пули Девой в грудь, тот рухнул на пол и нашел свое последнее упокоевание в луже собственной крови.

Находившийся в почтовом вагоне охранник услышал выстрелы. Могу себе представить, какой ужас он испытал, когда понял, что по ту сторону двери орудут бандиты. Может быть, он открыл бы дверь по их требованию? Нам этого никогда не узнать. Через минуту прогремел мощный взрыв, и вся стена почтового вагона разлетелась на части. Охранник погиб на месте. Доступ к сейфу с деньгами был открыт.

Второго, куда более скромного взрыва, хватило на то, чтобы открыть сейф, – и злоумышленники обнаружили, что им дали ложную информацию. В Массачусетский первый национальный банк было послано всего две тысячи долларов; возможно, для этих бродяг и такие деньги – целое состояние, но сумма была гораздо меньше той, на которую они рассчитывали. Но они все равно схватили банкноты с радостными воплями, нимало не заботясь о том, что оставили после себя два трупа, и не представляя, что их взрывы уничтожили четыре полотна, которые стоили в двадцать раз больше похищенной ими суммы. Эти, да и другие погибшие картины – невосполнимая потеря для британского искусства. Я постоянно напоминаю себе, что во время этого налета погиб замечательный и исполнительный молодой человек, но, как ни стыдно мне в этом признаться, потерю картин я оплакиваю в неменьшей степени.

Мой друг Финч и я были потрясены, когда узнали о случившемся. Поначалу дело нам представили так, что картины похищены, и такой вариант был бы более предпочтительным, потому что этими работами мог бы насладиться хоть кто-то и всегда оставалась возможность украденное вернуть. Надо же, чтобы налет произошел столь не вовремя, и до какой степени вандализма доходят люди ради пачки банкнот! Вот когда мы горько пожалели, что выбрали не тот маршрут, – получается, во всем виноваты мы сами! Беспокоили нас и финансовые сообщения. Господин Стилмен внес за картины большой аванс, но по контракту мы целиком несли за них ответственность вплоть до передачи их ему в руки. Счастье, что мы застраховали отгрузку на Лондонском страховом рынке Ллойда, – в противном случае нас ждало разорение, ведь в конце концов аванс пришлось бы вернуть. Еще одно неудобное обстоятельство – семья Джеймса Девой. Я выяснил, что у него остались жена и маленький ребенок. Кто-то должен был о них позаботиться.

Именно по этим причинам я решил отправиться в Америку и отбыл из Англии без промедления. Моим первым пунктом назначения был Нью-Йорк. Там я встретился с госпожой Девой и обещал ей определенную компенсацию. Ее сыну было девять лет – более милого и

симпатичного ребенка трудно себе представить. Потом я перебрался в Бостон, а оттуда в Провиденс, где Корнелиус Стилмен воздвиг себе летнюю резиденцию. Надо сказать, что хоть я и провел в его обществе достаточно много часов, но все равно не был готов к зрелищу, которое открылось перед моими глазами. Шепердс-Пойнт оказался гигантским сооружением – наподобие французского замка, – построенным известным архитектором Ричардом Моррисом Хантом. Одни сады простирались на тридцать гектаров, а интерьер дома говорил об изобилии, охватить которое мое воображение было не в силах. Сам Стилмен настоял на том, чтобы устроить мне экскурсию по дому, и я едва ли когда-нибудь ее забуду. Великолепная деревянная лестница, занимавшая господствующее положение в большом зале, библиотека на пять тысяч томов, комплект шахмат, когда-то принадлежавших Фридриху Великому, часовня со старинным органом, на котором играл Пёрселл. К тому времени как мы добрались до подвального этажа, где был плавательный бассейн и площадка для игры в боулинг, я изрядно подустал. А живопись! Я отметил работы Тициана, Рембрандта и Веласкеса, а мы еще не добрались до гостиной. Я разглядывал всю эту роскошь, несметные богатства хозяина дома, и вдруг в голову мне пришла идея.

Вечером во время ужина – мы сидели за гигантским средневековым столом для приемов, обслуживал нас чернокожий слуга, одетый, я бы сказал, по-колониальному, – я заговорил о госпоже Девой и ее сыне. Стилмен заверил меня: хоть они и не живут в Бостоне, отцы города по его просьбе о них позаботятся. Вдохновленный его ответом, я перешел к «Банде в кепках» и спросил, можно ли с его помощью призвать их к ответственности – ведь пока бостонская полиция не сильно продвинулась в этом деле. Возможно ли, спросил я, предложить значительное вознаграждение тому, кто укажет, где они находятся, а также нанять частных детективов, чтобы они задержали бандитов от нашего имени. Так мы отомстим им за убийство Джеймса Девоя, а заодно и накажем за утрату пейзажей Констебла.

Стилмен ухватился за мое предложение с энтузиазмом.

– Вы правы, Карстерс! – воскликнул он, с грохотом стукнув кулаком по столу. – Именно так мы и поступим. Эти подонки надолго запомнят день, когда они вздумали прищемить хвост Корнелиусу Стилмену!

Это не была его обычная манера выражаться, но мы к тому времени успели разделаться с бутылкой тончайшего кларета и принялись за портвейн, и господин Стилмен был в необычно приподнятом настроении. Он с настойчивостью заявил, что полностью оплатит расходы на детективов и само вознаграждение, хотя я был готов внести определенную долю. Мы пожали друг другу руки, и он предложил мне остаться у него, пока будут приняты все необходимые меры, – это приглашение я с радостью принял. Искусство – это моя жизнь как коллекционера и галериста. А в летней резиденции Стилмена было столько сокровищ, что состояние транса было мне обеспечено на несколько месяцев.

Но события пошли более короткой дорогой. Господин Стилмен обратился в агентство Пинкертона и нанял человека по имени Билл Макпарленд. На встречу с ним был приглашен и я... Стилмен относился к типу людей, которые все должны сделать сами и на свой манер. При этом его репутация со всей очевидностью говорила, что он выдающийся исследователь и не успокоится, пока «Банда в кепках» не окажется в его руках. В то же время в рекламном приложении к «Бостон дейли» было помещено объявление: награда в сто долларов – немалая сумма – за информацию, которая приведет к аресту Рурка и Килана О’Донахью и всех остальных, связанных с совершенным преступлением. Мне было приятно, что под объявлением рядом со своим именем господин Стилмен поставил мое, хотя все финансовые затраты взял на себя он.

Следующие недели я провел в Шепердс-Пойнте и в самом Бостоне, удивительно красивом и быстро растущем городе. Несколько раз я съездил в Нью-Йорк и с удовольствием провел какое-то время в Метрополитен-музее – в этом не очень удачном с архитектурной точки зрения здании содержалась великолепная коллекция. Я также навестил госпожу Девую и ее сына.

Именно в Нью-Йорке я получил телеграмму от Стилмена с просьбой срочно вернуться. Объявление о вознаграждении сработало. Макпарленд получил нужные сведения. Кольцо вокруг «Банды в кепках» было готово сомкнуться.

Я сразу же вернулся и снял номер в гостинице на Скул-стрит. Вечером туда приехал Корнелиус Стилмен и рассказал, что произошло.

Сведения поступили от владельца пивной – в Америке их называют салунами – в Саут-Энде, не слишком благополучном районе Бостона, где нашли себе пристанище эмигранты из Ирландии. Близнецы О’Донахью ютились в узком многоквартирном доме неподалеку от Чарльз-Ривер – мрачном и убогом трехэтажном сооружении с десятком прижавшихся друг к другу комнат, без прихожих, всего с одним туалетом на каждом этаже. Прямо по коридорам текли сточные воды, и зловонный запах перебивали лишь сотни печурок, в которых сжигали уголь. Жуткий притон – вечно орут дети, бузят пьяные мужчины, что-то бормочут полубезумные женщины. Сзади была наспех сколоченная деревянная пристройка с вкраплениями из кирпича, ее-то и облюбовали близнецы. У Килана была отдельная комната. Рурк делил другую с двумя членами банды. Остальные «кепки» занимали третью комнату.

Деньги, похищенные из поезда, давно исчезли – бандиты спустили их на спиртное, посадили в карты. Когда солнце в тот вечер близилось к закату, все они сидели, сгрудившись у печи, и, как обычно, потягивали джин и играли в карты. Караульного не было. Зачем? Соседи сунуться к ним никогда не осмелятся, а бостонская полиция к похищению двух тысяч долларов давно потеряла интерес. Поэтому они даже не думали о приближении Макпарленда с десятком вооруженных человек, которые быстро окружили здание.

Пинкертоновцам велели взять бандитов живыми, если удастся, – Стилмен надеялся предать их суду, к тому же в непосредственной близости было много невинных людей, и беспорядочной пальбы хотелось бы по возможности избежать. Приведя своих людей в состояние полной готовности, Макпарленд взял припасенный громкоговоритель и предложил бандитам сдаться. Но его ждало разочарование – «Банда в кепках», недолго думая, открыла яростный огонь. Да, близнецы позволили застать себя врасплох, но сдаваться без боя не собирались – и море свинца выплеснулось на улицу, пули летели не только из окон, но и сквозь дыры в самих стенах. Двоих пинкертоновцев подстрелили, ранение получил и сам Макпарленд, но остальные не спасовали и разрядили в здание шестизарядные обоймы своих револьверов. Сотни пуль прошибли хлипкую древесину – трудно себе представить, что творилось внутри. Никакой защиты не было. Укрыться было негде.

Когда все было кончено, в задымленной пристройке представители закона нашли пять мужских трупов, истерзанных пулями в клочья. Одному бандиту удалось бежать. Поначалу такое показалось невозможным, но осведомитель господина Макпарленда заверил его: вся шайка была в сборе и ответный огонь вели шесть человек. Комнату тщательно обследовали – и разгадка была найдена. Одна половица не была прибита гвоздями. Ее отодвинули – и открылся узкий дренажный водосток, который тек под поверхностью земли и уходил прямо в реку. Через него Килан О’Донахью и сбежал, хотя задача перед ним стояла дьявольски трудная. Правильнее будет сказать не «сбежал», а «уполз», потому что в этой трубе мог поместиться разве что ребенок, и никто из агентов Пинкертона туда лезть не решился. Макпарленд повел своих людей вдоль реки, но к тому времени наступила кромешная тьма, и он знал: поиски ни к чему не приведут. «Банда в кепках» была уничтожена, но одному из ее главарей удалось спастись.

Все это мне рассказал Корнелиус Стилмен в тот вечер в гостиничном номере, но история на этом, увы, не кончается.

Я остался в Бостоне еще на неделю, частично в надежде, что Килана О’Донахью найдут. На самом деле в душе возникло легкое беспокойство. Возможно, оно жило во мне с самого начала, но только теперь я осознал его в полной мере. Речь идет о проклятом объявлении, ранее мною упомянутом, – под ним стояло мое имя. Стилмен сделал достоянием гласности

тот факт, что я имею отношение к вознаграждению и к «ударной группе», которая занялась поимкой «Банды в кепках». Поначалу я, исполненный чувства общественного долга, был ему за это благодарен, пожалуй, даже почитал за честь быть упомянутым рядом с этой выдающейся личностью. Но теперь я понял: один близнец убит, а другой гуляет на свободе! Я прекрасная мишень для мести, особенно в районе, где самые жуткие преступники могут рассчитывать на поддержку множества друзей и почитателей. Я с опаской входил в гостиницу и выходил из нее. В неблагополучные районы города старался не соваться, по вечерам сидел в номере.

Килана О'Донахью не поймали, и даже высказывались сомнения: а жив ли он? Ведь он мог получить ранения и скончаться от потери крови где-нибудь под землей, подобно крысе. Вполне мог и утонуть. Ко времени нашей последней встречи Стилмен, несомненно, убедил себя, что Килана все-таки нашла смерть, – впрочем, Стилмен из тех, кто не любит признавать себя побежденным. Я обратился в судоходную компанию «Кьюнард» и заказал билет в Англию на «Каталонию». К сожалению, попрощаться с госпожой Девой и ее сыном не удалось: времени на поездку в Нью-Йорк уже не было. Я вышел из гостиницы. Хорошо помню, что фактически уже ступил на трап судна, когда услышал свежие новости. Их прокричал мальчишка-газетчик, да они и сами кричали с первой страницы.

Корнелиус Стилмен был застрелен у себя дома, в Провиденсе, он гулял среди роз по саду. Трясущимися руками я взял экземпляр газеты и прочитал: убийство произошло накануне, люди видели, как с места преступления убегал молодой человек в твидовом пиджаке, шарфе и кепке. Его уже ищут и будут искать по всей Новой Англии, потому что убитый – бостонский брамин, и будет сделано все, чтобы преступнику было воздано по заслугам. По сообщению полиции, в поисках ей помогал Билл Макпарленд, и в этом была своя ирония, ибо за день до смерти Стилмена эти двое разругались. Стилмен оставил у себя половину предназначенного пинкертоновцам гонорара – работа будет считаться выполненной, когда найдут последнее тело. А оказалось, что тело это преспокойно ходит по улицам, – личность убийцы не вызвала ни малейших сомнений.

Я прочитал статью и взошел на судно. Отправился напрямик в свою каюту и не выходил из нее до шести вечера – в это время «Каталония», издав мощный посвист, отшвартовалась от причала и направилась в открытое море. Только тогда я вышел на палубу и попрощался с Бостоном, он становился все меньше, потом совсем исчез. Я уплывал, испытывая глубочайшее облегчение.

Вот, господа, мой вам рассказ о пропавших полотнах Констебла и моей поездке в Америку. Безусловно, я рассказал о случившемся моему партнеру господину Финчу, а также моей жене. Но больше – никому. Эта история случилась год с лишним назад. Вплоть до появления человека в кепке у моего дома в Уимблдоне я надеялся – и молил Бога, – что вспоминать о ней мне больше не придется.

Холмс докурил трубку задолго до того, как галерист завершил свое повествование, и слушал, сцепив перед собой длинные пальцы с выражением высшей сосредоточенности на лице. Повисла долгая пауза. Уголек в камине свалился вниз, и вспыхнул костерок. Эти звуки словно пробудили Холмса от сна.

– Какую оперу вы собирались сегодня слушать? – спросил он.

Этого вопроса я ожидал меньше всего. В свете рассказанного он представлялся на редкость пустячным, и я даже подумал, что Холмс намеренно позволил себе грубость.

Видимо, Эдмунду Карстерсу тоже так показалось. Он чуть подался назад, перевел взгляд на меня, снова посмотрел на Холмса.

– Мой рассказ не произвел на вас никакого впечатления? – спросил он.

– Наоборот, я слушал его с возрастающим интересом и хочу поздравить вас – ясность и точное изображение деталей очень пришлись мне по душе.

– А человек в кепке...

– Вы, наверное, полагаете, что это Килан О’Донахью и он приехал в Англию, чтобы вам отомстить?

– У вас есть другое объяснение?

– С ходу могу предложить не меньше полдюжины. Меня всегда поражало, что истолковать цепь событий можно совершенно по-разному, пока не будут собраны исключаяющие такие толкования улики, да и тогда следует быть очень осторожным с выводами. В нашем с вами случае вполне возможно, что этот молодой человек пересек Атлантику и добрался до вашего дома в Уимблдоне. Но возникает вопрос: почему это путешествие он совершил через год после описанных вами событий? С какой целью пригласил вас на встречу в церковь Девы Марии? Он ведь мог застрелить вас при первой встрече, будь его намерение именно таковым. Еще более странно, что на назначенную им же встречу он не пришел.

– Он пытается меня терроризировать.

– И делает это вполне успешно.

– Вы правы. – Карстерс склонил голову. – Вы хотите сказать, что не можете мне помочь, господин Холмс?

– На данном этапе не вижу, какие полезные действия я могу предпринять. Ваш непрошенный гость, кем бы он ни был, не оставил никаких следов своего местопребывания. С другой стороны, если он вновь появится, я буду рад оказать вам любую посильную помощь. Напоследок хочу сказать вам вот что, господин Карстерс. Идите в оперу в спокойном состоянии духа. Я не верю, что этот человек хочет вам как-то навредить.

Но Холмс оказался не прав. Именно об этом свидетельствовали события следующего дня. Человек в кепке нанес новый удар.

Глава 3

В Риджуэй-холле

На следующее утро, когда мы завтракали, принесли телеграмму.

ВЕЧЕРОМ О’ДОНАХЬЮ ПРИХОДИЛ СНОВА. МОЙ СЕЙФ
ВЗЛОМАН, Я ВЫЗВАЛ ПОЛИЦИЮ. ВЫ МОЖЕТЕ ПРИЕХАТЬ?

Ниже стояла подпись: «Эдмунд Карстерс».

– Что об этом думаете, Ватсон? – спросил Холмс, бросив газету на стол.

– Что он вернулся раньше, чем вы предполагали, – ответил я.

– Отнюдь. Чего-то подобного я как раз и ждал. С самого начала мне показалось, что так называемого человека в кепке Риджуэй-холл интересует гораздо больше, чем его хозяин.

– Вы ожидали, что будет ограбление? – произнес я, чуть запнувшись. – Но, Холмс, почему вы не предупредили господина Карстерса? По крайней мере, могли на такую вероятность намекнуть.

– Вы слышали, Ватсон, что я вчера сказал. Без дальнейших улик я бессилен. Но теперь наш незванный гость самым великодушным образом решил нам помочь. Скорее всего, он проник в дом через окно. В таком случае он прошел по лужайке, остановился в цветочной клумбе, наследил на ковре. Это позволит нам определить как минимум его рост, вес, профессию и особенности походки, если таковые имеются. Возможно, он был так любезен, что обронил какой-нибудь предмет или случайно что-то позабыл. Если он забрал драгоценности, от них надо будет избавиться. Если деньги – об этом тоже станет известно. Он обязательно оставит след, который мы сможем взять. Вы не передадите мармелад? В Уимблдон идет много поездов. Вы составите мне компанию?

– Конечно, Холмс. Лучше занятия и не придумать.

– Отлично. Иногда я спрашиваю себя: где взять энергию на очередное расследование? Но в данном случае стимул очевиден: со временем обществу станет известно все до малейших подробностей.

Я давно привык к подобной бравате – она просто означала, что мой друг пребывает в хорошем расположении духа, – поэтому пикироваться с ним не стал. Холмс докурил утреннюю трубку, мы надели верхнюю одежду и вышли из дому. Расстояние до Уимблдона было невелико, но мы приехали ближе к одиннадцати, и у меня даже возникли опасения, что господин Карстерс потерял надежду нас дождаться.

С первого взгляда Риджуэй-холл показался мне эдакой шкатулкой для хранения драгоценностей, то бишь произведений искусства, – внутри коллекционер наверняка разместил множество бесценных шедевров. Двое ворот, по одной паре с каждой стороны, выходили в общественный переулок, подъездная дорожка в форме подковы из гравия огибала ухоженную лужайку и вела прямо к входной двери. Ворота были обрамлены декоративными пилястрами, опиравшимися на каменных львов, каждый из которых сидел с поднятой лапой, как бы предупреждая посетителей хорошенько подумать, прежде чем войти в дом. Между львами шел невысокий простенок. Сам дом находился чуть в глубине. Я бы назвал его виллой, построенной в классическом георгианском стиле, это был идеальный квадрат белого цвета с изящными окнами, расположенными симметрично по обе стороны от входа. Симметрия распространялась и на деревья, среди которых было много замечательных экземпляров, но посаженных так, что одна сторона сада фактически зеркально отражала другую. Неожиданно общую упорядоченную картину портил итальянский фонтан, прекрасный сам по себе, с играющими купидонами и дельфинами из камня, а на тонком слое льда поигрывало лучами солнце, – он был немного смещен в сторону. Так и хотелось поднять его и передвинуть фута на три влево.

Оказалось, что полиция уже успела приехать и уехать. Дверь нам открыл хорошо одетый дворецкий мрачного вида. Он провел нас по широкому коридору, по обе стороны которого были комнаты, стены сплошь увешаны картинами, гравюрами, старинными зеркалами и гобеленами. На столике с искривленными ножками стояла скульптура: мальчик-пастушок опирается на посох. В дальнем углу – высокие старинные часы в белой позолоченной оправе, их мягкое тиканье эхом разносилось по всему дому. Дворецкий провел нас в гостиную, где мы застали Карстера – он сидел на кушетке и беседовал с дамой на несколько лет моложе его. На нем был черный сюртук, серебристый жилет, кожаные туфли. Длинные волосы аккуратно зачесаны назад. Глядя на него, можно было предположить, что он только что проиграл партию в бридж – никакие более драматические события по его внешнему облику не угадывались. Но, увидев нас, он тут же вскочил с места.

– Ага! Вы все-таки приехали! Вчера вы сказали, что у меня нет причин опасаться человека, которого я считаю Киланом О’Донахью. Но этой же ночью он вломился ко мне в дом. Вскрыл сейф и забрал оттуда пятьдесят фунтов и драгоценности. Жена очень чутко спит, и она спугнула его в разгар пиршества. А если бы нет? Кто знает, каким был бы его следующий шаг?

Я внимательно посмотрел на даму, что сидела рядом с ним. Маленького роста, очень привлекательная особа лет тридцати, в глаза бросались поразительно подвижное и умное лицо и осанка уверенного в себе человека. Белокурые волосы собраны сзади в пучок, прическа добавляла ей изящества и женственности. Хотя утро ее было наполнено тревогой, я понял, что она наделена чувством юмора, он угадывался в ее глазах – необычная смесь голубого с зеленым, – а краешки губ то и дело озарялись лучиком улыбки. Щекам были не чужды веснушки. Платье простое, с длинными рукавами, без каких-либо украшений или тесьмы. На шее жемчужное ожерелье. Что-то в ней почти сразу же напомнило мне мою собственную жену, мою дорогую Мэри. Она еще и слова не произнесла, а я уже почувствовал, что они схожи и внутренним обликом: природная независимость вкупе с обостренным чувством долга по отношению к человеку, которого она избрала в мужа.

– Для начала представьте нас, – попросил Холмс.

– Разумеется. Это моя жена Кэтрин.

– Вы, должно быть, господин Шерлок Холмс. Большое спасибо, что так быстро откликнулись на нашу телеграмму. Это я попросила Эдмунда ее послать. Сказала, что вы обязательно приедете.

– Как я понимаю, с вами произошла не самая приятная история, – посочувствовал Холмс.

– Вы правы. Все было именно так, как только что сказал муж. Ночью я проснулась, посмотрела на часы – двадцать минут четвертого. В окно светила полная луна. Я сначала решила, что меня разбудила какая-то птица, может быть сова, но тут услышала другой звук откуда-то из дома и поняла, что ошибаюсь. Я поднялась с постели, накинула халат и спустилась вниз.

– Опрометчивый поступок, дорогая, – вмешался Карстерс. – Ты могла пострадать.

– Но я же не думала, что мне угрожает опасность. По правде говоря, мне и в голову не пришло, что в доме может быть чужой. Я думала, это кто-то из Кирби или даже Патрик. Я этому парню не вполне доверяю, если честно. Короче, я мельком оглядела гостиную. Там было все как обычно. Потом, сама не знаю почему, решила заглянуть в кабинет.

– Света с вами не было? – спросил Холмс.

– Нет. Луна светила достаточно ярко. Я открыла дверь и увидела фигуру, силуэт на подоконнике, руки чем-то заняты. Он тоже меня увидел – мы застыли, глядя друг на друга, между нами простирался ковер. Я была так потрясена, что даже не закричала. Потом он просто вывалился в окно, упал на траву, и в эту секунду мое оцепенение прошло. Я вскрикнула, подняла тревогу.

– Мы сейчас же обследуем сейф и кабинет, – пообещал Холмс. – Но прежде, госпожа Карстерс, хочу сказать, что акцент выдает в вас американку. Давно ли вы замужем?

– Мы с Эдмундом состоим в браке почти полтора года.

– Мне следовало бы сразу рассказать вам, как я встретился с Кэтрин, – произнес Карстерс. – Потому что тут есть непосредственная связь с моим вчерашним повествованием. Я не упомянул об этом по простой причине – решил, что это не имеет значения.

– Значение имеет все, – возразил Холмс. – Я часто сталкиваюсь с тем, что наименее заметный эпизод дела оказывается самым существенным.

– Мы познакомились на «Каталонии» в тот самый день, когда это судно вышло из Бостона, – объяснила Кэтрин Карстерс. Она подалась вперед и взяла мужа за руку. – Я путешествовала одна, если не считать девушку, которую я пригласила к себе в компаньонки. Эдмунда я заметила во время посадки и сразу же поняла: с ним случилось что-то жуткое. Это было ясно по его лицу, по страху в глазах. Вечером мы виделись мельком на палубе. Мы оба путешествовали в одиночку. Судьба распорядилась так, что во время ужина мы оказались за одним столом.

– Не представляю, как бы я перенес плавание через Атлантику, не окажись рядом Кэтрин, – продолжил Карстерс. – Нервы у меня не самые крепкие, и потеря картин, смерть Корнелиуса Стилмена, кошмарная пальба... для меня это был явный перебор. Я был не в себе, меня колотила лихорадка. Но Кэтрин с самого начала проявила обо мне заботу, и чем дальше мы отплывали от берегов Америки, тем крепче становились мои к Кэтрин чувства. Надо сказать, господин Холмс, что идея любви с первого взгляда всегда вызывала у меня усмешку. Я мог читать о такой любви в бульварных романах, но никогда в нее не верил. Но именно она меня и настигла. Ко времени прибытия в Англию я знал: я встретил женщину, с которой хочу быть до конца жизни.

– А позвольте спросить, с какой целью отправлялись в Англию вы? – спросил Холмс, поворачиваясь к супруге.

– Я была в недолгом браке в Чикаго, господин Холмс. Муж занимался недвижимостью, он был уважаемым бизнесменом и регулярно ходил в церковь, но при этом ко мне по-настоящему добрым не был никогда. Он обладал жутким нравом, и порой я просто боялась за свою безопасность. Друзей у меня было не много, и он делал все, чтобы число их не увеличивалось. В последние месяцы нашего брака он фактически заточил меня в доме, может быть опасался, что я расскажу о нем всю правду. А потом он внезапно заболел туберкулезом и скончался. Увы, дом и основная часть состояния отошли его двум сестрам. Я осталась почти без денег, без друзей. Причин, по которым я желала бы остаться в Америке, просто не было. И я решила уехать. Сказала себе: поеду в Англию и начну все сначала. – Она опустила взор и добавила с выражением кротости на лице: – Я не рассчитывала, что попаду в Англию так скоро и найду счастье, какого так долго недоставало в моей жизни.

В коридоре пробили часы. Холмс живо поднялся с места, лицо освещала улыбка. Я видел, что он собран, энергичен и рвется в бой, – я знал его таким очень хорошо.

– Время не ждет! – воскликнул он. – Надо осмотреть сейф и комнату, где он стоит. Вы сказали, что на «Каталонии» были с компаньонкой?

– Я наняла ее в Бостоне, раньше мы не встречались. Вскоре после нашего приезда в Англию мы расстались.

– Вы говорите, что украдены пятьдесят фунтов. В общем и целом сумма невелика. Посмотрим, оставил ли вор для нас следы.

Но прежде, чем он успел заняться делом, в комнату вошла еще одна женщина, и я сразу понял: она, хотя и жила в этом доме, отличалась от Кэтрин Карстерс в максимально возможной степени. Малоинтересная, неулыбчивая, одета в серое, темные волосы пучком уложены на затылке. На груди серебряный крестик, руки сплетены, как во время молитвы. Темные глаза, бледная кожа и форма губ подсказали мне – это родственница Карстерса, но в ней не было его

театральности, скорее она напоминала суфлера, чья доля – стоять в тени и ждать, когда актер на сцене забудет свой текст.

– Ну, что теперь? – строго спросила она. – Сначала ко мне в комнату приходят полицейские и задают дурацкие вопросы, на которые у меня не может быть ответа. Этого мало? Теперь в нашу личную жизнь должен вмешиваться весь мир?

– Это господин Шерлок Холмс, Элиза, – чуть замявшись, представил Холмса Карстерс. – Я тебе говорил, что вчера обращался к нему за советом.

– И каков результат? Он ничем не может помочь – так тебе было сказано. Отличный совет, Эдмунд, лучше не бывает. Нас всех могли убить прямо во сне.

Карстерс посмотрел на нее – любовь в его взгляде слилась с раздражением.

– Это моя сестра Элиза, – сказал он.

– Вы живете в этом доме? – спросил ее Холмс.

– Меня здесь терпят, – последовал ответ. – У меня комната на чердаке, где я предоставлена сама себе, и всех это устраивает. Физически я здесь, но членом семьи не являюсь. С тем же успехом можете говорить с прислугой.

– Элиза, вы же знаете, что это не так, – вмешалась госпожа Карстерс.

Холмс повернулся к Карстерсу:

– Расскажите, если возможно, много ли народу находится в доме.

– Помимо меня и Кэтрин верхний этаж действительно занимает Элиза. Есть Кирби, это наш дворецкий, он же мастер на все руки. Дверь вам открыл именно он. Его жена – наша экономка, они живут внизу. К ним из Ирландии недавно приехал племянник, Патрик, он выполняет отдельные поручения, еще есть судомойка, Элси. К тому же мы держим кучера и конюха, но они живут в деревне.

– Большое у вас хозяйство и беспокойное, – заметил Холмс. – Но мы собирались осмотреть сейф.

Элиза Карстерс осталась на месте. Все остальные вышли из гостиной и проследовали по коридору в кабинет Карстерса, в тыльную часть здания. Окна кабинета выходили в сад, на некотором отдалении находился декоративный пруд. Кабинет оказался удобной, хорошо спланированной комнатой: стол между двумя окнами, бархатные занавеси, добротный камин, на стенах несколько пейзажей (по ярким тонам и почти поспешно сделанным мазкам я понял, что это работы импрессионистов, упоминавшихся Карстерсом). Сейф, достаточно внушительного вида, обосновался в углу. Он был открыт.

– В таком виде вы его застали? – спросил Холмс.

– Его осмотрела полиция, – ответил Карстерс. – Но я решил, что лучше оставить его открытым до вашего приезда.

– Правильно. – Холмс глянул на сейф. – У кого есть ключ? Насколько я понимаю, сейф не взломан, стало быть, его открыли ключом, – заключил он.

– Ключ всего один, и он всегда у меня. Впрочем, полгода назад я попросил Кирби сделать дубликат. Кэтрин держит в сейфе свои драгоценности, и когда меня нет – я ведь езжу на аукционы по всей стране, а бывает и в Европу, – ей нужен свой ключ от сейфа.

Госпожа Карстерс вошла в кабинет следом за нами и сейчас стояла у стола. Она свела руки вместе и сказала:

– Я его потеряла.

– Когда это было?

– Точно не скажу, господин Холмс. Месяц назад, а то и больше. Мы с Эдмундом это уже обсуждали. Я хотела открыть сейф несколько недель назад и не смогла найти ключ. В последний раз я им пользовалась на мой день рождения, в августе. Куда он девался, понятия не имею. Вообще-то, я человек аккуратный.

– А его могли украсть?

– Обычно я держу его в ящичке прикроватного комода. В спальню, кроме слуг, никто не заходит. Насколько я знаю, из дома ключ никто не выносил.

Холмс повернулся к Карстерсу:

– Вы не поменяли сейф.

– Все время хотел это сделать. Но как-то решил, что, если ключ и выпал в саду или даже в деревне, никто не будет знать, какую дверь он открывает. Более вероятно, что он затерялся где-то среди вещей жены, а раз так, в чужие руки он едва ли попадет. В общем, не могу сказать с уверенностью, что сейф открыли ключом жены. Ведь Кирби вполне мог сделать еще один.

– Он с вами давно?

– Шесть лет.

– У вас нет оснований жаловаться на него?

– Ни малейших.

– А его племянник Патрик? Ваша жена говорит, что не сильно ему доверяет.

– Жена его недолюбливает, потому что он бывает нагловат, а порой и плутоват. Он живет у нас всего несколько месяцев, и мы взяли его по просьбе миссис Кирби, она просила нас помочь ему с работой. Она поручилась за него, и оснований обвинять его в бесчестности у меня нет.

Холмс извлек на свет лупу и стал разглядывать сейф, обращая особое внимание на замок.

– Вы говорите, что пропали кое-какие драгоценности, – сказал он. – Вашей жены?

– Нет. Речь идет о сапфировом ожерелье, оно принадлежало моей покойной матери. Три нитки сапфиров в золотой оправе. Едва ли это ожерелье представляет финансовую ценность для грабителя, но для меня это воспоминание о матери. Она жила с нами вплоть до последнего времени, но вдруг... – Он смолк, к нему подошла жена и положила руку ему на запястье. – Произошел несчастный случай, господин Холмс. В ее спальне был газовый свет. Каким-то образом пламя погасло, и она умерла во сне от удушья.

– Ей было много лет?

– Шестидесят девять. Она всегда спала с закрытым окном, даже летом. Будь окно открыто, она осталась бы в живых.

Холмс отошел от сейфа и приблизился к окну, я последовал за ним. Он внимательно осмотрел подоконник, оконные створки и раму. По привычке свои наблюдения он произносил вслух – не обязательно для того, чтобы поделиться ими со мной.

– Ставен нет, – начал он. – Окно закрывается на задвижку, расположено невысоко над землей. Видимо, раму взломали снаружи. Дерево расщеплено, скорее всего, отсюда и звук, услышанный госпожой Карстерс. – Он произвел в уме какие-то подсчеты. – Если возможно, я бы поговорил с Кирби. А потом прогулялся бы по саду, хотя местная полиция наверняка вытоптала все, что могло бы дать нам ключ к происшедшему. Они поделились с вами результатами своего расследования?

– Незадолго до вашего приезда инспектор Лестрейд вернулся в дом и вкратце сообщил нам...

– Что? Лестрейд? Здесь был Лестрейд?

– Да. Не знаю, господин Холмс, какого вы о нем мнения, но мне показалось, что он действовал весьма старательно и деловито. Он уже выяснил, что человек с американским акцентом сел в первый поезд из Уимблдона до Лондонского моста в пять часов утра. По тому, как он был одет, по шраму на правой щеке мы пришли к выводу, что именно его я видел возле своего дома.

– Могу вас заверить, что, коль скоро за дело взялся Лестрейд, выводы не заставят себя долго ждать... даже если будут полностью ошибочными. Всего доброго, господин Карстерс. Госпожа Карстерс, рад знакомству. Идемте, Ватсон...

Мы проделали тот же путь по коридору, но в обратную сторону, у входных дверей нас уже поджидал Кирби. При первой встрече он не проявил ни малейшего намека на дружелюбие, но вполне возможно, просто видел в нас некую помеху его мирному домоуправлению. Его вытянутое лицо и теперь оставалось каменным, такой человек не произнесет ни одного лишнего слова, но, по крайней мере, на все вопросы Холмса Кирби послушно ответил. Подтвердил, что в Риджуэй-холле работает шесть лет. Сам он родом из Барнстэпла, жена из Дублина. Холмс спросил, многое ли изменилось в доме за время его пребывания здесь.

– О да, сэр, – последовал ответ. – Прежняя госпожа Карстерс была человеком строгих правил. И если ей что-то не нравилось, она вполне могла сделать тебе выговор. Новая госпожа Карстерс – полная ей противоположность. Она очень весела и доброжелательна. Моя жена называет ее «глоток свежего воздуха».

– Вы были рады браку господина Карстерса?

– Мы были в полном восторге, сэр, и в той же степени удивлены.

– Удивлены?

– Не хотелось бы показаться бестактным, но в прошлом господин Карстерс к браку интереса не проявлял и целиком посвящал себя семье и работе. Госпожа Карстерс возникла на сцене совершенно внезапно, но все мы считаем, что дом с ее появлением только выиграл.

– Вы были здесь, когда скончалась прежняя хозяйка?

– Очень даже был, сэр. Отчасти в ее смерти я виню себя. Хозяйка жутко боялась сквозняков, в результате я – по ее настойчивому требованию – заделал все щели, через которые в комнату мог проникнуть воздух. Поэтому газу просто некуда было деваться. Утром хозяйку нашла горничная Элси. Комната вся дымилась, это было ужасно.

– А Патрик в доме уже был?

– Патрик приехал за неделю до этого жуткого события. Первые шаги оказались для него воистину зловещими, сэр.

– Насколько я понял, он ваш племянник?

– Да, сэр, со стороны жены.

– Из Дублина?

– Верно. Патрику не так просто дается работа в услужении. Мы надеялись, что поможем ему сделать первые шаги на жизненном поприще, но ему еще предстоит усвоить, как себя вести в соответствии с занимаемым в обществе местом, в особенности как обращаться к хозяину дома. Возможно, причина в какой-то степени объясняется произошедшей бедой, а вслед за ней и нарушением устоявшихся порядков. Парень он неплохой, хочу верить, что со временем обрзумится и займет в жизни достойное место.

– Спасибо, Кирби.

– Рад быть полезным, сэр. У меня ваше пальто и перчатки.

В саду Холмс выказал чрезвычайно бодрое и оживленное расположение духа. Он вышагивал по лужайке, вдыхая свежий воздух и явно наслаждаясь кратким бегством из города, потому что туманы Бейкер-стрит до Уимблдона не добрались. Облик этого пригорода в те времена местами был более чем деревенским. На склоне холма возле дубовой рощи паслось стадо овец. Там и сям без особой упорядоченности располагались загородные дома, и мы с Холмсом были поражены безмятежностью этого пейзажа и удивительным светом, благодаря которому все предметы вокруг виделись в резком фокусе.

– Дело просто восхитительное, согласны? – воскликнул Холмс, когда мы направлялись к переулку.

– Мне оно кажется весьма банальным, – ответил я. – Украдено пятьдесят фунтов и старое ожерелье. Не могу сказать, Холмс, что вашему интеллекту брошен редкий вызов.

– Факт пропажи ожерелья кажется мне особенно замечательным, учитывая все, что мы слышали об этом доме. А вы, стало быть, уже знаете разгадку?

– Думаю, ответ зависит от того, действительно ли непрошенный гость был близнецом из Бостона.

– А если я скажу вам, что почти наверняка это был кто-то другой?

– Тогда я отвечу, что, как нередко бывало, вы ставите меня в тупик.

– Мой дорогой Ватсон! Как чудесно, что вы рядом. Так вот, мне кажется, что ночной злоумышленник появился отсюда...

Мы подошли к краю сада, подъездная дорожка здесь перетекала в переулок, а по ту его сторону простирались зеленые поля. Холодная погода и не думала отступать, и хорошо ухоженная лужайка являла собой идеальное полотно, на котором мороз прихватил все передвижения за последние двадцать четыре часа.

– Вот, если не ошибаюсь, шагает наш старательный и деловитый Лестрейд.

Отпечатков ног кругом было предостаточно, но Холмс указал на конкретные следы.

– Вы не можете сказать наверняка, что это его следы.

– Думаете, не могу? Длина шага предполагает, что рост этого человека пять футов и шесть дюймов – точь-в-точь как у Лестрейда. Ботинки тупоносые, я часто видел такие на его ногах. Но самая явная улика – следы ведут совершенно не туда, оставивший их человек пропустил все мало-мальски значимое. Кто это еще может быть, как не Лестрейд? Смотрите – он вошел и вышел через правые ворота. Когда просто подходишь к дому, они попадаются на твоём пути первыми, и, вполне естественно, ты заходишь в эти ворота. Но наш злоумышленник, безусловно, прибыл другой дорогой.

– По-моему, Холмс, обе пары ворот совершенно одинаковы.

– Ворота действительно одинаковы, но те, что слева, менее заметны из-за расположения фонтана. Если хотите подойти к дому так, чтобы остаться незамеченным, вы выберете именно левые ворота. А теперь посмотрите – от них ведут следы, и именно они нас с вами интересуют. Ага! Что у нас здесь такое? – Холмс присел, поднял с земли окурок и показал мне. – Американская сигарета, Ватсон. Этот табак не спутаешь. Между прочим, пепла поблизости не видно.

– Окурок есть, а пепла нет?

– Значит, хоть ночной гость и старался остаться незамеченным, но особенно мешкать не стал. Как считаете, это существенно?

– Дело было среди ночи, Холмс. Он видел, что дом погружен во тьму. Кого ему бояться? Кто его увидит?

– Тем не менее... – (Следы тянулись через лужайку, потом свернули за угол дома и вывели нас к окну кабинета.) – Он шел спокойно и уверенно. Даже у фонтана останавливаться не стал – проверить, все ли в порядке. – Холмс осмотрел окно, которое раньше мы оглядели изнутри. – Полагаю, что это человек недюжинной силы.

– Выломать раму большого труда не составило.

– Вы правы, Ватсон. Но обратите внимание на высоту окна. Вот здесь он выпрыгнул из него, когда ретировался. В траве остались два глубоких отпечатка. Но нигде не видно признаков лестницы или садового кресла. Возможно, какую-то точку опоры он нашел на стене. Распор кое-где вывалился, на какие-то края можно опереться. Но все-таки одной рукой он должен был уцепиться за подоконник, а другой выламывать раму. Есть и еще один вопрос: случайно ли, что он залез именно в ту комнату, где стоит сейф?

– Он просто обошел дом с тыла, потому что место там совсем уединенное и вероятность быть замеченным минимальна. А дальше выбрал первое попавшееся окно.

– В таком случае ему удивительно повезло. – Свой осмотр Холмс завершил. – Все именно так, как я полагал, Ватсон, – продолжил он. – Отследить ожерелье с тремя нитками сапфиров в золотой оправе будет несложно, а уж оно выведет нас на похитителя. Лестрейд, по крайней мере, подтвердил, что вор сел в поезд до Лондонского моста. Мы последуем его примеру. До станции недалеко, денек сегодня погожий. Прогуляемся пешком.

Мы вышли к фасаду дома и двинулись к переулку по подъездной дорожке. Но тут парадная дверь Риджуэй-холла открылась, из дома опрометью выбежала женщина и остановилась перед нами. Это была Элиза Карстерс, сестра галериста. Концы накинутой на плечи шали она прижимала к груди, и по ее облику, горящим глазам и прилипшим ко лбу темным прядкам волос было ясно, что она сильно испугана.

– Господин Холмс! – воскликнула она.

– Да, мисс Карстерс.

– Я в доме вам нагрубил, прошу меня простить. Но я должна сказать вам: все здесь не так, как кажется, и, если вы нам не поможете, не снимете нависшее над нашим домом проклятие, мы обречены.

– Умоляю вас, мисс Карстерс, успокойтесь.

– Всему этому виной она! – Обвиняющий перст мисс Карстерс метнулся в направлении дома. – Кэтрин Мэрриэт, такое имя она носила после первого брака. Когда она встретила Эдмунда, дух его был надломлен до крайности. Чувствительность была ему свойственна с детства, и нервы его просто не могли выдержать бремени, какое навалилось на него в Бостоне. Он был изможден, нездоров – конечно, ему требовалась чья-то забота. И тут на него набросилась она. Какое она имела право, американка без роду без племени, практически без гроша за душой? Открытое море, бесконечные дни на борту океанского судна – она оплела его паутиной, и, когда «Каталония» причалила в Лондоне, было уже поздно. Переубедить его мы не могли.

– Без нее прийти в себя ему помогли бы вы.

– Я любила его, как может любить только сестра. Наша мама в нем души не чаяла. Не верьте ни на минуту, что ее смерть – несчастный случай. Наша семья, господин Холмс, всегда пользовалась уважением в обществе. Отец продавал гравюры и эстампы, в Лондон приехал из Манчестера, именно он основал картинную галерею на Элбмарл-стрит. К сожалению, он умер, когда мы были еще совсем молоды, и с того времени мы жили с мамой втроем в полной гармонии. И вот Эдмунд объявил о своем решении вступить в брак с госпожой Мэрриэт, не стал принимать наши доводы и отказался слушать голос разума – и сердце моей дорогой мамы было разбито. Конечно, мы не возражали против женитьбы Эдмунда в принципе. Что в этом мире было для нас важнее его счастья? Но чтобы его женой стала она? Приезжая авантюристка, которую мы раньше в глаза не видели. С самого начала стало ясно: ее интересуют только его богатство и положение в обществе, уютная и защищенная жизнь под его крылом. Моя мама наложила на себя руки, господин Холмс. Этот брак обрек ее на вечные муки, она испытывала жгучий стыд, жизнь стала невыносимой – и через полгода после свадьбы она, лежа в своей постели, повернула газовый кран и приняла смерть от удушья, безмятежно уплыла от нас по реке забвения.

– Мама сообщала вам о своих намерениях? – спросил Холмс.

– В этом не было нужды. О ее душевном состоянии мне было прекрасно известно, и ее уход не был для меня большим сюрпризом. Она сделала свой выбор. Ведь с приездом американки, господин Холмс, жизнь в нашем доме утратила свою прелесть. А теперь эта новая история – в дом вламывается злоумышленник и похищает мамино ожерелье, самое волнующее воспоминание об этой нежной усопшей душе. Это все тот же зловещий рок. А что, если этот непрощенный гость прибыл вовсе не отомстить за брата? Вдруг он здесь из-за нее? Когда этот тип появился впервые, мы с ней сидели в гостиной. Я видела его через окно. Допускаю, что это ее прежний знакомый, который отыскал ее здесь. А может, и больше чем знакомый. Но это только начало, господин Холмс. Пока этот брак в силе, всем нам угрожает опасность.

– Но ваш брат производит впечатление довольного жизнью человека, – заметил Холмс без особого энтузиазма. – Впрочем, дело даже не в этом. Чего бы вы хотели от меня? Мужчина имеет право выбирать жену без материнского благословения. Тем более без благословения сестры.

– Вы можете собрать о ней сведения.

– С какой стати, мисс Карстерс?

Элиза Карстерс одарила его взглядом, полным презрения.

– Я наслышана о ваших подвигах, господин Холмс, – произнесла она. – И мне всегда казалось, что они сильно преувеличены. Вы сами, при всем вашем уме, поражали меня вашей бесчувственностью, неспособностью понять душу другого человека. Сейчас я вижу, что так оно и есть.

С этими словами она развернулась и пошла к дому.

Холмс смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась.

– В высшей степени занятно, – заметил он. – Дело становится все более любопытным и сложным.

– В жизни не доводилось слышать, чтобы женщина говорила с такой яростью, – высказал я свое мнение.

– Согласен, Ватсон. Хочу выяснить одно обстоятельство, потому что положение дел, на мой взгляд, становится весьма опасным. – Он взглянул на фонтан, на каменные фигуры и замерзшую по кругу воду. – Интересно знать, умеет ли госпожа Кэтрин Карстерс плавать?

Глава 4

Неофициальные силы полиции

На следующее утро Холмс отсыпался, и я сидел один за книгой «Мученичество человека» Уинвуда Рида, которую он мне настойчиво рекомендовал, но, признаюсь, чтение шло тяжело. Впрочем, мне было понятно, чем автор увлек моего друга: ненавистью к «лени и глупости», ссылками на «божественный интеллект», предположением, что «за точку отсчета человек естественным образом принимает себя». Холмс вполне мог бы написать такое и сам, и хотя я был рад перевернуть последнюю страницу и отложить книгу в сторону, все-таки получил некоторое представление об образе мышления детектива. С утренней почтой пришло письмо от Мэри. В Камберуэлле все было хорошо. Ричард Форрестер не настолько прихворнул, чтобы не прийти в восторг от появления своей прежней гувернантки, а сама Мэри явно наслаждалась обществом мамы Ричарда, которая обращалась с ней как с ровней, а не как с бывшей работницей.

Я уже взялся за ручку писать ответ, как в дверь настойчиво позвонили, затем послышался топот нескольких пар ног по ступеням. Этот звук я помнил очень хорошо и оказался полностью подготовлен, когда в комнату ворвалась ватага беспризорников и выстроилась в некоторое подобие линии под громким водительством самого высокого и старшего из них.

– Виггинс! – воскликнул я, потому что помнил, как его зовут. – Вот не думал, что снова свидимся.

– Господин Олмс послал за нами, мол, дело крайне срочное, – доложил Виггинс. – А уж раз господин Олмс зовет, мы завсегда тут как тут!

Однажды Шерлок Холмс назвал эту братию отделом полицейских расследований с Бейкер-стрит. Иногда он называл их нерегулярными частями. Это была поражающая воображение шайка оборванцев и голодранцев от восьми до пятнадцати лет, засаленные грязнули в одежде, шитой и перешитой столько раз, что было невозможно сказать, сколько детей до них ее носило. На самом Виггинсе была уполовиненная куртка взрослого человека – из середины вырезали кусок, а потом верх и низ снова сшили. Несколько мальчишек были босиком. Только один, как я заметил, выглядел толковее других, да и одет был получше – одежонка не такая ветхая... Интересно, какой порок – карманные кражи или грабеж – позволяет ему не просто выживать, но на свой лад еще и процветать? С виду ему было лет тринадцать, но, как и остальные члены шайки, школу взросления он уже прошел. Можно сказать, что детство – это первая драгоценная монетка, которую у ребенка забирает бедность.

Через минуту появился Шерлок Холмс, а следом за ним миссис Хадсон. Я видел, что наша домовладелица возбуждена и недовольна, скрыть свои мысли она даже не пыталась:

– Я этого не потерплю, господин Холмс. Я вам уже об этом говорила. У меня приличный дом, и нечего водить сюда каких-то оборванцев. Ведь какую заразу они могут занести, подумать страшно! А сколько серебряной утвари и белья мы можем после их ухода недосчитаться?

– Пожалуйста, успокойтесь, милейшая миссис Хадсон, – рассмеялся Холмс. – Виггинс! Я ведь тебе говорил: такое вторжение в наш дом неприемлемо. В следующий раз придешь с докладом один. Но раз уж ты здесь и затащил сюда всю шайку, внимательно слушайте мои инструкции. Объект нашего наблюдения – американец, лет тридцати пяти, иногда носит кепку, на правой щеке свежий шрам. Лондона он, скорее всего, не знает. Вчера он был на вокзале «Лондонский мост» и имел при себе золотое ожерелье с тремя нитками сапфиров, само собой разумеется, оно ему досталось нечестным путем. Как считаете, где он попытается сбыть его с рук?

– Доходные дома в Фулвуде! – крикнул один мальчишка.

– У евреев на Петтикоут-лейн! – прокричал другой.

– Нет! В притонах ему дадут больше, – предположил третий. – Я бы пошел на Флауэр-стрит или на Филд-лейн.

– К ростовщикам! – вмешался паренек, что был одет лучше других и первым привлек мое внимание.

– К ростовщикам! – согласился Холмс. – Как тебя зовут?

– Росс, сэр.

– Росс, у тебя задатки детектива. Человек, которого мы ищем, в городе чужой и не знает ни Флауэр-стрит, ни доходных домов в Фулвуде, ни других заветных уголков, где вы, дорогие отроки, ищите на свою голову неприятности. Он пойдет в какое-то известное место, а вывеску ростовщика – три золотых шара – знают во всем мире. Оттуда и начнем. Он прибыл на вокзал и, видимо, остановился в гостинице или меблированных комнатах неподалеку. Вам надо обойти всех ростовщиков в квартале, описать им человека и ожерелье, которое он, возможно, попытается продать. – Холмс сунул руку в карман. – Ставки как всегда: шиллинг каждому плюс гиней тому, кто найдет искомое.

Виггинс браво скомандовал, и неофициальное подразделение полиции с шумом и гамом отправилось на задание под ястребиным взором миссис Хадсон, которая теперь все утро будет пересчитывать ножи и вилки. Как только они ушли, Холмс удовлетворенно хлопнул в ладоши и рухнул в кресло.

– Итак, Ватсон, – обратился он ко мне, – что вы на это скажете?

– Похоже, вы всерьез рассчитываете найти О’Донахью, – заметил я.

– Абсолютно уверен, что найдем человека, который вломился в Риджуэй-холл, – последовал ответ.

– Не кажется ли вам, что навести справки у ростовщиков решит и Лестрейд?

– Сильно сомневаюсь. Это настолько очевидно, что едва ли придет ему в голову. Но поскольку впереди у нас целый день и заполнить его нечем, к тому же я проспал завтрак, предлагаю пойти пообедать в «Кафе де Лероп», это около театра «Хеймаркет». Несмотря на название, кухня вполне английская, к тому же первоклассная. А потом я намереваюсь сходить в галерею Карстерса и Финча на Элбмарл-стрит. Знакомство с господином Тобиасом Финчем может оказаться интересным. Миссис Хадсон, если Виггинс вернется, направьте его туда. А сейчас, Ватсон, скажите, что вы думаете о «Мученичестве человека»? Вижу, в конце концов вам удалось сей труд одолеть.

Я глянул на книгу, безобидно лежавшую на боку.

– Но, Холмс...

– Закладкой вам служила рекламная карточка из пачки сигарет. Я наблюдал за ее мучительным продвижением от начала к концу и вот вижу, что она лежит на столе, освобожденная от тяжких трудов. Интересно было бы услышать ваши выводы. Может быть, миссис Хадсон, вы сообразовали принести нам чай?

Мы вышли на улицу и зашагали к Хеймаркет². Туман уже поднялся, и хотя было все еще довольно холодно, но день уже разгулялся, толпы народа втекали в магазины и вытекали обратно, а уличные торговцы везли тележки и нахваливали свой товар. На Уимпол-стрит была настоящая толчея – люди обступили шарманщика: старый итальянец наигрывал какую-то грустную неаполитанскую мелодию, сюда же нахлынули и проходимцы разных мастей, они терлись среди праздной публики и рассказывали свои скорбные истории любому, кто был готов их слушать. Почти на каждом углу кто-то демонстрировал свое искусство, и желающих прогнать уличных артистов не было. Мы поели в «Кафе де Лероп», где нас попотчевали отличным пирогом из дичи, и Холмс был в игривом настроении. Он не говорил о новом деле, разве что

---

² Хеймаркет – улица в Вестминстере, на которой расположен одноименный театр.

опосредованно, потому что я помню его рассуждения о природе живописи и о том, можно ли ее использовать для раскрытия преступления.

– Помните, Карстерс говорил нам о четырех пропавших полотнах Констебла, – начал он. – Это были виды Озерного края, написанные в начале века, когда художник, по всей видимости, пребывал в мрачном и подавленном состоянии духа. Таким образом, краски на полотне становятся ключом к его психологическому настрою, отсюда же следует, что, если кто-то осознанно вешает такую картину у себя в гостиной, мы можем многое узнать и о его чувствах. Например, вы заметили, какие картины выставлены в Риджуэй-холле?

– По большей части французские. Помню пейзаж в Бретани, люди на мосту через Сену. На мой взгляд, картины очень достойные.

– Вы восхищались ими, но они ничего вам не сказали.

– О личности Эдмунда Карстерса? Сельскую местность он предпочитает городу. Ему близка детская непосредственность. Ему нравится, когда его окружают разные цвета. Наверное, об особенностях его личности можно что-то сказать, глядя на картины, что висят в его доме. Но Карстерс совершенно не обязательно выбирал каждую сам. Вполне возможно, ответственность с ним делят жена или покойная мама.

– Вы совершенно правы.

– И даже у человека, который убил собственную жену, может быть какая-то нежная струна в душе, которая и находит отражение в его выборе произведений искусства. Помните историю семьи Абернетти? Мне кажется, что на стенах в доме Хораса Абернетти висело много замечательных полотен с изображением местной флоры. При этом сам он был весьма омерзительным и наглым типом.

– Если мне не изменяет память, фауна на тех полотнах была по большей части ядовитой, раз вы об этом заговорили.

– Как насчет Бейкер-стрит, Холмс? Посетитель, оказавшийся в вашей гостиной, найдет ключ к вашему психологическому портрету, оглядев висящие на стенах работы, – вы это хотите сказать?

– Нет. Но он сможет многое сказать о моем предшественнике, потому что, Ватсон, хочу вас заверить: в моих комнатах нет буквально ни одной картины, которая там не висела бы к моменту моего вселения. Вы серьезно считаете, что я мог пойти и купить портрет Генри Уорда Бичера, который нависал над вашими книгами? Достойный восхищения человек во всех отношениях, его взгляды на рабство и религиозный фанатизм можно рекомендовать окружающим, но этот портрет достался мне в наследство от прежнего обитателя комнаты, а я просто решил: пусть себе висит.

– И портрет генерала Гордона купили не вы?

– Нет. Но после того, как я случайно всадил в него пулю, я его отреставрировал и поменял раму. На этом настояла миссис Хадсон. Знаете, я вполне могу написать монографию на эту тему: как раскрывать преступления с помощью произведений искусства.

– Холмс, вам нравится изображать из себя машину, – рассмеялся я. – Даже шедевр импрессионизма для вас не более чем улика, которая сгодится для поиска преступника. Может быть, вам стоит научиться ценить искусство, вы бы стали человечнее. Я настоятельно приглашаю вас нанести совместный визит в Королевскую академию художеств.

– Одна галерея – Карстерса и Финча – в сегодняшней повестке дня уже значится, думаю, этого вполне достаточно... Официант, сырную тарелку! И бокал, пожалуй, мозельского вина для моего друга. Портвейн в дневное время будет тяжеловат.

До галереи было довольно близко, и мы снова зашагали рядом друг с другом. Скажу честно: эти минуты спокойного общения наполняли мою душу огромной радостью, я чувствовал себя одним из самых счастливых людей в Лондоне уже потому, что принял участие в описанной выше беседе, а теперь шел прогулочным шагом рядом с таким выдающимся персо-

нажем, каким со всей очевидностью был Шерлок Холмс. Было около четырех, и, когда мы дошли до галереи, световой день уже клонился к закату. Оказалось, что галерея расположена не на самой Элбмарл-стрит, а рядом, в старом парке для экипажей. Если не считать достаточно скромной таблички с позолоченными буквами, мало что свидетельствовало о том, что это некое коммерческое предприятие. Низкая дверь вела в довольно мрачное помещение с двумя диванами, столом и одним полотном, установленным на мольберте, – на картине голландского художника Паулюса Поттера были изображены две коровы, пасущиеся в поле. Войдя, мы услышали, как в соседней комнате спорят два человека. Один голос я узнал – он принадлежал Эдмунду Карстерсу.

– Это отличная цена, – говорил он. – Я в этом уверен, Тобиас. Эти картины – как хорошее вино. Их стоимость может только возрастать.

– Нет, нет и еще раз нет! – пронзительно заныл другой голос. – Он называет это морскими пейзажами. Допустим, море я вижу... И это все? Его последняя выставка закончилась полным фиаско, сейчас он нашел пристанище в Париже, где, как я слышал, быстро теряет свою репутацию. Это будут выброшенные деньги, Эдмунд.

– Шесть работ Уистлера...

– От которых мы никогда не избавимся!

Я стоял у двери и прикрыл ее с большей силой, чем требовалось, чтобы сообщить о нашем присутствии двум мужчинам в соседней комнате. Желаемый результат был достигнут. Беседа прекратилась, и через мгновение из-за занавеси появился безупречно одетый – темный костюм, жесткий воротничок, черный галстук – седовласый и худощавый господин. С талии свисала золотая цепочка, на кончике носа устроилось золотое пенсне. Ему было не менее шестидесяти, но походка все еще была пружинистой, а каждый шаг говорил: энергии этому человеку не занимать.

– Господин Финч, как я понимаю, – произнес Холмс.

– Да, сэр. Собственной персоной. С кем имею честь?

– Я Шерлок Холмс.

– Холмс? Не думаю, что мы знакомы, но ваше имя я где-то слышал...

– Господин Холмс! – В комнату вошел и Карстерс.

Контраст между двумя владельцами галереи был разительный: один постаревший и сморщенный, можно сказать, принадлежавший к другой эпохе, второй моложе, более щеголеватый, с лица еще не сошли гнев и огорчение – несомненно, результат подслушанного нами разговора.

– Это господин Холмс, детектив, о котором я вам говорил, – объяснил Карстерс партнеру.

– Да-да. Разумеется. Он только что представился.

– Не ожидал, что вы здесь появитесь, – сказал Карстерс.

– Я пришел потому, что мне хотелось увидеть место вашей работы, – внес ясность Холмс. – Но у меня есть к вам и несколько вопросов по поводу людей Пинкертона, нанятых вами в Бостоне.

– Жуткая история! – вмешался Финч. – Ущерб от потери этих картин мне не восполнить до конца жизни. Это самое большое бедствие в моей карьере. Если бы мы тогда продали несколько работ этого вашего Уистлера, Эдмунд! Да хоть разорвись они на части – никто ничего бы не заметил! – Как только пожилой джентльмен заговорил, остановить его было уже невозможно. – Торговля картинами, господин Холмс, – занятие респектабельное. Среди наших клиентов много аристократов. И вдруг мы попали в какую-то историю с перестрелками, убийствами. Ясно, что нам это ни к чему...

Лицо пожилого господина вытянулось, ибо оказалось, что перестрелки и убийства – это еще не все: дверь открылась, и в комнату ворвался мальчишка. Я сразу узнал Виггинса, который с другими «сотрудниками нерегулярных частей» навестил нас несколько часов назад, но для Финча это был просто налет, какой не увидишь в страшном сне.

– Вон отсюда! Сейчас же! – воскликнул он. – У нас для тебя ничего нет.

– Не тревожьтесь, господин Финч, – успокоил его Холмс. – Мальчика я знаю. В чем дело, Виггинс?

– Мы его нашли, господин Олмс! – в волнении прокричал Виггинс. – Ну, этого малого, какого вы искать велели. Мы его своими глазами видели, я и Росс. Мы уже было сунулись в забегаловку на Бридж-лейн, Росс эту пивнушку знает, он, бывает, и сам туда заглянуть не дурак. Тут дверь открывается, и вот он, голубчик, без ошибки, на лице шрам багровый. – Парень прочертил линию на собственной щеке. – Это я его засек. Не Росс.

– Где он сейчас? – спросил Холмс.

– Мы шли за ним до гостиницы, сэр. Каждому по гинее, если отведем вас туда?

– Только попробуйте не отвести, и вам крышка, – парировал Холмс. – Виггинс, я всегда играю с тобой честно, сам знаешь. Говори, что за гостиница?

– В Бермондси, сэр. Частная гостиница госпожи Олдмор. Росс ждет там. Я оставил его караулить, а сам ноги в руки и к вам. Если этот ваш объект снова выйдет наружу, Росс с него глаз не спустит. Он хоть и новенький, да парень не промах. Пойдете со мной, господин Олмс? Возьмете экипаж? А можно мне с вами?

– Сядешь с кучером. – Холмс повернулся ко мне, и по его сведенным бровям и напряженному выражению лица я сразу понял: вся его энергия сосредоточена на предстоящих действиях. – Нам надо срочно уходить, – сказал он. – По счастливой случайности объект расследования оказался у нас в руках. Нельзя дать ему ускользнуть.

– Я поеду с вами, – вызвался Карстерс.

– Господин Карстерс, это может быть опасно...

– Но ведь я его видел. Это я вам его описал, и именно я могу его опознать и подтвердить, что ваши мальчишки нашли того, кого надо. К тому же у меня есть личное желание довести это дело до конца, господин Холмс. Если это тот человек, за которого я его принимаю, тогда он приехал сюда из-за меня, а значит, я должен видеть, как завершится дело.

– У нас нет времени на дебаты, – сказал Холмс. – Очень хорошо. Едем втроем. Не будем больше тратить времени.

Мы поспешили к выходу – Холмс, Виггинс, Карстерс и я, – а господин Финч разинув рот глядел нам вслед. Нам тут же подвернулся четырехколесный экипаж, мы сели внутрь, а Виггинс забрался к кучеру, который смерил его презрительным взглядом, но потом смягчился и даже позволил мальчишке укрыть ноги куском своего одеяла. Щелкнул кнут, и лошади тут же тронулись с места, словно почувствовали, что дело у нас срочное. Уже почти стемнело, и с наступлением тьмы ощущение легкости, которое я испытал, совершенно рассеялось и в городе снова стало холодно и враждебно. Посетители магазинов и уличные артисты разошлись по домам и уступили место всяким сомнительным личностям – потрепанного вида мужчинам и кричаще одетым женщинам; для ведения своего бизнеса им требовалась тень, да и сам этот бизнес, по правде говоря, был теневым. Экипаж провез нас через мост Блэкфрайерс в сопровождении жутчайших порывов ледяного ветра, которые впивались в нас, словно ножи. С момента нашего отъезда Холмс не сказал ни слова, видимо, он предчувствовал, что должно произойти. Но он никогда бы в этом не признался, и мой намек на такое предчувствие наверняка вызвал бы его раздражение. Проричать – это не по его части. Его сильная сторона – интеллект, возведенный в систему здравый смысл. В то же время я чувствовал: им владеет нечто не поддающееся объяснению, может быть даже что-то сверхъестественное. Хотите верьте, хотите нет, но Холмс знал: события предстоящего вечера станут неким рычагом, поворотным пунктом, после которого его жизнь – и моя тоже – изменится самым серьезным образом.

Частная гостиница госпожи Олдмор предлагала постель и гостиную за тридцать шиллингов в неделю и была именно таким заведением, на какое за подобные деньги можно рассчитывать: обшарпанное и полуразрушенное здание, по одну сторону – мусорные баки, по другую –

кирпичная печь для обжига. Неподалеку текла река, и в воздухе словно висела сырая сажа. За окнами горели лампы, но окна были так сильно расписаны грязью, что свет внутри только угасывался. Напарник Виггинса Росс ждал нас, поеживаясь от холода, хотя куртка его была основательно уплотнена газетной бумагой. Когда Холмс и Карстерс выбрались из экипажа, Росс сделал шаг назад, и я увидел, что он чем-то сильно напуган. Глаза посылали сигнал тревоги, а лицо в свете уличного фонаря было мертвенно-бледным. Но тут на землю прыгнул Виггинс, схватил Росса за руку – и чары словно рассеялись.

– Порядок, приятель! – воскликнул Виггинс. – И тебе, и мне – по гинее. Господин Холмс обещался.

– Расскажи: пока ты был один, тут что-нибудь случилось? – спросил Холмс. – Человек, которого ты стережешь, из гостиницы не выходил?

– А эти господа кто? – Росс указал сначала на Карстерса, потом на меня. – Сыщики? Фараоны? Что они тут делают?

– Все в порядке, Росс, – сказал я. – Можешь не беспокоиться. Я Джон Ватсон, доктор. Ты меня видел сегодня утром, когда приходил на Бейкер-стрит. А это господин Карстерс, у него галерея на Элбмарл-стрит. Никакой опасности мы не представляем.

– Элбмарл-стрит – это где Мейфэр? – От холода парень стучал зубами. Конечно, лондонских беспризорников зимой не испугаешь, но он простоял на морозе почти два часа.

– Видел что-нибудь? – спросил Холмс.

– Да вот ничего, – ответил Росс. Голос его изменился. Что-то в его облике почти позволяло предположить – ему есть что скрывать. Мне и раньше приходило в голову, что все эти дети, пребывавшие в нежном возрасте, прошли период взросления куда раньше, чем полагалось. – Торчу здесь и жду вас. Он не выходил. Туда никто не заходил. А у меня от холода все косточки вымерзли.

– Вот деньги, что я тебе обещал, и тебе тоже, Виггинс. – Холмс расплатился с мальчишками. – Теперь дуйте домой. Сегодня поработали на славу.

Мальчишки забрали монеты и тут же побежали прочь, хотя Росс напоследок окинул нас взглядом.

– Что ж, – продолжил Холмс, – теперь заходим в гостиницу и прямиком к этому типу в номер. Видит бог, задерживаться здесь без особой надобности я не намерен. Что скажете про парня, Ватсон? Похоже, он сказал нам не все.

– Вы читаете мои мысли, – вынужден был признать я.

– Будем надеяться, он не совершил по отношению к нам никакого предательства. Господин Карстерс, пожалуйста, держитесь от места событий подальше. Не думаю, что наш подопечный применит насилие, но мы пришли сюда не вполне подготовленными. Надежный револьвер доктора Ватсона наверняка лежит обернутый тряпицей в каком-нибудь ящике в Кенсингтоне, я тоже не вооружен. Придется положиться на смекалку. Пошли!

Преодолев несколько ступенек, мы вдвоем вошли в гостиницу. За дверью оказался общий коридор – слабо освещенный, без ковров, сбоку небольшая конторка. За ней, откинувшись на спинку деревянного стула, сидел в полудреме пожилой привратник, но с нашим появлением он встрепенулся.

– Благослови вас Бог, господа, – произнес он с дрожью в голосе. – Мы можем предложить хорошие кровати для ночлега, пять шиллингов за ночь...

– Мы не собираемся снимать номер, – отрубил Холмс. – Нам нужен человек, который недавно прибыл из Америки. На щеке у него след от пулевого ранения. Дело чрезвычайно срочное, и, если не хотите, чтобы у вас были неприятности с законом, скажите нам, где его найти.

Гостиничный ветеран в неприятностях любого рода заинтересован не был.

– Здесь живет только один американец, – сказал он. – Это господин Гаррисон из Нью-Йорка. У него комната в конце коридора на этом этаже. Он не так давно вернулся и, наверное, спит, потому что никаких звуков я не слышал.

– В каком он номере? – резко спросил Холмс.

– В шестом.

Мы сразу же пошли по коридору – голые доски, двери так близко друг к другу, что номера, наверное, были чуть больше шкафов, газовые рожки излучали тусклый свет, так что мы, можно сказать, пробирались на ощупь. Шестой номер действительно оказался в самом конце коридора. Холмс поднял кулак, намереваясь постучать в дверь, но вдруг, судорожно глотнув воздух, отпрянул. Я глянул под ноги и увидел кривую струйку жидкости, почти черную в коридорной полутьме, она вытекала из-под двери и собиралась в лужицу у плинтуса. Карстерс вскрикнул и, подавшись назад, прикрыл рукой глаза. Привратник смотрел на нас со своего конца коридора. Он словно ждал, что нечто ужасное вот-вот станет явным.

Холмс толкнул дверь, но она не открылась. Не говоря ни слова, он уперся в нее плечом, и хлипкий замок не оказал никакого сопротивления. Мы с Холмсом оставили Карстерса в коридоре, вошли в номер и сразу поняли: преступление, которое мне поначалу казалось банальным, весьма существенно усложнилось. Окно было открыто. Все в комнате было перевернуто вверх дном. Объект наших поисков, скорчившись, лежал на полу, а из его шеи торчал нож.

Глава 5

На авансцену выходит Лестрейд

Недавно я снова встретился с Джорджем Лестрейдом – как оказалось, в последний раз.

Ему так и не удалось оправиться от пулевого ранения, полученного во время расследования диковинных смертей – в широкой прессе они проходили как «клеркенвельские убийства»... Впрочем, одно из них произошло в соседнем Хокстоне, а еще одно оказалось самоубийством. Лестрейд уже давно вышел в отставку и в полиции не работал, но был настолько добр, что приехал навестить меня в моем новом доме, и мы провели пару часов в обществе друг друга, предаваясь воспоминаниям. Моих читателей едва ли удивит, если я скажу, что основной темой нашей беседы был Шерлок Холмс, а я счел необходимым извиниться перед Лестрейдом по двум пунктам. Во-первых, в моих писаниях я никогда не льстил его наружности. «С лицом крысы», «похожий на хорька» – вот какие примеры приходят в голову. Достаточно сурово, но, по крайней мере, точно, ведь сам Лестрейд иногда шутил, что капризная природа-матушка наградила его внешностью скорее преступника, а не полицейского, и, возможно, выбери он первое занятие, он был бы намного богаче. Холмс тоже частенько говорил, что его собственные навыки, особенно по взлому замков и подделке документов, позволили бы ему преуспеть на ниве преступности ничуть не меньше, чем на детективной ниве... Забавно полагать, что при других обстоятельствах эти двое вполне могли бы работать вместе по другую сторону закона.

Во-вторых, я был к Лестрейду, пожалуй, действительно несправедлив, намекая на то, что ему недостает интеллекта либо навыков расследования. Холмс порой давал ему уничижительную характеристику, но не забывайте: сам Холмс был фигурой уникальной, по силе интеллекта ему, пожалуй, не было равных в Лондоне, и он с равным пренебрежением отзывался почти обо всех встреченных им полицейских... исключая разве что Стэнли Хопкинса, но вера Холмса в этого молодого детектива тоже часто подвергалась серьезным испытаниям. Скажем просто: любому детективу проявить себя на фоне Холмса было практически невозможно, и даже я, столько времени проведенный в его обществе, иногда был вынужден напоминать себе, что я все-таки не полный идиот. Но Лестрейд во многих отношениях был человеком способным. Если внимательно изучить общественные архивы, окажется, что Лестрейд раскрыл много дел и газеты нередко отзывались о нем со знаком плюс. Как бы то ни было, а свою карьеру он закончил заместителем начальника управления уголовных расследований Скотленд-Ярда – пусть его репутация во многом была выстроена на делах, которые, по сути, раскрыл Холмс, а лавры достались ему. В ходе нашей долгой и приятной беседы Лестрейд дал мне понять, что в присутствии Холмса был скован страхом и, вполне возможно, именно поэтому действовал не самым лучшим образом. Увы, его больше нет, и я уверен, он не будет возражать, если я раскрою некоторые его тайны и просто воздам ему должное. Он был неплохой человек. Эти его слова о нахождении в обществе Холмса многое проясняют.

Короче говоря, в частную гостиницу миссис Олдмор на следующее утро прибыл именно Лестрейд. Да, как всегда, он был бледен лицом, с яркими, глубоко посаженными глазами, а общий его облик наводил на мысли о крысе, которой пришлось принарядиться для обеда в «Савое». Холмс известил о происшедшем уличных констеблей, те опечатали номер и держали его под наблюдением вплоть до наступления холодного утра, когда тени вокруг гостиницы рассеялись и можно было провести полноценное расследование.

– Так-так, господин Холмс, – заметил Лестрейд с нотками раздражения в голосе. – Вчера в Уимблдоне мне сказали, что вы должны вот-вот появиться, а сейчас вы прибыли даже раньше меня.

– Мы оба шли по следу несчастного, который закончил свои дни здесь, – пояснил Холмс. Лестрейд быстро глянул на труп:

– Да, похоже, мы искали именно его.

Холмс промолчал, и Лестрейд окинул его пронизательным взглядом:

– Как вы его нашли?

– До смешного просто. Я знал благодаря вашим блестящим действиям, что поездом он вернулся на станцию «Лондонский мост». Мои агенты тут же прочесали близлежащую местность, и двоим повезло – они наткнулись на него прямо на улице.

– Полагаю, вы ссылаетесь на шайку беспризорников, которые готовы вам услужить по первому зову. На вашем месте, господин Холмс, я бы держался от них подальше. Ничем хорошим это не кончится. Все они воришки и карманники в свободное от ваших поручений время. Какие-то признаки ожерелья имеются?

– Очевидный признак один – никаких признаков. Правда, у меня не было возможности тщательно обыскать номер.

– Что ж, давайте этим и займемся.

Слова у него не расходились с делом – он тут же принялся осматривать номер. Это была жуткая комната с ободранными занавесями и подгнившим ковром, а кровать выглядела утомленной до крайности – утомленнее любого постояльца, который вознамерился в ней поспать. На стене висело треснутое зеркало. В углу стоял умывальник – замызганная раковина и одинокий бесформенный кусок засохшего мыла. Вида из окна не было никакого – оно выходило в узкую аллею, за которой шла глухая кирпичная стена, а чуть подальше, невидимая, текла Темза и насыщала комнату влагой и тяжелыми запахами. Далее Лестрейд сосредоточился на покойнике, тот был одет именно так, как при первой встрече описал его Карстерс: длинный сюртук до колен, плотный жилет, застегнутая до самого горла рубашка. Вся одежда была пропитана кровью. Смертоносный нож вонзили по рукоятку, он поразил сонную артерию. Мое знание медицины не оставляло места для сомнений – смерть наступила мгновенно. Лестрейд обыскал карманы убитого, но ничего не нашел. У меня была возможность присмотреться к нему внимательнее, и я увидел: человеку, нашедшему Карстера в Риджуэй-холле, было слегка за сорок – крепкое сложение, коренастый, мускулистые руки, коротко подстриженные волосы тронуты сединой. Самой яркой чертой был шрам, он начинался в углу рта и тянулся наискось через всю скулу, едва разминувшись с глазом. Однажды он вырвался из объятий смерти. Во второй раз ему повезло меньше.

– Точно ли нам известно, что именно этот человек вторгся в дом господина Эдмунда Карстера? – спросил Лестрейд.

– Абсолютно. Его опознал сам Карстерс.

– Он был здесь?

– Совсем недолго. К сожалению, ему пришлось уехать.

Холмс едва заметно улыбнулся, и я вспомнил, как мы схватили Эдмунда Карстера в охапку, запихнули в кеб и отправили в Уимблдон. Он лишь мельком успел взглянуть на тело, но этого оказалось достаточно, чтобы он едва не рухнул в обморок, и я понял, каково ему было на «Каталонии» после бостонских злоключений с «Бандой в кепках». Видимо, он обладал повышенной чувствительностью, как некоторые художники, чьи работы он выставлял. Было очевидно, что кровопролития вкупе с убожеством Бермондси не для него.

– Вот еще одна улика, если требуется, – добавил Холмс и указал на кровать – там лежала кепка.

Внимание Лестрейда между тем переключилось на пачку сигарет, оставленную на столе. Он взглянул на этикетку.

– «Олд Джадж»...

– Производители, как я полагаю, «Гудвин и К^о» из Нью-Йорка. В Риджуэй-холле я нашел именно такой окуроч.

– Вот как? – почти беззвучно воскликнул Лестрейд. – Что ж, едва ли наш американский друг стал жертвой случайного нападения. Подобное в этом квартале происходит, и такую вероятность сбрасывать со счетов нельзя: человек возвращается в свой номер, а там в его вещах роется какой-то злодей. Тут же дело доходит до мордобоя. Кто-то хватается за нож – и вот результат.

– Я тоже считаю, что подобное маловероятно, – согласился Холмс. – Это не может быть простое совпадение: в Лондон с явно недобрыми намерениями приезжает человек – и вдруг находит такую смерть! То, что произошло в этом номере, наверняка напрямую связано с его действиями в Уимблдоне. А посмотрите на положение тела, на угол, под которым нож вошел в шею. Должно быть, нападавший ждал его за дверью в темной комнате – свечи на столе нет. Он входит – и его хватают сзади. Это ведь был крепкий мужчина, способный за себя постоять. Но его застали врасплох и убили одним ударом.

– Все-таки мотивом могла быть кража, – не сдавался Лестрейд. – Нам известно про пятьдесят фунтов и ожерелье. Если они не здесь, то где же?

– У меня есть все основания полагать, что ожерелье вы найдете в ломбарде на Бриджлейн. Наш человек только что вернулся оттуда. Похоже, что в итоге вырученные деньги забрал убийца, но, думаю, главная причина преступления в другом. Задайтесь вопросом: а что еще пропало из этого номера? Ведь мы не знаем, Лестрейд, чей это труп. Казалось бы, у приезжего из Америки должен быть паспорт, рекомендательные письма, может быть, для банка. А его бумажника нет. Вы знаете, под каким именем он зарегистрировался в гостинице?

– Бенджамин Гаррисон.

– Но так зовут нынешнего американского президента.

– Американского президента? Разумеется. Это мне известно. – Лестрейд нахмурился. – Каким бы именем он ни назвался, нам ясно, кто он. Это Килан О’Донахью, прибывший из Бостона. Видите шрам на лице? Это пулевое ранение. Не будете же вы с этим спорить?

Холмс повернулся ко мне, и я кивнул.

– Конечно, это след от выстрела, – сказал я. Подобных ранений я насмотрелся в Афганистане. – Примерно годичной давности.

– Это вполне укладывается в то, что рассказал мне Карстерс, – торжествуя заключил Лестрейд. – По-моему, мы можем поставить точку в этом печальном эпизоде. О’Донахью получил ранение во время перестрелки в бостонской лачуге. Его брат-близнец был в этой перестрелке убит, и теперь Килан приехал в Англию мстить. Это ясно как божий день.

– Ясно-то ясно, между тем его убили ночью, – возразил Холмс. – Может быть, вы объясните нам, Лестрейд, кто убил Килана О’Донахью и зачем?

– Наиболее явный подозреваемый – сам Эдмунд Карстерс.

– Но во время убийства господин Карстерс был с нами. К тому же я видел его реакцию, когда мы наткнулись на тело, – не думаю, что у него достало бы смелости или силы воли нанести удар лично. Он также не знал, где остановилась его жертва. Насколько нам известно, этого не знал никто в Риджуэй-холле, потому что нам самим сказали об этом в последнюю минуту. Заодно ответьте: если это Килан О’Донахью, почему у него портсигар с инициалами «В. М.»?

– Какой портсигар?

– Он лежит на кровати, прикрыт простыней. Поэтому, видимо, его не заметил и убийца. Лестрейд нашел упомянутый предмет и быстро его оглядел.

– О’Донахью вор, – объявил он. – Вполне вероятно, что этот портсигар он украл.

– А зачем ему его красть? Ценности никакой не представляет. Сделан из жести, инициалы просто написаны краской.

Лестрейд открыл портсигар – пусто. Он тут же его защелкнул.

– Все это чистейший бред, – сказал он. – Знаете, Холмс, в чем ваша беда? Вы все усложняете. Иногда, как мне кажется, нарочно. Вам будто нужно поднять преступление до опреде-

ленного уровня, иначе его неинтересно раскрывать. Этот убитый – американец. Ранее он получил в перестрелке пулевое ранение. Один раз его видели на Стрэнде, два раза в Уимблдоне. Если он и правда был в ломбарде, это будет означать, что сейф Карстера взломал именно он. А тогда несложно понять, что здесь произошло. Наверняка у О’Донахью в Лондоне были связи среди преступников. Возможно, он даже подрядил кого-то помочь ему с вендеттой. Вдруг они взяли и поругались? Тот вытащил нож. Перед нами результат!

– Вы в этом уверены?

– В достаточной степени.

– Что ж, поживем – увидим. Обсуждать вопрос здесь нам больше не имеет смысла. Может быть, хозяйка гостиницы прольет свет на это дело.

Госпожу Олдмор мы нашли за конторкой, где раньше располагался привратник, но добавить ей было почти нечего. Эта седовласая женщина с кислым лицом сидела, обхватив себя руками, будто боялась заразиться от здания и потому держалась от стен как можно дальше. На голове был капор, на плечах – меховая накидка... Я не мог себе даже представить, какого животного этот мех и как это животное встретилось с Господом. Наверное, умерло от голода.

– Он снял комнату на неделю, – рассказала она. – Заплатил гинею. Американец, доплыл до Ливерпуля. Вот и все, что он мне сказал. В Лондоне первый раз. Прямо-то он этого не сказал, да по его вопросам я сама догадалась. Сказал, мол, ему надо с кем-то повидаться в Уимблдоне, и тут же спросил, как туда добраться. А-а, говорю, Уимблдон – это шикарное место, там полно богатых американцев, и дома у них дай бог каждому. Сам он был неприметный, багажа мало, одежка потрепанная, а уж рана на лице такая, что прости господи! Поеду, говорит, туда завтра, мне там кое-что должны, вот и получу должок. Я уж по его разговору поняла, что добра от него ждать нечего, тут же себе и сказала: парень, поберегись! Чувствовала, чем дело кончится, а что тут сделаешь? Если буду заворачивать всех клиентов подозрительного вида, какие стучат в мою дверь, лавочку придется закрывать. Так вот, теперь этого американца, господина Гаррисона, взяли да уколошили! Говорю же, я как чувствовала. В таком уж мире живем – порядочная женщина не может спокойно гостиницей управлять: тут тебе и кровь на стенах, и трупы на полу. Зачем я только приехала в Лондон? Не город, а чистая жуть. Жуть, да и только!

Мы оставили ее сидеть и страдать, а Лестрейд собрался по своим делам.

– Наверняка снова столкнемся, господин Холмс, – сказал он. – Если понадобится, где меня искать, знаете.

– Если инспектор Лестрейд мне когда-нибудь понадобится, – пробормотал Холмс после ухода последнего, – значит дела мои совсем плохи. Давайте заглянем в аллею, Ватсон. Говорят, что дело раскрыто, но одна деталь меня беспокоит.

Мы вышли через фасадную дверь гостиницы на главную улицу и свернули в узкую замусоренную аллею, которая тянулась как раз мимо комнаты, где закончил свои дни американец. Окно хорошо просматривалось, под ним стоял деревянный ящик. Было ясно, что убийца воспользовался им как ступенькой, чтобы войти в комнату. Окно не было заперто и легко открывалось снаружи. Холмс мимоходом взглянул себе под ноги, но ничто на земле не привлекло его внимания. Мы проследовали до конца аллеи – она заканчивалась высоким деревянным забором и пустым двором за ним. Оттуда мы вернулись на основную дорогу. Холмс пребывал в глубокой задумчивости, и его бледное продолговатое лицо говорило, что ему явно не по себе.

– Вы помните вчерашнего мальчишку, Росса? – спросил он.

– Вам показалось, что он что-то скрывает.

– Теперь я в этом уверен. С того места, где он стоял, хорошо видны и гостиница, и аллея, которая, как мы убедились, кончается тупиком. Значит, убийца мог появиться только с дороги и Росс должен был хорошо его видеть.

– Он явно был чем-то встревожен. Но, Холмс, если он что-то видел, почему не сказал нам?

– У него был свой план, Ватсон. По-своему Лестрейд прав. Эти мальчишки живут благодаря смекалке и пользуются ею ежечасно. Они проходят школу выживания. Если Росс решил, что тут пахнет деньгами, он мог вступить в сговор с самим дьяволом! И все-таки есть нечто, чего я понять не могу. Что такого этот паренек мог увидеть? В свете газового фонаря появилась какая-то фигура, промелькнула по коридору и скрылась из вида. Возможно, он слышал крик после удара ножом. Через минуту убийца появился вторично – и тотчас скрылся в ночи. Росс стоял на месте, а вскоре появились мы втроем.

– Он чего-то боялся, – сказал я. – Принял Карстера за полицейского.

– Это был не просто страх. Я бы сказал, что паренек был охвачен ужасом, но я решил... – Он провел рукой по брови. – Нужно найти его и поговорить с ним. Надеюсь, что я не совершил грубого просчета.

По дороге на Бейкер-стрит мы зашли на почту, и Холмс послал еще одну телеграмму Виггинсу, командиру его маленькой нерегулярной армии. Но прошли сутки, а Виггинс не ответил. А вскоре нам стало известно, что события пошли по наихудшему сценарию.

Росс исчез.

Глава 6

Мужская школа «Чорли Гранж»

В 1890 году, когда разворачиваются описываемые мной события, на территории в шестьсот квадратных миль, известной как Муниципальный полицейский район Лондона, проживало пять с половиной миллионов человек, и два вечных соседа, богатство и бедность, как всегда, нелегко шли по жизни рука об руку. За прошедшие годы я был свидетелем грандиозных перемен и теперь порой жалею, что не живописал подробно картину разрастающегося хаоса города, в котором жил, может быть, на манер Гиссинга или Диккенса, который сделал это за пятьдесят лет до него. В свою защиту могу лишь сказать, что я больше биограф, нежели историк или журналист, а приключения мои неизбежно вели меня в довольно замкнутые сферы жизни – роскошные жилища, гостиницы, частные клубы, школы, правительственные учреждения. Клиенты Холмса принадлежали ко всем классам общества, с этим не поспоришь, но (возможно, однажды кто-то всерьез задумается над смыслом этого явления) наиболее интересные преступления, которые я сделал объектами моих записок, почти всегда совершались людьми состоятельными.

Но сейчас необходимо поговорить о нижних слоях гигантского кипящего котла под названием Лондон, слоях, которые Гиссинг обозначил как «дно», чтобы понять, сколь невероятная задача возникла перед нами. Мы должны были найти одного мальчишку, беспомощного оборвыша, среди легиона ему подобных, и, если Холмс был прав и на горизонте маячила опасность, тянуть резину было некогда. С чего же начать? Наши поиски отнюдь не будут облегчены неугомонностью и хаосом, царящими в городе, – его обитатели пребывают в вечном движении, перемещаясь от дома к дому, от улицы к улице, и зачастую даже не знают имени соседа. В большой степени тут можно винить снос трущоб и распространение железных дорог, хотя многие жители Лондона прибыли сюда, движимые этой самой неугомонностью, и просто не способны долго сидеть на одном месте. Они движутся, подобно цыганам, в поисках возможной работы. Летом это сбор фруктов и строительные работы, а когда приходят холода, люди забираются в норы, рыщут в поисках угля и хоть какой-то пищи. Они могут недолго посидеть на месте, но, как только деньги кончаются, они снова снимаются с якоря.

А куда деваться от проклятия нашего века – от преступной беспечности, которая выбросила на улицы десятки тысяч детей? Они попрошайничают, шарят по карманам, подворовывают, а если не удастся удержаться на плаву, тихо умирают, никому не известные и никем не любимые, не нужные своим родителям, если эти родители вообще живы. Кто-то из них ютился в меблированных комнатах стоимостью три пенса, но эти три пенса надо было где-то взять, чтобы заплатить за ночлег, жили в жуткой тесноте, в условиях, неприемлемых даже для скота. Дети спали на крышах домов, в лотках Смитфилдского рынка, в сточных ямах и даже, как я слышал, в воронках, образовавшихся после вывоза мусора на Хакни-Маршиз. Существовали, как я расскажу позже, благотворительные организации, чтобы этим детям помочь, одеть их, как-то их выучить. Но организаций этих было мало, а детей много... Деятнадцатый век завершал свой путь, а Лондону было чего стыдиться.

Хватит, Ватсон! Не надо увлекаться. Возвращаемся к нашему рассказу. Будь Холмс жив, он бы таких отступлений не потерпел.

С той минуты, как мы покинули частную гостиницу госпожи Олдмор, Холмс пребывал в состоянии непрерывного беспокойства. В течение дня он, словно медведь, вышагивал по комнате. Все время курил, при этом почти не притронулся к обеду и ужину, и я не без тревоги замечал, как он косится на свою марокканскую шкатулку, которую держал на каминной полке. Мне было известно, что там содержится шприц для подкожных инъекций... Обычно и речи не

могло быть о том, чтобы во время расследования он позволил себе семипроцентный раствор кокаина – это была его привычка из разряда самых вопиющих. Полагаю, что ночью он почти не спал. Было уже совсем поздно, и я почти заснул, как вдруг услышал: он наигрывает что-то на своей «страдивари»... Но мелодия выходила какая-то дерганая, звучала фальшиво, и было ясно, что он не вкладывает в это занятие душу, то есть сильно нервничает и поэтому страдает. Он упомянул серьезный просчет и, видимо, оказался прав, потому что Росс исчез. В таком случае Холмс никогда себе этого не простит.

Я думал, мы вернемся в Уимблдон. Холмс в гостинице ясно дал понять, что с человеком в кепке все почти ясно, стало быть, сыщику оставалось только пуститься в пространные объяснения, после которых я буду спрашивать себя: как можно быть таким тупым и не видеть очевидного? Но во время завтрака принесли письмо от Кэтрин Карстерс: она и муж уехали на несколько дней навестить друзей в Суффолке. Эдмунду Карстерсу, натуре хрупкой, требовалось время, чтобы прийти в себя, а Холмс без аудитории своими открытиями делиться не будет. Поэтому мне придется подождать.

Виггинс появился на Бейкер-стрит, 221-б, только через два дня, в этот раз без сопровождения. Он получил телеграмму Холмса (как именно, не представляю, я не знал, где и как жил Виггинс) и с тех пор пытался найти Росса, но безуспешно.

– В Лондон он приехал под конец лета, – объяснил Виггинс.

– Приехал откуда?

– Понятия не имею. Когда мы познакомились, он жил в кухне гостиницы «Кингс-Кросс» с какой-то семьей – девять человек в двух комнатах. Я к ним заходил, но они его с того вечера не видели. Думаю, он сидит тихо, затаился.

– Виггинс, расскажи, что случилось тем вечером, – жестко произнес Холмс. – Вдвоем вы шли за американцем от ломбарда до гостиницы. Ты оставил Росса наблюдать за домом, а сам прибежал за мной. Значит, он пробыл один около двух часов.

– Он сам вызвался. Я его не заставлял.

– У меня и в мыслях нет тебя обвинять. Потом мы вернулись – господин Карстерс, доктор Ватсон, ты и я. Росс был на месте. Я отдал вам деньги и отпустил. Вы убежали вместе.

– Вместе мы были недолго, – уточнил Виггинс. – Он пошел своей дорогой, а я своей.

– Он тебе что-нибудь сказал? Вы вообще говорили?

– Росс был не в духе, это точно. Он что-то видел.

– В гостинице? Что именно, не сказал?

– Человека. Больше ничего. Вот он и струхнул. Ему всего тринадцать, хотя, что к чему, он обычно знает. А тут все поджилки тряслись.

– Он видел убийцу! – воскликнул я.

– Чего он там видел или не видел – не скажу, а что он мне сказал – знаю. «Я его знаю, из него можно кое-что выудить. Все больше гиней, которую нам выделил твой господин Олмс, чтоб ему пусто было!» Уж простите, сэр, но так он и сказал, точь-в-точь. Видно, решил кого-то подоить.

– Что еще?

– Ну, разве что хотел побыстрее смыться. Раз-два – только его и видели. Но в «Кингс-Кросс» не пошел. А куда – не знаю. Больше про него никто ничего и не слышал.

Холмс выслушал этот рассказ, и лицо его стало крайне суровым. Он шагнул к мальчику и присел перед ним на корточки. Виггинс рядом с ним выглядел совсем маленьким. Недокормленный, болезненный, волосы спутаны, глаза слезятся, кожа поражена лондонской грязью – такого не выделишь в толпе. Может быть, именно поэтому так легко не обращать внимания на бедственное положение этих детей. Их слишком много, и все выглядят одинаково.

– Послушай, Виггинс, – сказал Холмс. – Мне кажется, Россу угрожает серьезная опасность.

– Но я правда искал его! Везде, где можно!

– Не сомневаюсь. Скажи, что тебе известно о его прошлом. Где он жил раньше, пока не приехал в Лондон? Кто его родители?

– Нет у него никаких родителей. Они давным-давно померли. Откуда приехал – не говорил, а мне зачем спрашивать? А мы все – откуда? Какая разница?

– Попробуй вспомнить, парень. Если у него неприятности, к кому он пойдет, где будет искать пристанища?

Виггинс покачал головой. Но тут же что-то придумал.

– Еще одна гиней будет? – спросил он.

Глаза Холмса сузились, я видел, что он старается держать себя в руках.

– Неужели ты ценишь жизнь твоего соотечественника так низко? – спросил он.

– Не знаю, кто такой «соотечественник», он мне никто, господин Олмс. Живой он или мертвый – мне что с того? Не объявится – тут же прибегут двадцать человек на его место. – Холмс сверлил его взглядом, и внезапно Виггинс смягчился. – Ладно. Он был под присмотром, по крайней мере какое-то время. Его забрали к себе благотворители. «Чорли Гранж», это в сторону Эмуорта. Мужская школа. Он как-то сказал мне: мол, пробыл там немного, а потом надоело – и дал деру. Тогда и перебрался в «Кингс-Кросс». Если уж так напугался, если кому-то насолил, может, и решил туда вернуться. Из двух зол...

Холмс выпрямился.

– Спасибо, Виггинс, – сказал он. – Но ты его и дальше ищи. Спрашивай всех, кого встретишь. – Он достал монету и протянул ее мальчишке. – Найдешь его – сразу тащи сюда. Миссис Хадсон вас обоих накормит и приглядит за вами, если меня не будет. Понял?

– Как не понять, господин Олмс.

– Отлично. Ватсон, надеюсь, вы меня сопроводите?

Час спустя кеб подвез нас к входу в три добротных дома, которые стояли рядком на краю узкого переулочка, круто поднимавшегося почти полмили от деревни Роксет до Хэмуорт-Хилла. Самый большой из них располагался в центре и напоминал загородное поместье английского джентльмена, построенное примерно сто лет назад. Его украшала крыша из красной черепицы и веранда по всей длине здания на уровне первого этажа. Фасад был покрыт выюющимися растениями, должно быть выглядевшими роскошно летней порой, но сейчас безлистными и иссушенными. Весь комплекс окружали сельскохозяйственные угодья, а к старому яблоневому саду под уклон сбегала лужайка. Трудно было представить, что до Лондона рукой подать, потому что воздух поражал свежестью, а земли вокруг радовали глаз. Хотелось только, чтобы погода была помягше, потому что снова воцарился холод, а с неба летела недружелюбная влага. Здания по обе стороны от основного были когда-то сараями либо пивоварнями, видимо приспособленными под надобности школы. По другую сторону переулочка стояло еще одно сооружение, окруженное декоративным металлическим забором с открытыми воротами. Оно выглядело пустым – света или какого-то движения не наблюдалось. Подальше в полях я увидел группу мальчишек – вооруженные лопатами и мотыгами, они копали грядки.

Мы позвонили в парадную дверь – нам открыл человек в строгом темно-сером костюме, он молча выслушал объяснения Холмса о цели нашего визита.

– Очень хорошо, господа. Вам придется подождать.

Он провел нас в здание и оставил в аскетичном вестибюле, обитом деревянными панелями, на стенах лишь несколько изрядно потемневших портретов – разобрать, что на них изображено, было почти невозможно, – а также серебряный крест. Вглубь здания уходил длинный коридор, я увидел несколько дверей. Наверное, по другую сторону располагались классные комнаты, но никаких звуков изнутри не доносилось. Заведение больше походило на монастырь, нежели на школу. Затем слуга – если это был слуга – вернулся и привел с собой круглолицего коротышку, которому на каждый шаг своего спутника приходилось делать три, и такие серьез-

ные усилия вызывали у него одышку. Все во вновь прибывшем наводило на мысль о кругах. Формами он напомнил мне снеговика из Риджентс-парка: голова его была одним шаром, тело другим, а лицо отличалось удивительной простотой, с морковкой вместо носа и угольками вместо глаз. Лет сорока, лысоватый, пучки темных волос спадают на уши. Одет как священник, картину довершал пасторский воротник – еще один круг. Подойдя к нам, он засиял и приветственно распротер руки:

– Господин Холмс! Какая честь! Разумеется, сэр, я читал о ваших подвигах. Лучший детектив-консультант Англии – у нас, в «Чорли Гранж»! Какая чудесная новость! А вы, должно быть, доктор Ватсон. Ваши рассказы мы читаем в классах. Мальчишки от них в полном восторге. Они просто не поверят, что вы здесь. Может быть, у вас найдется время поговорить с ними? Впрочем, что это я гоню лошадей? Уж вы меня извините, господа, просто не могу сдержаться. Я – преподобный Чарльз Фицсиммонс. Воспер сказал мне, что вас привело сюда серьезное дело. Господин Воспер помогает управлять этим заведением, а также преподает математику и чтение. Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет. Я познакомлю вас с женой... Может быть, выпьете чая?

Мы прошли за человечком по второму коридору и вошли в комнату – слишком большую и холодную и оттого неуютную, хотя вдоль стен тянулись книжные полки, а возле камина стоял диван и несколько стульев. Заваленный бумагами большой стол располагался так, чтобы через венецианские окна видеть лужайку, а за ней – фруктовый сад. В комнате было еще холоднее, чем в коридоре, хотя огонь в камине горел. Красное мерцание и запах тлеющих углей создавали иллюзию тепла, но именно иллюзию. По окнам молотил дождь, капли стекали по стеклу. Поля совершенно обесцветились. День едва перевалил за середину, но было полное ощущение сумерек.

– Дорогая! – воскликнул хозяин. – Это господин Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Им нужна наша помощь. Господа, познакомьтесь: моя жена Джоанна.

В самом темном углу комнаты в кресле сидела женщина и держала на коленях книгу в несколько сот страниц. Если это была госпожа Фицсиммонс, вместе они составляли весьма странную пару – она отличалась высоким ростом и при этом была, как мне показалось, на несколько лет старше мужа. На ней было старомодное сатиновое платье, абсолютно черное, оно поднималось до самой шеи и плотно облегало руки, плечи были отделаны бисером. Волосы стянуты узлом на затылке, пальцы длинные и тонкие. Будь я мальчишкой, детская фантазия вполне могла бы нарисовать образ ведьмы. Вид этой пары навел меня на не вполне достойную мысль: понятно, почему Росс решил отсюда сбежать. На его месте я вполне мог бы поступить так же.

– Выпьете чая? – спросила дама. Голос был тонкий, как и она сама, а выговор нарочито рафинированный.

– Мы не будем причинять вам неудобств, – ответил Холмс. – Как вы знаете, нас привело сюда весьма срочное дело. Мы ищем мальчика, беспризорника, нам известно только, что его зовут Росс.

– Росс? Росс? – Его преподобие напряг память. – Да! Бедняга Росс! Мы давно его не видели, господин Холмс. Прежде чем попасть к нам, он как следует хлебнул лиха, как, впрочем, многие из наших подопечных. Он пробыл у нас недолго.

– Это трудный и своенравный ребенок, – вмешалась его жена. – Не желал подчиняться правилам. В итоге разлагал остальных. Ничего не хотел слушать.

– Дорогая, не нужно сгущать краски. Но правда такова, господин Холмс, что у него не было ни капли благодарности за всю нашу помощь и вписываться в наш образ жизни он не намеревался. Он провел у нас всего несколько месяцев, потом сбежал. Прошлым летом, в июле или августе. Надо посмотреть бумаги, тогда скажу точно. А почему вы его ищете, можно узнать? Надеюсь, он не пошел по кривой дорожке?

– Не беспокойтесь. Просто несколько дней назад в Лондоне он был свидетелем кое-каких событий. И мне надо знать, что именно он видел.

– Звучит в высшей степени загадочно, правда, дорогая? Но я не прошу дальнейших объяснений. Откуда он явился, мы не знаем. Куда скрылся – тоже.

– Тогда не смею больше отнимать у вас время. – Холмс повернулся к двери, но передумал. – Раз уж мы здесь, может быть, расскажете, чем вы здесь занимаетесь? «Чорли Гранж» – это ваша собственность?

– Ну что вы, сэр. Мы с женой – наемные работники Школьного общества лондонских кварталов. – Он указал на портрет прислонившегося к колонне аристократа. – Вот основатель, сэр Криспин Огилви, ныне покойный. Ферму он приобрел пятьдесят лет тому назад, а мы содержим это заведение благодаря его завещанию. У нас здесь тридцать пять мальчиков, всех их нашли на лондонских улицах. Какое будущее могло их ждать? В лучшем случае бессмысленный и монотонный труд. Здесь у них есть еда, крыша над головой и, самое главное, хорошее христианское образование. Здесь ребят учат читать, писать, дают основы математики. Но это не все – их обучают ремеслу сапожника, плотника, портного. А наши поля? У нас сотни акров земли, и почти все съестное мы выращиваем сами. Помимо этого мальчики умеют ухаживать за свиньями и птицей. Когда приходит время с нами расставаться, многие из них уезжают в Канаду, Австралию и Америку – начинать новую жизнь. У нас есть связи с фермерами, которые с удовольствием берут мальчишек к себе и дают им возможность сделать первые шаги на жизненном поприще.

– Много ли у вас учителей?

– Нас четверо плюс моя жена, обязанности мы делим между собой. Господина Воспера вы встретили при входе. Он наш привратник, преподает математику и чтение. Сейчас у нас дневные занятия, и два других учителя в классах.

– Как Росс сюда попал?

– Наверняка его подобрали в какой-нибудь опеке либо ночлежке. У нас в городе есть добровольцы, они и привозят сюда мальчишек. Если хотите, могу навести справки, хотя о Россе мы давно ничего не слышали и едва ли будем вам полезны.

– Мы не можем держать тут мальчиков силой, – вступила госпожа Фицсиммонс. – Большинство из них здесь все устраивает, они ведут себя примерно и делают честь себе и школе. Но иногда встречаются и смутьяны – от этих никакой благодарности не жди.

– Мы должны верить в каждого ребенка, Джоанна.

– Чарльз, ты слишком добросердечен. Они этим пользуются.

– Росса нельзя обвинять в том, что он такой, какой есть. Его отец был забойщиком скота, ему попалась больная овца, в итоге он умер медленной смертью. Мать пыталась найти успокоение в спиртном. Она тоже умерла. Какое-то время за Россом присматривала старшая сестра, но, что с ней стало, мы не знаем. Ах да! Вспомнил. Вы спрашивали, как он к нам попал. Росса арестовали за мелкую кражу в магазине. Судья сжалился над ним и передал его нам.

– Дал ему шанс. – Госпожа Фицсиммонс покачала головой. – Страшно подумать, что с ним теперь станет.

– То есть вы не представляете, где его можно найти?

– Мне жаль, господин Холмс, что вы впустую потратили время. У нас нет возможностей искать мальчиков, которые решили от нас уйти, и, по правде говоря, какой смысл их искать? «Ты оставил меня, поэтому и я от тебя уйду». Можно узнать, чему же такому он был свидетелем и почему для вас так важно его найти?

– Мы полагаем, что ему угрожает опасность.

– Опасность угрожает всем беспризорникам. – Фицсиммонс хлопнул в ладоши, словно его озарило. – А не поговорить ли вам с кем-то из его бывших одноклассников? Всегда есть

вероятность, что кому-то из них он сказал то, что предпочел скрыть от нас. Идемте – у меня будет возможность показать вам нашу школу и чуть больше рассказать о нашей работе.

– Это очень любезно с вашей стороны, господин Фицсиммонс.

– Я покажу вам школу с превеликим удовольствием.

Мы вышли из кабинета. Госпожа Фицсиммонс осталась в своем углу и снова погрузилась в чтение объемистого тома.

– Пожалуйста, простите мою жену, – пробормотал его преподобие Фицсиммонс. – Она может показаться вам чересчур строгой, но, уверяю вас, эти мальчишки – смысл всей ее жизни. Она учит их богословию, помогает со стиркой, ухаживает за ними, когда они нездоровы.

– Своих детей у вас нет? – спросил я.

– Возможно, я неясно выразился, доктор Ватсон. У нас тридцать своих детей, и ко всем мы относимся так, будто они – наша плоть и кровь.

Он провел нас по длинному коридору, который я заметил ранее, и мы оказались в комнате, где сильно пахло кожей и новой пенькой. Восемь или девять мальчиков, чистеньких, ухоженных, в передниках, внимательно смотрели на пару обуви, что лежала перед каждым, а за ними наблюдал открывший нам дверь господин Воспер. При нашем появлении все они поднялись и застыли в уважительном молчании, но Фицсиммонс весело махнул им рукой.

– Садитесь, ребята! Садитесь! К нам приехал господин Шерлок Холмс из Лондона. Давайте покажем ему, как мы умеем трудиться. – (Мальчики тут же принялись за работу.) – Все в порядке, господин Воспер?

– Разумеется, сэр.

– Отлично! Отлично! – Он просто лучился счастьем. – Им еще два часа работать, потом час досуга перед чаем. Наш день заканчивается в восемь часов молитвой, а потом – спать.

Фицсиммонс снова двинулся вперед, семена короткими ножками. На сей раз он провел нас наверх, где располагалась общая спальня, слегка спартанская, но, несомненно, чистая и наполненная воздухом, кровати стояли, словно солдаты в строю, в нескольких футах друг от друга. Нам показали кухню, столовую, мастерскую и, наконец, класс, где шел урок. Квадратная комната, в углу печка, на одной стене – классная доска, на другой – украшенная вышивкой первая строчка кого-то псалма. На полках аккуратно стояли книги, а также счеты и всякая всячина – сосновые шишки, камни, кости животных, собранные, видимо, во время экскурсий. Молодой человек что-то писал в тетрадке, а двенадцатилетний паренек, выполняя задание учителя, читал одноклассникам отрывок из издававшей виды Библии. Едва мы вошли, мальчик прекратил чтение. В три ряда сидели пятнадцать учеников и внимательно слушали – они уважительно поднялись и повернули в нашу сторону бледные и серьезные лица.

– Садитесь, пожалуйста! – воскликнул его преподобие. – Извините, что прервали урок, господин Викс. Гарри, ты читал из книги Иова? «Нагим я вышел из чрева матери, нагим и вернусь...»

– Да, сэр.

– Очень хорошо. Прекрасный выбор текста. – Он сделал жест в направлении учителя, который продолжал сидеть. Это был тридцатилетний брюнет, лицо странное, слегка вывернутое, спутанные волосы беспорядочно свалены на одну сторону. – Это Роберт Викс, выпускник Баллиол-колледжа. Господин Викс делал весьма успешную карьеру в городе, но решил на год перебраться к нам – помочь тем, кто не так удачлив, как он сам. Вы помните Росса, господин Викс?

– Росс? Это тот самый мальчик, который сбежал.

– Этот господин не кто иной, как Шерлок Холмс, очень известный сыщик. – При этих словах по рядам прокатился шепоток. – Он опасается за Росса – тот мог попасть в беду.

– Чему удивляться, – пробормотал Викс. – Мальчишка не из простых.

– Гарри, он был твоим другом?

– Нет, сэр, – ответил читавший.

– Но кто-то в классе наверняка водил с ним дружбу, разговаривал с ним и может помочь найти его. Вы же помните – после ухода Росса мы много о нем говорили. Я вас спрашивал, куда он мог уйти, но вы ничего не смогли ответить. Большая просьба – постарайтесь что-то вспомнить.

– Я всего лишь хочу помочь вашему товарищу, – добавил Холмс.

Ненадолго повисла тишина. Потом мальчик с последнего ряда поднял руку. Светловолосый, хрупкий, лет одиннадцати.

– Вы тот самый, про кого в книжках пишут? – спросил он.

– Да. А вот автор этих книжек. – Я не помню, чтобы Холмс ранее представлял меня таким образом, и скажу честно – услышать эти слова было чрезвычайно приятно. – Ты их читал?

– Нет, сэр. Там слишком много длинных слов. Но иногда нам их читает господин Вискс.

– Ладно, не будем больше отрывать вас от занятий, – сказал Фицсиммонс, собираясь вести нас к двери.

Но мальчик из последнего ряда сказал еще не все.

– У Росса есть сестра, сэр.

Холмс повернулся к нему:

– В Лондоне?

– Вроде так. Да. Он как-то про нее говорил. Ее зовут Салли. Она работает в пабе «Мешок с гвоздями».

На лице его преподобия Фицсиммонса впервые отразился гнев, бледно-красное пятно разлилось по щекам.

– Ты поступил нехорошо, Дэниел, – сказал он. – Почему не сказал мне об этом раньше?

– Забыл, сэр.

– Если бы ты вспомнил вовремя, мы бы его нашли и защитили от свалившихся на него напастей.

– Извините, сэр.

– Не будем больше об этом. Идемте, господин Холмс.

Втроем мы вернулись к главному входу в школу. Холмс заранее заплатил кебмену за ожидание, и я рад был увидеть его на месте, потому что лил безжалостный дождь.

– Школа достойная, – похвалил Холмс. – Дети такие спокойные и дисциплинированные – это замечательно.

– Я вам очень признателен, – ответил Фицсиммонс, возвращаясь в свое привычное состояние. – Мои методы весьма просты, господин Холмс. Кнут и пряник в буквальном смысле слова. Если мальчики ведут себя плохо, их ждет порка. Если изо всех сил трудятся, соблюдают все правила, мы кормим их лучше. За шесть лет, что мы с женой здесь работаем, два мальчика умерли: один от сердечной недостаточности, другой от туберкулеза. Но случай бегства – единственный. Когда вы найдете Росса – а я в этом уверен, – надеюсь, вы уговорите его вернуться. Жизнь здесь не такая аскетическая, какой может показаться в эту зловещую погоду. Когда светит солнце и мальчишки дурачатся на свежем воздухе, «Чорли Гранж» выглядит довольно весело.

– Не сомневаюсь. Последний вопрос, господин Фицсиммонс. Здание напротив – это часть школы?

– Именно так, господин Холмс. Когда мы сюда приехали, там была фабрика по производству экипажей, но мы переделали ее под наши нужды, и сейчас там проходят концерты. Я говорил вам, что каждый наш ученик играет в оркестре?

– Недавно у вас был концерт.

– Всего два дня назад. Вы наверняка заметили многочисленные следы колес. Если вы, господин Холмс, и вы, доктор Ватсон, придете на наше следующее выступление, мы будем чрез-

вычайно польщены. Может быть, вам захочется оказать школе благотворительную помощь. Мы делаем все, что в наших силах, но от помощи не отказываемся.

– Я обязательно об этом подумаю.

Мы пожали друг другу руки и попрощались.

– Ватсон, нам нужно напрямик ехать в «Мешок с гвоздями», – объявил Холмс, едва мы сели в кеб. – Нельзя терять ни минуты.

– Вы действительно считаете, что...

– Мальчик, Дэниел, сказал нам то, что не стал говорить своим учителям, по одной простой причине: он понял, что мы можем спасти его друга. Для разнообразия, Ватсон, сейчас мною движет не столько интеллект, сколько инстинкт. Откуда у меня такое ощущение тревоги? Кучер, хлестни лошадей и быстрее на станцию! Только бы не оказалось слишком поздно!

Глава 7

Белая лента

Все могло бы сложиться иначе, не окажись в Лондоне два паба с одинаковым названием «Мешок с гвоздями». Нам был известен один, на Эдж-лейн, в самом сердце Шордича, и мы, решив, что там вполне могла работать потерявшая родителей сестра уличного беспризорника, направились прямо туда. Это была небольшая обшарпанная пивнушка на углу улицы, от нее дурно пахло несвежим пивом, а сигаретный дым сочился прямо из деревянных стен. Впрочем, хозяин проявил дружелюбие: завидев нас из-за стойки бара, он вытер огромные руки о захватанный передник.

– Никакая Салли здесь не работает, – сказал он, когда мы представились. – И не работала. А с чего вы, господа, взяли, что найдете ее здесь?

– Мы ищем ее брата, мальчика зовут Росс.

Он покачал головой:

– И Росса я не знаю. Может, вас не туда направили? Между прочим, «Мешок с гвоздями» есть и в Ламбете. Попробуйте съездить туда – вдруг повезет?

Мы тотчас вышли на улицу и вскоре колесили по Лондону в двуколке, но было уже поздно, и до нижнего квартала Ламбета мы добрались только с наступлением темноты. Второй «Мешок с гвоздями» выглядел более привлекательно, чего нельзя сказать о хозяине: это был угрюмый бородач со сломанным носом, не украшавшим лицо, и сердитым взглядом из-под густых бровей.

– Салли? – переспросил он. – А фамилия?

– Мы знаем только имя, – ответил Холмс. – И что у нее есть младший брат Росс.

– Салли Диксон? Вам нужна эта девчонка? Брат у нее есть. Она за домом, но сначала скажите, что вам от нее нужно.

– Только поговорить, – ответил Холмс.

Я снова почувствовал, как он весь напрягся, в нем пульсировала и рвалась наружу энергия, которая вела его к цели при расследовании любого дела. А уж когда обстоятельства вступали в заговор против него, он был предельно сосредоточен. Он положил на стойку несколько монет:

– Это компенсация за ваше время.

– Ну, это без надобности, – возразил хозяин, однако деньги взял. – Хорошо. Найдете ее во дворе. Хотя сомневаюсь, что вы много из нее выудите. Не сильно разговорчивая девица. С немой и то было бы веселее.

За зданием находился двор, камни были еще влажные и поблескивали после дождя. Двор был захламлен всевозможным барахлом и обломками, горы мусора поднимались почти до самого верха окружавших двор стен. Интересно, как все это сюда попало? Сломанное фортепиано, детская лошадка-качалка, птичья клетка, несколько велосипедов, половинки стульев и столов – любая мебель, кроме целой. У одной стены громоздились разбитые ящики, брезентовые мешки для угля, заполненные неизвестно чем. Битое стекло, здоровенные пачки бумаги, куски исковерканного металла – а в середине, босая, в слишком тонком платье для такой погоды, стояла девушка лет шестнадцати и подметала свободное пространство вокруг себя, словно от этого общая картина могла как-то измениться. Во взгляде ее было нечто, напомнившее мне о ее младшем брате. Волосы светлые, глаза голубые, и, если бы не обстоятельства, в которых она находилась, я бы назвал ее хорошенькой. Но жестокое прикосновение бедности и невзгод ясно виделось в заострившихся скулах, в руках-палочках, в грязи, въевшейся в ладони и щеки. Она подняла голову – в глазах я увидел только подозрительность и презрение. Шестнадцать лет! Какие повороты судьбы привели ее сюда?

– Мисс Диксон? – спросил Холмс.

Никакой реакции – метла летала взад и вперед с той же скоростью.

– Салли?

Она остановилась, медленно подняла голову и окинула нас тяжелым взглядом:

– Да?

Я увидел, как руки ее впились в ручку метлы, словно это было оружие.

– Мы не хотим вас тревожить, – сказал Холмс. – Вреда мы не причиним.

– Что вам нужно? – Глаза горели яростью.

Мы стояли чуть поодаль, не смея приблизиться.

– Мы хотели бы поговорить с вашим братом Россом.

Руки еще крепче вцепились в метлу.

– Кто вы?

– Его друзья.

– Вы из «Дома шелка»? Росса здесь нет. И никогда не было – вам его не найти.

– Мы хотим ему помочь.

– Как же, «помочь»? Так вот, нет его здесь! Вот и уходите. Видеть вас не могу. Идите, откуда пришли.

Холмс глянул на меня, и я, желая оказаться полезным, сделал шаг в сторону девушки. Я хотел ее успокоить, но совершил большую ошибку. Я так и не знаю, что именно произошло. Только увидел, что метла грохнулась оземь, и услышал окрик Холмса. Девушка рубанула воздух прямо передо мной – и что-то жаром полыхнуло в груди. Я отшатнулся, прижал руку к своему пальто. Посмотрел вниз: между пальцами сочилась кровь. Я был настолько потрясен, что не сразу понял: меня чем-то пырнули – то ли ножом, то ли осколком стекла. Девушка на миг застыла передо мной – отнюдь не ребенок, она рычала зверьком, глаза сверкали, губы искривились в жуткой гримасе.

Холмс кинулся ко мне:

– Ватсон, дорогой мой!

Потом я услышал какое-то движение у себя за спиной.

– Что тут такое?

Это был хозяин. Девушка испустила гортанный вопль, потом развернулась и опрометью кинулась прочь через узкую арку на улицу.

Мне было больно, но я сразу понял: рана несерьезная. На мне было плотное пальто, а под ним жакет, и беда, какую могло причинить лезвие, была предотвращена, а позже вечером я перевязал и продезинфицировал относительно небольшую рану. Помню, что через десять лет после этого случая я, находясь в обществе Холмса, снова был ранен и, как ни странно это прозвучит, был даже благодарен обоим напавшим на меня: мне стало ясно, что мое физическое состояние великому сыщику отнюдь не безразлично и прохладца, с которой он иногда ко мне относился, была показной.

– Ватсон?

– Пустяки, Холмс. Царапина.

– Что случилось? – резко спросил хозяин. Он смотрел на мои окровавленные руки. – Что вы с ней сделали?

– Лучше спросите, что она сделала со мной, – пробурчал я, хотя, даже пребывая в шоке от происшедшего, не был зол на эту несчастную недокормленную девочку, которая бросилась на меня из страха и неведения, на самом деле не желая причинить мне боль.

– Девочка испугалась, – объяснил Холмс. – Ватсон, вы уверены, что не пострадали? Идемте в дом. Вам нужно сесть.

– Нет, Холмс. Уверяю вас, все не так страшно.

– Ну слава богу. Надо сейчас же вызвать двуколку. Хозяин, мы ищем брата этой девочки. Ему тринадцать лет, такие же светлые волосы, чуть ниже ее ростом, чуть лучше накормлен.

– Росс, что ли?

– Вы его знаете?

– Я же сказал. Он с ней работает. Про него бы и спросили.

– Он сейчас здесь?

– Нет. Пришел несколько дней назад, искал крышу над головой. Я сказал, пусть живет с сестрой, за это будет работать на кухне. У Салли каморка под лестницей, он там и устроился. Только от него хлопот было больше, чем пользы, никогда не дозовешься. Не знаю, что там у него на уме, но он задумал какой-то план, это точно. Унесся как раз перед вашим приездом.

– Куда, не представляете?

– Нет. Может, девчонка знает? Так теперь и она сбежала.

– Я сейчас должен помочь моему другу. Но если кто-то из них вернется, настоятельно прошу вас сообщить об этом мне на Бейкер-стрит, 221-б. Идемте, Ватсон. Обопритесь на меня. Кажется, я слышу кеб...

В итоге полный приключений день завершился возле камина, я восстанавливал силы с помощью бренди с содовой, а Холмс неистово курил. Я был погружен в размышления об обстоятельствах, которые таким странным образом повернули ход нашего расследования, – мне казалось, что мы уж слишком далеко отклонились от первоначальной цели – поиска человека в кепке или даже определения личности его убийцы. Допустим, Росс видел убийцу в частной гостинице госпожи Олдмор – но как мальчик мог его узнать? Каким-то образом случайная встреча навела мальчика на мысль о том, что тут можно заработать, и после этого он исчез. Видимо, своими намерениями он поделился с сестрой, потому что она за него явно боялась. Пожалуй, наш приход не был для нее неожиданностью. Иначе с какой бы стати при ней было оружие? И потом эти ее слова: «Вы из „Дома шелка“»? Когда мы вернулись, Холмс изучил свои каталоги и разные энциклопедии, стоявшие на полках, но проникнуть в смысл ее слов ему не удалось. Друг с другом мы этот вопрос не обсуждали. Я был истощен и видел, что мой друг пребывает в состоянии глубокой задумчивости. Судя по всему, придется подождать до завтра. Посмотрим, что принесет новый день.

Новый день принес констебля полиции – он постучал в нашу дверь после завтрака.

– Инспектор Лестрейд передает вам свое почтение, сэр. Он у моста Саутворк и будет весьма благодарен, если вы составите ему компанию.

– А какова причина?

– Убийство, сэр. И довольно мерзкое.

Мы надели верхнюю одежду и тут же отправились в кебе до моста Саутворк; он покоился на трех чугунных арках и тянулся через реку со стороны Чипсайда. На южном берегу нас ждал Лестрейд, он стоял с группой полицейских, которые столпились вокруг чего-то, издавдала напоминавшего кучу тряпья. Яркое светило солнце, но оно снова сопровождалось колючим холодом, а воды Темзы, монотонно разбивавшие свои бурые волны о берег, выглядели как никогда беспощадными. Прямо с дороги мы спустились по винтовой лестнице из серого металла и прошли по берегу, покрытому тиной и галькой. Был отлив – река словно отпрянула, обескураженная тем, что здесь произошло. Неподалеку в реку выступал причал, несколько пассажиров, притопывая и прихлопывая, выдыхая облачка морозного воздуха, ждали парохода. Они никак не вписывались в картину, что развернулась перед нами. Они олицетворяли жизнь. А перед нами предстала смерть.

– Вы его искали? – спросил Лестрейд. – Мальчика из гостиницы?

Холмс просто кивнул. Возможно, боялся, что его подведет голос.

Мальчик был избит до смерти – с особой жестокостью. Ребра, руки, ноги, каждый палец в отдельности – все сломано. Я смотрел на эти жуткие травмы и понимал: их наносили мето-

лично, по одной, и смерть Росса была долгой и мучительной. В довершение всего этого ужаса ему перерезали горло – с такой яростью, что голова почти отделилась от шеи. Я за свою жизнь насмотрелся на трупы, и вместе с Холмсом, и во времена моей военно-хирургической практики, но никогда не видел такой леденящей душу картины... Просто не укладывалось в голове, что кто-то может так обойтись с тринадцатилетним подростком.

– Грязная история, – сказал Лестрейд. – Что можете рассказать о нем, Холмс? Он работал на вас?

– Его звали Росс Диксон, – ответил Холмс. – Мне о нем известно очень мало, инспектор. Можете спросить о нем в Хэмуорте, в мужской школе «Чорли Гранж», хотя, боюсь, они мало что смогут добавить. Он был сиротой, у него есть сестра, которая до недавнего времени работала в «Мешке с гвоздями», это паб в Ламбете. Может быть, вы ее там еще найдете. А тело вы осмотрели?

– Да. В карманах пусто. Но есть нечто странное, что вам стоит увидеть, хотя, что это значит, одному богу известно. Одно могу сказать – внутри у меня все перевернулось.

Лестрейд кивнул – один из полицейских опустил на колено и взял маленькую сломанную руку убитого. Отодвинул рукав, и мы увидели белую ленту, завязанную вокруг мальчишеского запястья.

– Ткань новая, – сказал Лестрейд. – Видно, что шелк хорошего качества. Смотрите: на ленте нет следов крови или грязи Темзы. Из этого следует, что ее надели мальчику на руку уже после убийства как некий знак.

– «Дом шелка»! – воскликнул я.

– Что это?

– Вы об этом слышали, Лестрейд? – спросил Холмс. – Вам это о чем-то говорит?

– Нет. «Дом шелка»? Это фабрика? Никогда не слышал.

– А я слышал. – Холмс вперился в пространство, в глазах читались ужас и самобичевание. – Белая лента, Ватсон. Она мне уже попадалась. – Он повернулся к Лестрейду. – Спасибо, что вызвали меня и обо всем сообщили.

– Я надеялся, что вы прольете свет на эту историю. Ведь вполне возможно, что тут есть и ваша вина.

– Вина? – Холмс дернулся, будто его ужалила пчела.

– Я предупреждал вас, что эта ваша дружба с мальчишками добром не кончится. Вы его наняли, пустили по следу матерого преступника. Вполне возможно, у него возникли свои идеи, которые и привели его к такому концу. Результат налицо.

Не могу сказать, намеренно ли Лестрейд провоцировал Холмса, но его слова действовали – я видел, что творилось с Холмсом, когда мы возвращались на Бейкер-стрит. Он забился в угол двуколки и почти всю дорогу сидел молча, не желая встречаться со мной взглядом. Кожа на скулах натянулась, лицо еще больше удлинилось – можно было подумать, что его поразила какая-то страшная болезнь. Я не пытался вызвать его на разговор. Знал: мое утешение ему не требуется. Я просто наблюдал за ним и ждал, когда его гигантский интеллект осмыслит, какой трагический оборот приняло это дело.

– Возможно, Лестрейд прав, – сказал он наконец. – Я действительно пользовался моим подразделением секретной полиции с Бейкер-стрит, не особо заботясь о последствиях. Меня забавляло, что они выстраиваются передо мной в шеренгу, что я плачу им шиллинг-другой, но я никогда намеренно не подставлял их под удар, Ватсон. Вам это известно. Тем не менее меня обвиняют в дилетантстве, предлагают признать себя виноватым. На Виггинса, Росса и всех остальных мальчишек я не обращал никакого внимания, как не обращает на них внимания общество, которое вышвырнуло их на улицу, и мне никогда не приходило в голову, что весь этот ужас может быть следствием моих действий. Не перебивайте меня! Послал бы я мальчишку стоять одного в темноте возле гостиницы, будь это ваш или мой сын? И то, что произо-

шло, не могло не произойти. Мальчик увидел, как в гостиницу вошел убийца. Мы оба заметили, что это привело его в сильное возбуждение. Но он все равно решил, что сможет извлечь из этой ситуации какую-то выгоду. За что и заплатился так жестоко. А виноват в этом я.

И все-таки! И все-таки! Каким образом в эту головоломку вписывается «Дом шелка», как понимать шелковую ленту вокруг детского запястья? Суть дела именно в этом, а вина опять лежит на мне. Меня предупредили! И это чистая правда! Скажу честно, Ватсон, иногда я задаю себе вопрос: а не отказаться ли мне от этой профессии, не попытать ли счастья на каком-нибудь другом фронте? У меня еще не пропало желание написать несколько монографий. Мне всегда были интересны пчелы. Исходя из результатов этого расследования, я не имею права называться сыщиком. Убили ребенка! Вы видели, как с ним обошлись убийцы. Как мне теперь жить?

– Мой дорогой друг...

– Ни слова больше. Я должен вам что-то показать. Меня предупредили, я мог это предотвратить...

Мы приехали к себе. Холмс ринулся в дом, перепрыгивая через две ступеньки. Я последовал за ним куда медленнее: я ничего не сказал Холмсу, но моя рана болела гораздо сильнее, чем сразу после ее получения. Вскоре я добрался до гостиной; Холмс, схватив со стола какой-то конверт, держал его в руках. Одна из многих особенностей моего друга заключалась в том, что при всем крайнем беспорядке и даже хаосе, окружавшем его – кругом горы писем и документов, – он мог найти нужную бумагу в мгновение ока.

– Вот! – объявил он. – Сам конверт ни о чем не говорит. На нем написано мое имя, но адреса нет. Значит, его принесли прямо сюда. Тот, кто его принес, даже не пытался скрыть свой почерк, и я, безусловно, смогу его узнать. Обратите внимание на закорючку в букве «с», как в греческой сигме. Эту закорючку я запомню.

– А что внутри? – спросил я.

– Посмотрите сами, – ответил Холмс и протянул мне конверт.

Я открыл его и с нескрываемой дрожью извлек кусочек белой шелковой ленты.

– Но что это значит, Холмс? – спросил я.

– Я задал себе этот же вопрос, когда получил письмо. Теперь я понимаю: это было предупреждение.

– Когда оно было послано?

– Семь недель назад. Я вел тогда странное дело, к которому имел отношение ростовщик, господин Джабез Вилсон, его пригласили вступить...

– В Союз рыжих! – перебил его я, потому что хорошо помнил это дело и имел удовольствие следить за ним вплоть до полного раскрытия.

– Именно. Там была трехсторонняя проблема, если вообще была, и когда принесли этот конверт, мысли мои были далеко. Я раскрыл конверт и попытался вникнуть в суть содержания, но, будучи поглощен другим делом, отложил в сторону и сразу о нем забыл. Теперь, как видите, он изволил о себе напомнить.

– Но кто мог его послать? И зачем?

– Не представляю, но во имя убитого ребенка я обязательно это выясню. – Холмс протянул руку и выдернул у меня шелковую полоску. Обмотал ею свои худые пальцы и поднес к глазам – так изучают ядовитую змею. – Если кто-то решил бросить мне вызов, я его принимаю, – сказал он, стиснул пальцы с лентой в кулак и ударил воздух. – Увидите, Ватсон, они будут проклинать день, когда принесли мне конверт с этой лентой.

Глава 8

Ворон и два ключа

Салли на работу не вернулась – ни той ночью, ни на следующее утро. Удивляться было нечему: она напала на меня и, естественно, опасалась последствий. Кроме того, о смерти ее брата сообщили газеты, и, хотя его имя названо не было, она могла знать, что возле моста Саутворк нашли именно его, потому что в те дни все обо всем узнавали быстро, особенно в бедных районах города. Дурные вести распространялись, как дым от пожара, просачивались в каждое битком набитое обиталище, в каждый занюханный подвал, мягко и настойчиво въедались во все, к чему они прикасались. Хозяин «Мешка с гвоздями» о смерти Росса уже знал – к нему успел нагрянуть Лестрейд, и при нашем появлении он был недоволен еще больше, чем в первый наш приход.

– У меня из-за вас и так хлопот полон рот – вам мало? – спросил он. – Девчонка, конечно, не ахти, но пара рук лишней не бывает, и мне жаль, что она смылась. Да и для дела моего ничего хорошего, когда тут полиция шастает. Послал Бог на мою голову.

– Ваши хлопоты – не из-за нас, господин Хардкасл, – ответил Холмс. Он успел прочитать имя хозяина – Эфраим Хардкасл – на табличке над дверью. – Ваши хлопоты уже были здесь, мы просто пришли по их следу. Наверное, вы были последним, кто видел мальчика в живых. Он вам ничего не сказал перед уходом?

– С чего он будет со мной разговаривать? Или я с ним?

– Но вы сказали, будто у него что-то было на уме.

– Ничего про это не знаю.

– Его замучили до смерти, господин Хардкасл, сломали все кости по одной. Я поклялся найти убийцу и передать его в руки правосудия. Мне это не удастся, если вы откажетесь помочь.

Хозяин медленно кивнул, потом, после паузы, заговорил – уже более взвешенно.

– Хорошо. Парень заявился три дня назад, рассказал какую-то сказку, мол, поругался с соседями и теперь надо где-то ненадолго приткнуться, пока не разберется, что к чему. Салли спросила моего согласия – я разрешил. Почему нет? Двор вы видели. Мусора столько, что ой-ой-ой, – пусть парень разгребает. В первый день он поработал, это точно, ближе к вечеру куда-то убежал, а потом вернулся шибко собой довольный.

– А сестра знала, чем он занимался?

– Может, и знала, но мне ничего не сказала.

– Прошу вас, продолжайте.

– Добавить-то особо нечего, господин Холмс. Потом я его видел только один раз – за несколько минут до того, как появились вы. Он заскочил в паб – я как раз разгружал бочонки с пивом – и спросил, который час... Совсем парень был необразованный, церковные часы прямо через дорогу прекрасно время показывают.

– И потом он отправился на какую-то встречу?

– Видимо, так.

– Наверняка. Зачем еще ребенку, такому как Росс, знать время? Объяснение одно: ему было велено явиться в такое-то место в такой-то час. Вы сказали, что три дня он ночевал у сестры.

– Да, в ее комнате.

– Хотелось бы на нее взглянуть.

– Полиция там уже была. Они обыскали комнату и ничего не нашли.

– Я не полиция, – сказал Холмс и положил на стойку несколько шиллингов. – Компенсация за причиненные неудобства.

– Очень хорошо. Но на сей раз я ваших денег не возьму. Вы идете по следу чудовища, и будет вполне достаточно, если вы сдержите данное слово, найдете его и не позволите зверствовать впредь.

Он пустил нас внутрь, мы прошли по узкому коридору между пивной и кухней. Лестничный пролет шел вниз, к погребам, хозяин со свечой в руках завел нас в унылую комнатенку, что приткнулась под ними, – окон нет, пол из грубо сколоченных досок. Именно здесь Салли, уставшая после тяжелого и долгого дня, оставалась наедине с собой – укрыться тонким одеялом и поспать на брошенном прямо на пол матрасе. В центре этого подобия ложа лежали два предмета – нож и кукла, которую она наверняка добыла в какой-нибудь куче барахла. Глядя на сломанные конечности и белое пятно кукольного лица, я не мог не подумать о брате Салли, которого выбросили на свалку точно так же, между делом. В углу стояли стул и маленький стол со свечой. Едва ли полицейский обыск затянулся: кроме куклы и ножа, у Салли ничего не было, если не считать имени.

Холмс внимательно оглядел комнатку.

– Зачем тут нож? – спросил он.

– Для защиты, – предположил я.

– Для защиты у нее было другое оружие, она носила его с собой, как вам прекрасно известно. Тот нож остался при ней. А этот совсем тупой.

– Украден с кухни, – пробурчал Хардкасл.

– По-моему, нам кое-что расскажет свеча.

Речь шла о незажженной свече, что стояла на столе. Холмс взял ее, опустился на корточки и заковылял по половицам. Я не сразу понял, что он движется по следу, который оставили почти невидимые глазу капельки расплавленного воска. Он, разумеется, заметил их сразу. Они привели его в дальний от кровати угол.

– Она пришла сюда со свечой... Опять-таки зачем? Разве что... Ватсон, дайте нож.

Я выполнил просьбу, и Холмс ввел лезвие в трещину между двумя половицами. Одна из них двигалась свободно, с помощью ножа Холмс отжал ее, сунул руку внутрь и достал завязанный носовой платок.

– Господин Хардкасл, не считите за труд...

Хозяин поднес поближе зажженную свечу. Холмс развернул платок, и в свете мерцающего пламени нашим взорам предстали несколько монет: три фартинга, два флорина, крона, золотой соверен и пять шиллингов. Для двух сирот это было настоящее состояние, но кому из них принадлежали эти деньги?

– Это деньги Росса, – произнес Холмс, словно читая мои мысли. – Этот соверен дал ему я.

– Но, дорогой Холмс! Где доказательство, что это тот самый соверен?

Холмс поднес монету к свету:

– Дата та же самая. Посмотрите на рисунок. Святой Георгий скачет на лошади, а на ноге у него глубокая царапина. Я заметил ее, когда передавал монетку. Это часть гиней, которую Росс заработал в нерегулярных частях. Но откуда остальные?

– Остальные ему дал дядя, – пробурчал Хардкасл. – Когда он пришел проситься на ночлег, то заявил, что готов заплатить за комнату. Я только посмеялся, а он сказал, что деньги ему дал дядя. Я ему все равно не поверил, велел расчистить двор – вот ночлег и отработает. Знай я, что у него такие запасы, предложил бы ему комнату наверху, вполне приличную.

– Так, кое-что становится понятным. Складывается осмысленная картинка. Парень решил воспользоваться сведениями, которые получил, стоя у гостиницы госпожи Олдмор. Он идет куда-то, заявляет о себе и выдвигает требования. Его приглашают на встречу... в определенном месте, в определенное время. Эта встреча стала для него роковой. По крайней мере, он предпринял меры предосторожности, оставил все свое богатство у сестры. Она спрятала монеты под половицу. Сейчас она наверняка в полном отчаянии: мы с вами, Ватсон, ее спуг-

нули, и как ей теперь вернуть свое сокровище? Последний вопрос, господин Хардкасл, и мы вас оставим. Салли когда-нибудь говорила вам про «Дом шелка»?

– «Дом шелка»? Нет, господин Холмс. Никогда о нем не слышал. Что мне делать с монетами?

– Оставьте у себя на хранение. Девочка потеряла брата. Она потеряла все. Может быть, когда-нибудь она вернется к вам за помощью, и по меньшей мере вы сможете вернуть ей эти деньги.

Распрощавшись с хозяином «Мешка с гвоздями», мы пошли вдоль изгибавшейся Темзы в направлении Бермондси. Я поинтересовался у Холмса: он снова хочет наведаться в ту самую гостиницу?

– Не в гостиницу, Ватсон, – возразил Холмс, – но в те края. Надо найти источник богатства Росса. Скорее всего, тут и кроется причина его убийства.

– Но деньги ему дал дядя, – напомнил я. – И если его родители мертвы, кто поможет найти его родственников?

Холмс засмеялся:

– Ватсон, вы меня удивляете. Неужели вы не знакомы с языком, на котором говорит как минимум половина Лондона? Каждую неделю тысячи тружеников и сезонных рабочих навещают своих дядей – владельцев ломбардов. Именно там Росс и получил свой злосчастный доход. Вопрос в том, что он оставил в залог под эти флорины и шиллинги?

– И где он это оставил? – добавил я. – Только в этой части Лондона таких ломбардов сотни.

– Вы правы. С другой стороны, вспомните: Виггинс вел нашу загадочную жертву от ломбарда до самой гостиницы и сказал, что Росс и сам там частенько бывал. Там и надо искать его «дядю».

Ломбард – лоно утраченных иллюзий и несбывшихся грез! Каждый класс, каждая профессия, каждый социальный слой были представлены в этих плохо вымытых витринах: к стеклу, подобно бабочкам, были припилены самые разнообразные осколки человеческих жизней. Над входом в ломбард на проржавевших цепях висели три красных шара на синем фоне, они отказывались качаться на ветру, как бы подчеркивая неизбежность происходящего здесь: если владелец расстался со своей собственностью, назад ее уже не вернуть. Надпись под вывеской гласила: «Ссужаем деньги под залог: посуда, драгоценности, одежда, любая форма собственности», и даже клад Аладдина в подземелье едва ли мог сравниться с тем, что хранилось здесь. Гранатовые брошки, серебряные часы, китайские чашки и вазы, подставки для ручек, чайные ложки, книги – все это сражалось за место на полках с такими разрозненными предметами, как заводной солдатик и чучело сойки. Целая армия шахматных фигурок охраняла поле битвы, где на зеленом сукне были выложены кольца и браслеты. Какой работяга заложил стамеску и пилу, чтобы в выходной день порадовать себя пивом и колбасой? Какой девочке пришлось идти в церковь без своего воскресного платья, потому что ее родители хотели хоть что-то поставить на обеденный стол? В окне ломбарда можно было проследить, как человечество приходит в упадок. Но это же окно было пиршеством для глаз. Скорее всего, именно сюда наведывался Росс.

Я видел ломбарды в Вест-Энде и знал: обычно имеется боковая дверка, куда можно проникнуть незамеченным. Но здесь такой роскоши не было, жители Бридж-лейн особой изысканностью не отличались. Дверь была одна, она стояла открытой. Я прошел за Холмсом в окутанное полумраком помещение – там был всего один человек, он сидел, взгромоздившись на высокий табурет, и читал, держа книгу одной рукой, а другая лежала на стойке. Он медленно вращал пальцами, будто вертел на ладони какой-то невидимый предмет. Этому хрупкому узколицему человеку было с виду лет пятьдесят, на нем были застегнутая на все пуговицы рубашка,

сюртук и шарф. Все его манеры говорили о дотошности и аккуратности, и в голову мне пришло сравнение с часовщиком.

– Чем могу помочь, господа? – поинтересовался он, едва поднимая глаза от страницы. Но он, видимо, успел окинуть нас оценивающим взглядом, когда мы входили, потому что сказал в продолжение: – Полагаю, вы пришли по официальному делу. Вы из полиции? Если это так, то помочь вам не смогу. О моих клиентах я не знаю абсолютно ничего. Это мое правило – вопросов не задавать. Если вы хотите что-то у меня оставить, я предложу вам достойную цену. В противном случае – всего вам наилучшего.

– Меня зовут Шерлок Холмс.

– Сыщик? Я польщен. Что же привело вас сюда, господин Холмс? Может быть, сапфировое ожерелье в золоте? Симпатичная штучка. Я заплатил за него пять фунтов, но полиция его у меня забрала, так что ни о какой прибыли и речи нет. А я вполне мог бы его продать за десять, представься мне такая возможность. Но жизнь есть жизнь. Всех нас ждет крах – кого-то раньше, кого-то позже.

Я знал, что по крайней мере частично он лжет. Сколько бы ни стоило ожерелье госпожи Карстерс, он заплатил бы Россу максимум несколько пенсов. Возможно, те самые фартинги, которые мы нашли в тайнике.

– Ожерелье нас не интересует, – сказал Холмс. – Равно как и человек, который его сюда принес.

– Оно и правильно, потому что американец, который его сюда принес, отправился на тот свет – так мне сказала полиция.

– Нас интересует другой ваш клиент. Мальчик по имени Росс.

– Я слышал, что Росс тоже оставил эту юдоль слез. Согласитесь, жуткое невезение – потерять двух голубков сразу!

– Недавно вы заплатили Россу деньги.

– Кто вам это сказал?

– Вы это отрицаете?

– Не отрицаю, но и не подтверждаю. Просто говорю вам, что я занят и буду чрезвычайно благодарен, если вы оставите меня в покое.

– Как вас зовут?

– Рассел Джонсон.

– Замечательно, господин Джонсон. У меня к вам предложение. Я куплю у вас то, что принес вам Росс, и дам хорошую цену, но при одном условии – вы будете играть со мной в открытую. Мне о вас, господин Джонсон, известно очень многое, и если попытаетесь мне лгать, я это сразу увижу, вернусь с полицией и все равно заберу то, что мне нужно, а вы останетесь без прибыли.

Джонсон улыбнулся, но мне показалось, что в его взгляде сквозит раздражение.

– Обо мне, господин Холмс, вам не известно ровным счетом ничего.

– Вы полагаете? Пожалуйста: вы родом из богатой семьи, получили хорошее образование. Могли бы стать успешным пианистом, потому что таково было ваше желание. Но вас сгубила некая страсть, скорее всего к азартным играм, если точнее, к игре в кости. В этом году вы сидели в тюрьме за скупку краденого и причиняли хлопоты тюремным надзирателям. Вас продержали под замком почти три месяца, но в октябре отпустили, и сейчас торговля ваша идет бойко.

Впервые Джонсон отнесся с вниманием к словам Холмса.

– Кто вам все это рассказал?

– Мне не нужно ничего рассказывать, господин Джонсон. Все это до боли очевидно. Повторяю свой вопрос: что вам принес Росс?

Джонсон обдумал сказанное, потом неторопливо кивнул.

– Этот мальчик, Росс, пришел ко мне два месяца назад, – начал он. – В Лондон он только приехал, устроился в «Кингс-Кросс», а сюда его привели другие беспризорники. Я мало что о нем помню, но накормлен и одет он был лучше остальных, а с собой принес брегет, наверняка украденный. Потом он заходил еще несколько раз, но ничего достойного больше не приносил. – Он подошел к шкафчику, порылся в нем и достал карманные часы с цепочкой, в золотой оправе. – Вот этот брегет, мальчику я дал за него пять шиллингов, хотя стоит он не меньше десяти фунтов. Платите столько, сколько заплатил я, – и он ваш.

– А взамен?

– Расскажите, откуда вам так много обо мне известно. Я знаю, что вы сыщик, но никогда не поверю, что вам достаточно одной мимолетной встречи – и вы можете, щелкнув пальцами, рассказать всю мою подноготную.

– Но это же так просто... Если я вам все объясню, вы огорчитесь, что сильно продешевили.

– А если не объясните, я потеряю сон.

– Хорошо, господин Джонсон. Ваша манера говорить со всей очевидностью выдает в вас человека образованного. Когда мы вошли, я сразу обратил внимание, что вы читаете письма Флобера к Жорж Санд в оригинале. Приличное знание французского может получить ребенок только из богатой семьи. Вы также проводили долгие часы за фортепиано. Пальцы пианиста узнать несложно. Вы работаете здесь, а это значит, что в вашей жизни произошла какая-то катастрофа, которая привела к быстрой потере и богатства, и положения в обществе. Что с вами могло случиться? Выбор не так велик: алкоголь, наркотики, не исключен крах вашего дела. Но вы упомянули везение, а своих клиентов называли голубками, а так часто называют тех, кто только что приобщился к азартным играм, и именно эти ассоциации приходят в голову. Кстати, у вас есть одна привычка. Вы вертите ладонь, как будто собираетесь бросить на стол кости.

– А тюремное заключение?

– Вас постригли, что называется, бобриком – это тюремная стрижка. Но она была сделана месяца два назад – волосы уже успели отрасти, стало быть, выпустили вас в сентябре. Мой вывод подтверждается и цветом вашей кожи. Последний месяц выдался необычайно жарким и солнечным, и понятно, что вы провели его на свободе. На обеих ваших кистях есть следы от наручников, значит особым послушанием в тюрьме вы не отличались. Самое очевидное преступление для хозяина ломбарда – это скупка краденого. Что касается этого конкретного ломбарда, сразу видно, что вы довольно долго отсутствовали: книги в витрине выгорели от солнечного света, на полках лежит слой пыли. При этом я вижу, что многие предметы – среди них ваш брегет – не запылены, то есть появились у вас недавно, значит торговля в последнее время идет бойко.

Джонсон передал мне мой приз.

– Спасибо, господин Холмс, – сказал он. – Ваши выводы предельно точны. Я из родовой семьи в Суссексе и когда-то действительно мечтал о карьере пианиста. Однако она не состоялась, и я подался в сферу права, где вполне мог преуспеть, – но это ведь скука смертная! Потом как-то вечером приятель отвел меня во франко-германский клуб на Шарлотт-стрит. Едва ли он вам известен. Ничего французского либо германского в нем нет. Заправляет этим заведением еврей. Неприметная дверь с ограждающей решеткой, покрашенные окна, темная лестница ведет в залитые светом комнаты наверху... Как только я все это увидел, судьба моя была предрешена. Именно этих ярких впечатлений так не хватало в моей жизни. Я заплатил вступительный взнос в два с половиной шиллинга – и попал в мир карт, рулетки и, разумеется, игральные кости. Я обнаружил, что рабочий день стал для меня невыносимой обузой, и я ждал наступления вечера, чтобы предаться его соблазнам. Меня окружали чудесные новые друзья, все они были рады меня видеть, и все они до одного были подсадными, то есть владеец

заведения платил им за то, чтобы они соблазнили меня на игру. Иногда я выигрывал. Чаще проигрывал. В один вечер просадил пять фунтов, в другой десять. Что к этому добавить? Я стал халатно относиться к работе. Вскоре меня уволили. На остатки сбережений я купил эту халупу, полагая, что новое занятие, пусть низкое и презренное, займет меня без остатка. Где там! Я и сейчас хожу туда – из вечера в вечер. Не могу удержаться, и что меня ждет впереди, одному богу известно. Мне стыдно подумать, что могли бы сказать обо мне нынешнем мои родители. К счастью, до этого дня они не дожили. Жены или детей у меня нет. Одно меня утешает: никому в этом мире до меня нет дела. А стало быть, и стыдиться мне нечего.

Холмс заплатил ему оговоренную сумму, и мы вернулись на Бейкер-стрит. Но если я и думал, что на этот день нашим праведным трудам пришел конец, я сильно ошибался. В кебе Холмс занялся изучением брегета. Это были часы прекрасной работы, с крошечным репети-ром, белым эмалированным циферблатом в золотом футляре, производитель – женевская компания «Тушон». Других имен или надписей не было, но на оборотной стороне Холмс обнаружил гравюру: на скрещенных ключах сидела птица.

– Семейный герб? – предположил я.

– Ватсон, вы блистательны, – отозвался Холмс. – Мне кажется, вы попали в точку. Будем надеяться, моя энциклопедия позволит нам проникнуть в суть вопроса.

И правда, энциклопедия нам рассказала, что ворон и два ключа – это герб семьи Рейвеншо, одного из самых старинных родов в Британском королевстве, усадьба расположена в Глостершире, неподалеку от деревни Колн-Сент-Алвин. Лорд Рейвеншо, министр иностранных дел в нынешнем правительстве, недавно скончался в возрасте восьмидесяти двух лет. Его сын, почтенный Алек Рейвеншо, был единственным наследником, и теперь ему достались и титул, и родовое поместье. Холмс поверг меня в состояние легкого шока, заявив, что мы должны немедленно выехать из Лондона. Но я слишком хорошо знал его и, в частности, свойственную ему импульсивность. Понятно, что отговаривать его было бесполезно. А уж о том, чтобы отпустить его одного, не могло быть и речи. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: свои обязанности биографа я выполнял с тем же усердием, с каким он проводил очередное расследование. Возможно, именно поэтому мы так легко находили общий язык.

Я быстро собрал вещи для ночлега вне дома, и к заходу солнца мы уже оказались в симпатичной гостинице, где нас ждал ужин из бараньей ноги в мятном соусе и пинты вполне приличного кларета. О чем мы говорили за ужином – не помню. Кажется, Холмс спрашивал меня о моей врачебной практике, а я, если не путаю, рассказал ему об интересной работе Мечникова – о теории клетки. Холмс всегда проявлял острый интерес к медицине и другим наукам, но, как я уже где-то писал, старался не перегружать свой мозг сведениями, не имевшими, по его мнению, материальной ценности. Не дай вам бог завести с ним разговор о политике или философии. Десятилетний ребенок расскажет вам больше. О том вечере могу только сказать, что разговор как-то сам собой перешел на обсуждение дела, которое расследовал Холмс, и, хотя атмосфера была легкой и непринужденной – как обычно, когда мы коротали вечер вдвоем, – я понимал, что мой друг преследует определенную цель. На душе у него было беспокойно. Смерть Росса глубоко задела его и не позволяла расслабиться.

Еще перед завтраком Холмс послал свою карточку в Рейвеншо-холл с просьбой об аудиенции, и ответ не заставил себя ждать. У нового лорда Рейвеншо какие-то дела, не терпящие отлагательства, но он будет рад видеть нас в десять часов. Когда церковные часы начали отбивать десять, мы шли по подъездной дорожке к шикарному особняку эпохи королевы Елизаветы, выстроенному из котсуолдского камня и окруженному сверкавшими утренним морозцем лужайками. Наш друг, ворон с двумя ключами, явил себя в резном орнаменте из камня возле главных ворот, а также над притолокой входной двери. От гостиницы мы пришли пешком, совершив приятную и не слишком долгую прогулку. Уже на подходе мы заметили экипаж. Вдруг из особняка торопливой походкой вышел мужчина, сел в него и захлопнул за собой

дверцу. Кучер хлестнул лошадей, и через секунду экипаж, прогромыхав мимо нас, скрылся из виду. Но я успел узнать визитера.

– Холмс, – сказал я, – я ведь знаю этого человека?

– Разумеется, Ватсон. Это господин Тобиас Финч, верно? Старший партнер в картинной галерее «Карстерс и Финч» на Элбмарл-стрит. Занятное совпадение, вам не кажется?

– Да, это весьма странно.

– Пожалуй, обсуждая интересующий нас вопрос, следует проявить деликатность. Если лорд Рейвеншо считает необходимым распродавать семейное наследство...

– Возможно, он хочет что-то купить.

– Не исключено.

Мы позвонили. Нам открыл лакей и провел нас через вестибюль в гостиную, размер которой сделал бы честь любому барону. На стенах из деревянных панелей висели семейные портреты, а потолок уходил в такую высь, что посетитель боялся поднять голос – вдруг ответом ему будет эхо? Многостворчатые окна выходили в сад, где благоухали розы, а за ним простирался олений заповедник. Несколько стульев и диванов располагались вокруг массивного каменного камина – на его перекладине был вырезан все тот же ворон, – в пламени потрескивали зеленоватые поленья. Возле камина, согретья руки, стоял лорд Рейвеншо. Мое первое впечатление о нем было не самым благоприятным. Грива серебристых волос зачесана назад, в румянном лице что-то отталкивающее. Глаза заметно выступали из глазниц, и мне тут же пришло в голову, что у него не все в порядке со щитовидной железой. На нем были кожаные сапоги и жокейская куртка, из-под мышки торчала рукоять кнута. Мы еще не успели представиться, а он уже всем своим видом показал, что его ждут другие дела.

– Господин Шерлок Холмс, – сказал он. – Да-да, кажется, я о вас слышал. Вы детектив? Не представляю, каким образом наши интересы могут пересекаться.

– У меня есть некий предмет, лорд Рейвеншо, который, как я полагаю, принадлежит вам. Сесть нам не предложили. Холмс достал часы и передал их владельцу поместья.

Рейвеншо взял часы. Взвесил на руке, словно пытаюсь определить, действительно ли это его вещь. Постепенно выражение его лица изменилось – он вспомнил. Видимо, подумал, как эти часы попали к Холмсу. Лорд был, несомненно, рад, что его собственность нашлась. Он не произнес ни слова, но все чувства отразились на его лице так явно, что распознать их без особого труда сумел даже я.

– Что ж, я вам очень обязан, – произнес он наконец. – Я очень люблю эти часы. Мне подарила их сестра. Вот уж не рассчитывал, что увижу их снова.

– Мне хотелось бы знать, при каких обстоятельствах они пропали, лорд Рейвеншо.

– Это я помню точно, господин Холмс. Летом, в Лондоне. Я поехал в оперу.

– Месяц не вспомните?

– Июнь. Я вышел из экипажа, и в меня врезался уличный беспризорник. Лет двенадцати-тринадцати, не больше. Мне и в голову ничего не пришло, но во время антракта я решил взглянуть на часы – и только тогда понял, что меня ограбили.

– Часы очень красивые; понятно, что для вас они представляют большую ценность. Вы заявили о краже в полицию?

– Мне не очень ясен смысл ваших расспросов, господин Холмс. Откровенно говоря, меня вообще удивляет, что человек вашего положения самолично приезжает из Лондона, чтобы вернуть украденную вещь. Вы рассчитываете на вознаграждение?

– Отнюдь нет. Эти часы – улика в проводимом мною расследовании, и я надеялся, что вы сможете помочь.

– Боюсь, вынужден вас разочаровать. Больше мне ничего не известно. О краже я не заявлял, потому что воров и мошенников на улицах пруд пруди, полиция вряд ли сможет что-то сделать, а раз так, к чему тратить их время? Я очень благодарен вам, господин Холмс, за воз-

вращенные часы и буду счастлив оплатить вам ваше время и расходы на дорогу. Думаю, это все, и я с удовольствием пожелаю вам всего наилучшего.

– Последний вопрос, лорд Рейвеншо, – невозмутимо произнес Холмс. – Когда мы прибыли, из дома вышел человек. К сожалению, мы с ним разминулись. Верно ли, что это был мой старый друг господин Тобиас Финч?

– Друг?

Как и подозревал Холмс, лорд Рейвеншо не сильно обрадовался тому, что был замечен в обществе галериста.

– Знакомый.

– Коль скоро вы спросили – да, это был он. Я не люблю обсуждать семейные дела с посторонними, господин Холмс, но могу вам сказать: мой отец обладал жутким вкусом, и я намерен избавиться по крайней мере от части его коллекции. Я провел переговоры с несколькими галереями Лондона. Карстерс и Финч выглядят самыми благоразумными.

– Господин Финч никогда не упоминал о «Доме шелка»?

Холмс задал вопрос, и в воздухе повисла тишина, которую нарушал лишь треск поленьев в камине.

– Вы сказали, господин Холмс, что у вас остался только один вопрос. Это уже второй, и мне кажется, что я терплю ваши неуместные реплики достаточно долго. Мне позвать слугу или вы уйдете сами?

– Был счастлив с вами познакомиться, лорд Рейвеншо.

– Весьма признателен, что вы вернули мои часы, господин Холмс.

Я был рад выйти на воздух, потому что среди этого великолепия и богатства чувствовал себя как в ловушке. Мы пошли к воротам, и Холмс ухмыльнулся:

– Вот вам и еще одна загадка, Ватсон.

– Откуда у него такая враждебность, Холмс?

– Я говорю о краже часов. Если их украли в июне, Росс тут ни при чем: как мы знаем, он в то время находился в мужской школе «Чорли Гранж». Если верить Джонсону, в ломбард часы попали несколько недель назад, в октябре. Что же с ними было целых четыре месяца? Если их украл все-таки Росс, почему так долго держал у себя?

Уже у самых ворот мы увидели у себя над головами черную птицу – не ворона, а ворону. Я проследил за ее полетом и перевел взгляд в сторону усадьбы. Я увидел лорда Рейвеншо: он стоял у окна и наблюдал за нашим уходом. Руки он держал на бедрах, а его круглые выпученные глаза неотрывно следили за нами. Я могу ошибаться, потому что мы ушли от усадьбы на достаточное расстояние, но мне показалось, что его лицо пылало ненавистью.

Глава 9

Предупреждение

– Ничего не поделаешь, – сказал Холмс и с легким раздражением вздохнул. – Придется побеспокоить Майкрофта.

Впервые я встретился с Майкрофтом Холмсом, когда он обратился за помощью по просьбе своего соседа, переводчика с греческого, которого шантажировали какие-то два злодея. До тех пор я не имел ни малейшего понятия о том, что у Холмса есть брат на семь лет его старше. Как-то в моем сознании Шерлок Холмс не был связан никакими семейными узами. Может показаться странным, что человек, которого я вполне обоснованно считаю своим ближайшим другом и в чьем обществе я провел много сотен часов, никогда не рассказывал мне о своем детстве, о родителях, о месте, где он родился, вообще о чем-нибудь, имевшем отношение к его жизни до Бейкер-стрит. Разумеется, такова была его природа. Он никогда не отмечал свой день рождения, и эта дата мне стала известна только из некролога. Как-то он обмолвился, что его предки были поместными сквайрами, а один из его родственников был известным художником, но в общем он предпочитал делать вид, что никакой семьи у него не существовало и столь одаренный человек, как он, явился в наш бранный мир без постороннего вмешательства.

Когда я впервые услышал, что у Холмса есть брат, это как-то приблизило великого сыщика к роду человеческому – по крайней мере, до моей личной встречи с этим братом. Майкрофт во многих отношениях был не меньшим оригиналом, чем Холмс: холост, без родственных связей, живет в собственном маленьком мирке. Этот мирок преимущественно ограничивался клубом «Диоген» на Пэлл-Мэлл, там Майкрофта можно было найти ежедневно, с без четверти пять до восьми. Кажется, он и жил где-то неподалеку. «Диоген», как всем прекрасно известно, обслуживал самых нелюдимох и самых «неклубных» мужчин в Лондоне. Друг с другом никто не разговаривал. Можно сказать, разговоры там вообще не приветствовались, за исключением комнаты для посетителей, да и там течение беседы было очень вялым. Помню, как-то прочитал в газете, что местный привратник пожелал члену клуба доброго вечера – и был быстро уволен. Обеденная зала по теплу и живости атмосферы едва ли уступала монастырю траппистов, но еда, по крайней мере, была отменная – шеф-повар клуба был французом с именем. От еды Майкрофт получал явное удовольствие – одного взгляда на его дородную фигуру было достаточно, чтобы в этом убедиться. Так и вижу его втиснутым в кресло, слева на столике – бренди, справа – сигара. Встреча с ним всегда повергала меня в смущение, потому что я узнавал в нем, пусть мимолетно, некоторые черты моего друга: светло-серые глаза, тот же острый взгляд, как-то не вязавшийся с этой живой горой плоти. Тут Майкрофт поворачивал голову, и оказывалось, что перед тобой совершенно чужой человек, весь его облик словно предупреждал тебя: никакого панибратства. Иногда я задумывался: а какими мальчишками эти братья были в детстве? Дрались друг с другом, вместе читали, вместе пинали по двору мяч? Моя фантазия пасовала, потому что тот и другой выросли в таких взрослых, глядя на которых мысль о мальчишестве как-то не приходит в голову.

При первом упоминании Майкрофта Холмс сказал, что тот работает аудитором в нескольких государственных ведомствах. Но это оказалось правдой лишь наполовину: позже я узнал, что брат Холмса был фигурой куда более важной и влиятельной. Я, естественно, говорю о похищении из адмиралтейства чертежей засекреченной подводной лодки Брюса-Партингтона. Вернуть их поручили именно Майкрофту. Тогда Холмс мне и признался, что в правительственных кругах брат котируется очень высоко, он живое хранилище множества тайных фактов и, когда министерствам надо что-то узнать, за консультацией обращаются к нему. По мнению Холмса, избери брат карьеру сыщика, он был бы ему ровней и даже – как ни удивительно мне было слышать это признание – кое в чем бы Холмса переплюнул. Но Майкрофт

Холмс страдал одним серьезным недостатком. Нега и лень настолько пропитали все его существо, что раскрыть даже самое простое преступление было выше его сил – он нипочем не сумел бы вспылать к нему интересом. Кстати, он еще жив. Когда я слышал о нем в последний раз, ему даровали титул рыцаря и звание почетного ректора одного известного университета, но с той поры он уже ушел в отставку.

– Он в Лондоне? – спросил я.

– Он редко бывает за его пределами. Я дам ему знать, что мы навестим его в клубе.

По сравнению с другими клубами на Пэлл-Мэлл «Диоген» был размером поменьше и архитектурным обликом напоминал венецианский дворец в готическом стиле – арочные окна с изысканным рисунком, маленькие балюстрады. Как следствие, изнутри дом выглядел довольно мрачно. Парадная дверь вела в атриум, который тянулся вверх по всей длине здания и венчался где-то в вышине куполообразным окном, но архитектор загромоздил это сооружение чрезмерным количеством галерей, колонн и лестниц, в результате лишь немного света пробивалось внутрь. Посетителей допускали только на первый этаж. По правилам клуба два дня в неделю они имели возможность в сопровождении члена клуба подняться в ресторанный зал этажом выше, но за семьдесят лет существования клуба такого не случилось ни разу. Майкрофт принял нас, как обычно, в комнате для посетителей – дубовые полки проседали под тяжестью мудрых томов, отовсюду на тебя смотрели мраморные бюсты, а через эркер открывался вид на Пэлл-Мэлл. Над камином висел портрет королевы, выполненный, как было известно, членом клуба. Королеву оскорбило, что, кроме нее, художник поместил на полотне бродячую собаку и картофелину, хотя лично мне символика обоих этих предметов всегда была непонятна.

– Дорогой Шерлок! – воскликнул Майкрофт, войдя в комнату своей утиной походкой. – Как дела? Вижу, похудел. Рад, что ты снова в своей обычной форме.

– А ты поправился после гриппа.

– Пустячное недомогание. Мне очень понравилась твоя монография о татуировках. Видимо, писал поздними вечерами. Бессонница не мучает?

– Лето было чересчур теплым. Ты не говорил мне, что приобрел попугая.

– Позаимствовал. Доктор Ватсон, рад вас видеть. Вы с женой не виделись уже неделю, но надеюсь, что у нее все хорошо... Ты только что вернулся из Глостершира.

– А ты из Франции.

– Миссис Хадсон была в отъезде?

– На прошлой неделе вернулась. У тебя новая повариха.

– Превжняя ушла.

– Из-за попугая.

– Она из тех, кому ничем не угодишь.

Этот обмен происходил с такой быстротой, что я чувствовал себя зрителем на теннисном матче, когда дергаешь головой то в одну, то в другую сторону. Майкрофт приглашающим жестом указал на диван, а собственную тушу разместил на кушетке.

– Я очень огорчился, когда узнал о смерти того мальчика, Росса, – сказал он, неожиданно посерьезнев. – Я ведь тебя отговаривал пользоваться услугами этих бродяжек, Шерлок. Надеюсь, он пострадал не из-за тебя.

– Говорить с определенностью пока рано. Ты читал, что пишут газеты?

– Разумеется. Расследование поручено Лестрейду. Он неплохой человек. Но что это за история с белой лентой? Она меня чрезвычайно беспокоит. Поскольку мальчика убивали долго и жестоко, мне кажется, что лента – это предупреждение. Основной вопрос, на который ты ищешь ответ: это предупреждение общего характера или оно предназначено лично тебе?

– Семь недель назад мне прислали кусочек белой ленты.

Холмс принес конверт с собой. Сейчас он достал его и передал брату, и тот внимательно его оглядел.

– Конверт мало о чем говорит, – заключил Майкрофт. – В твой почтовый ящик его положили поспешно: видишь, край поцарапан. Твое имя написано правой, человеком образованным. – Он достал из конверта ленту. – Шелк индийский. Это ты и без меня понял. Он был под воздействием солнечного света – ткань немного ослабла. Длина ровно девять дюймов, это уже интересно. Ленту купили у шляпника, а потом разрезали на две части равной длины – один конец отрезан профессионально, острыми ножницами, а другой на скорую руку, ножом. Больше, пожалуй, мне добавить нечего, Шерлок.

– Я большего и не ждал, братец Майкрофт. Но не скажешь ли ты, что сия лента означает? Доводилось ли тебе слышать об организации, которая называется «Дом шелка»?

Майкрофт покачал головой:

– Никогда не слышал. Звучит как название магазина. Погоди-ка, мне кажется, в Эдинбурге был торговец мужской галантереей с такой фамилией. Может, ленту купили именно там?

– В данных обстоятельствах это маловероятно. Впервые эти слова мы услышали от девочки, которая, скорее всего, всю жизнь прожила в Лондоне. Они наполнили ее таким страхом, что она ударила доктора Ватсона, ранила ножом в грудь.

– Боже правый!

– Я также упомянул это название в разговоре с лордом Рейвеншо...

– Сын бывшего министра иностранных дел?

– Он самый. Он явно встрепнулся, хотя не хотел этого показать.

– Что ж, Шерлок, я наведу для тебя кое-какие справки. Сможешь заглянуть в это же время завтра? А я тем временем ухвачусь за этот след. – Он сгреб белую ленту пухлой рукой.

Но ждать целые сутки нам не пришлось – Майкрофт провел расследование быстрее. На следующее утро часов около десяти мы услышали перестук подъезжающих колес, и Холмс, стоявший у окна, выглянул наружу.

– Это Майкрофт! – вскричал он.

Я подошел к нему и увидел, как брату Холмса помогают выйти из ландо. Было ясно, что это невероятное событие, потому что Майкрофт никогда не навещал нас на Бейкер-стрит, ни раньше, ни потом. Холмс погрузился в молчание, лицо его заметно помрачнело, из чего я заключил: наши дела приняли поистине зловещий оборот – что еще могло стать причиной такого уникального визита? Пришлось подождать, пока Майкрофт поднимется к нам в комнату. Ступени перед входом были узкими и крутыми, вдвойне неудобными для человека его пропорций. Наконец он появился в дверном проеме, быстро огляделся и сел в ближайшее кресло.

– Здесь ты и живешь? – спросил он. Холмс кивнул. – Именно так я себе это и представлял. Даже расположение камина: ты сидишь справа, а твой друг, разумеется, слева. Как странно мы обстаем привычками и как часто нами руководит окружающее пространство.

– Выпьешь чая?

– Нет, Шерлок. Долго я не пробуду. – Майкрофт достал конверт и протянул его брату. – Этот конверт твой. Я тебе его возвращаю с советом, который ты, как я очень надеюсь, примешь к сведению.

– Прошу тебя, продолжай.

– У меня нет ответа на твой вопрос. Я понятия не имею, что такое «Дом шелка» или как его найти. Говорю тебе со всей искренностью: я предпочел бы, чтобы он находился где-нибудь далеко, тогда, возможно, у тебя было бы больше оснований принять то, что я сейчас скажу. Ты должен немедленно прекратить свое расследование. Никаких дальнейших расспросов. Забудь о «Доме шелка», Шерлок. Никогда больше не произноси этих слов.

– Ты же знаешь, что это невозможно.

– Я знаю, что ты за человек. Именно поэтому я проехал через весь Лондон поговорить с тобой лично. Я понимаю, что мое предупреждение может тебя только раззадорить и превра-

тить твои поиски в личный крестовый поход, но надеюсь, что мой приезд сюда подчеркивает серьезность того, о чем я говорю. Я мог бы подождать до вечера, а уж потом сообщить тебе, что мои расспросы ни к чему не привели, и ты стал бы искать дальше. Но я не могу так поступить, потому что знаю: ты подвергаешь себя серьезнейшей опасности, себя и доктора Ватсона. Я объясню тебе, что произошло после нашей встречи в «Диогене». Я поговорил с двумя знакомыми чиновниками из министерств. Сам я в то время полагал, что «Дом шелка» – это некая преступная группа, и надеялся услышать, что в полиции или в разведке следят за ее деятельностью. Однако мои собеседники были бессильны мне помочь. По крайней мере, так они мне сказали.

Но следующий день преподнес мне весьма неприятный сюрприз. Когда сегодня утром я вышел из дому, меня ждал экипаж – отвезти в Уайтхолл. Там я встретился с человеком, чье имя назвать не могу, но оно тебе хорошо известно – он работает под непосредственным началом премьер-министра. Могу добавить, что этого человека я хорошо знаю и никогда не подвергал сомнению мудрость его суждений. Он встретил меня безо всякой радости и сразу же перешел к делу: почему я наводил справки о «Доме шелка», зачем мне это нужно. Признаюсь, Шерлок, его отношение было откровенно враждебным, и прежде чем ответить, я хорошенько подумал. Я сразу же решил, что тебя называть не буду, – в противном случае вместо меня к тебе сейчас приехал бы кто-то другой. Впрочем, возможно, это ничего не меняет, потому что наши родственные связи всем известны и ты уже можешь быть под подозрением. Так или иначе, я сказал, что один из моих осведомителей упомянул «Дом шелка» в связи с убийством в Бермондси и мне сделалось любопытно. Он спросил имя осведомителя, я назвал вымышленное и попытался создать впечатление, что дело пустяковое, а мои расспросы носили дежурный характер.

Он немного успокоился, но и дальше говорил осторожно, тщательно подбирая слова. Он сказал мне, что «Дом шелка» действительно является объектом полицейского расследования, именно по этой причине о моих расспросах ему было тотчас доложено. Дело находится в весьма деликатной стадии, и любое вмешательство извне может причинить непоправимый ущерб. Боюсь, тут нет ни одного слова правды, но я сделал вид, будто со всем согласен, и выразил сожаление, что мои случайные расспросы вызвали такой переполох. Мы еще несколько минут поговорили, обменялись любезностями, я снова попросил прощения за то, что отнял у этого господина столько времени, и откланялся. Но, Шерлок, дело в том, что политики столь высокого уровня умеют сказать много, не говоря почти ничего, и этому конкретному господину удалось сказать мне то, что я сейчас пытаюсь передать тебе. Оставь это дело! Смерть беспризорника при всей ее трагичности совершенно несущественна, если взглянуть на нее в более широком контексте. Чем бы ни был этот «Дом шелка», правительству о нем известно, оно этим вопросом занимается и придает ему большое значение, и ты даже не представляешь, какой ущерб можешь причинить своими действиями, источником какого скандала можешь стать, если не отступишься. Ты меня понимаешь?

– Более внятно и не скажешь.

– Ты примешь во внимание мои слова?

Холмс потянулся за сигаретой. Минуту подержал в руках, как бы размышляя, зажигать ее или нет.

– Обещать не могу, – сказал он. – Я считаю себя ответственным за смерть ребенка и ради его памяти должен сделать все, чтобы отдать убийцу – или убийц – в руки правосудия. Я лишь попросил его понаблюдать за постояльцем гостиницы. Но если мальчик волею обстоятельств оказался втянут в некий более серьезный заговор, тогда, боюсь, я просто обязан продолжать расследование.

– Я ожидал, Шерлок, услышать нечто подобное, и, видимо, эти слова делают тебе честь. Но вот что хочу добавить. – Майкрофт поднялся. Ему явно хотелось поскорее уйти. – Если ты

сейчас отнесешься к моему совету с пренебрежением, продолжишь расследование и попадешь в итоге в беду – что вполне возможно, – ко мне можешь не обращаться, потому что я не смогу быть тебе полезным. Уже то, что я в открытую задавал вопросы по твоей просьбе, связывает мне руки. Еще раз прошу тебя – подумай хорошенько. Это не просто какая-то мелкая задачка для полицейского суда. Потревожишь не тех людей – и твоей карьере конец. А то и хуже.

Все слова были сказаны. Оба брата это поняли. Майкрофт чуть поклонился и вышел. Холмс наклонился над газогеном и зажег сигарету.

– Ну, Ватсон, – обратился он ко мне, – что скажете?

– Очень надеюсь, что слова Майкрофта вы примете к сведению, – отважился я.

– Уже принял.

– Этого я и боялся.

Холмс засмеялся:

– Вы же хорошо меня знаете, друг мой. Я сейчас должен вас оставить. Мне надо действовать стремительно, если хочу поспеть к вечернему выпуску.

Он решительно вышел из дому, оставив меня наедине с моими сомнениями. К обеду он вернулся, но есть не стал – верный признак того, что поиски вывели его на какой-то след. Сколько раз я видел его в таком состоянии. Он напоминал мне гончую, которая чует добычу и преследует ее. Как животное способно сосредоточить все свое существо на одной цели, так и Холмс целиком погружался в водоворот событий, и даже основные человеческие потребности – пища, вода, сон – отходили на второй план. Вечером принесли газету, и стало ясно, куда и зачем отлучался Холмс. Он поместил объявление в колонке «Разное»:

НАГРАДА 20 ФУНТОВ за сведения о «Доме шелка». Полная конфиденциальность гарантирована. Обращаться на Бейкер-стрит, 221-б.

– Холмс! – воскликнул я. – Вы сделали в точности то, от чего вас предостерегал брат. Если вы намерены продолжать расследование – а ваше желание именно таково, – по крайней мере, нужно было действовать осторожно.

– Осторожность нам не союзник, Ватсон. Пора перехватывать инициативу. Майкрофт живет в мире людей, которые шепчутся в полутемных комнатах. Посмотрим, каков будет ответ на легкую провокацию.

– Вы рассчитываете получить ответ?

– Поживем – увидим. По крайней мере, мы пришили к этому делу свою визитную карточку, и тут нет никакого вреда, даже если результат будет нулевым.

Именно так сказал Холмс. Но он тогда не имел представления о том, с какими людьми связался и на что они готовы пойти ради защиты своих интересов. Он шагнул в мир злодейства, от которого шел жуткий смрад, – и вред, худший из возможных, не заставил себя долго ждать.

Глава 10

Блюгейт-Филдс

– Ага, Ватсон! Похоже, кто-то клюнул на живца, которого мы бросили наугад!

Так сказал Холмс через несколько дней, стоя утром в халате у нашего эркера, глубоко засунув руки в карманы. Я тут же подошел к другу и взглянул на Бейкер-стрит, по обеим сторонам которой сновали люди.

– Вы кого имеете в виду? – спросил я.

– А сами не видите?

– Вижу, что улица кишмя кишит людьми.

– Верно. Но в холодную погоду мало кому охота прохлаждаться. А я вижу одного человека, который именно прохлаждается. Вот! Он смотрит в нашу сторону.

Человек был закутан в пальто и шарф, носил широкополую шляпу, а руки держал под мышками – больше оттолкнуться было не от чего, и, кроме того, что это мужчина, который застыл на месте и не знает, что делать дальше, я ничего не мог о нем сказать с какой-то степенью достоверности.

– Вы считаете, что он пришел к нам по объявлению? – спросил я.

– Мимо нашей двери он прошел второй раз, – отозвался Холмс. – Первый раз, пятнадцать минут назад, он шел со стороны Столичной железной дороги. Потом вернулся и с тех пор стоит как вкопанный. Хочет удостовериться, что за ним не следят. Ну наконец-то, решился!

Мы смотрели на него, чуть отойдя вглубь комнаты, чтобы не попасть в его поле зрения, и увидели, как он переходит дорогу.

– Через минуту будет здесь, – заключил Холмс и уселся в свое кресло.

Действительно, дверь вскоре открылась, и миссис Хадсон ввела нового посетителя. Тот стащил с себя шляпу, шарф и пальто, и нашим взорам предстал странного вида молодой человек, лицо и телосложение которого несли в себе столько противоречий, что даже Холмс вряд ли сумел бы дать ему внятную характеристику. Было видно, что он молод – не больше тридцати, – фигурой напоминал профессионального боксера, при этом успел облысеть, цвет лица был землистый, губы потрескались, в итоге он выглядел намного старше. Одежда дорогая и модная, но какая-то несвежая. Он явно нервничал, при этом смотрел на нас набычившись и даже агрессивно, видимо стараясь придать себе уверенности. Я стоял и ждал, когда он заговорит и мы сможем понять, кто к нам пришел: аристократ или головорез самого низкого пошиба.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил Холмс, выказывая максимум благорасположения. – Вы какое-то время простояли на улице – надеюсь, не простудились. Горячего чая?

– Лучше глоток рома, – последовал ответ.

– Ром не держим. Могу предложить бренди.

Холмс кивнул мне, я налил в бокал хорошую порцию бренди и протянул гостю. Тот выпил жидкость залпом. На щеках его появился легкий румянец, и он сел.

– Спасибо, – поблагодарил наш гость. Голос звучал грубовато, но выдавал человека образованного. – Я пришел за вознаграждением, хотя не должен был сюда идти. Если те, с кем я вынужден иметь дело, узнают о моем визите к вам, мне живо перережут глотку, но мне позарез нужны деньги, вот и вся история. Двадцать фунтов помогут мне на время отогнать демонов, а ради этого уже стоит рискнуть. Деньги у вас с собой?

– Вы получите их, когда мы получим интересующие нас сведения, – ответил Холмс. – Я Шерлок Холмс. А вы?

– Называйте меня Гендерсон, это не подлинное мое имя, но оно ничем не хуже другого. Понимаете, господин Холмс, я должен соблюдать осторожность. Вы поместили объявление, желая получить сведения о «Доме шелка», и с тех пор ваш собственный дом наверняка под

наблюдением. Кто пришел, кто ушел – всех записывают. Вполне возможно, в один прекрасный день к вам придут и попросят список всех ваших посетителей. Прежде чем переступить порог вашего дома, я замаскировался до неузнаваемости. И личность свою я тоже должен держать в секрете.

– Тем не менее вам придется кое-что о себе рассказать, иначе денег не получите. Вы учитель?

– С чего вы взяли?

– У вас манжета вымазана мелом, а на среднем пальце пятно от красных чернил.

Гендерсон – будем называть его так – едва заметно улыбнулся, показав частокол пожелтевших зубов.

– Извините, что вынужден вас поправлять, но, вообще-то, я чиновник портовой таможни, мелом приходится помечать ящики или мешки перед разгрузкой, а красными чернилами делать записи в книге учета. Раньше я работал на таможне в Чатеме, но два года назад переехал в Лондон. Думал, переезд на новое место пойдет моей карьере на пользу, но куда там, едва свожу концы с концами. Что еще рассказать вам о себе? Родом я из Гемпшира, родители и по сей день там живут. Женат, хотя жену давно не видел. Я жалкая и презренная личность, иногда мне хочется обвинить в своих бедах весь свет, но в глубине души я знаю: во всем виноват я сам. Хуже того – пути назад нет. За двадцать фунтов я готов продать собственную матушку, господин Холмс. Если что, не остановлюсь ни перед чем.

– Какова же причина ваших невзгод, господин Гендерсон?

– Налъете еще бренди?

Я исполнил его просьбу, на сей раз он внимательно оглядел содержимое бокала.

– Опиум, – ответил он и опрокинул жидкость в себя. – Вот и вся моя тайна. Я пристрастился к опиуму. Сначала он мне просто нравился, а теперь я не могу без него жить. Вот вам моя история.

Жену я на время оставил в Чатеме, пока не обустроюсь, и снял жилье в Шадуэлле, поближе к моей новой работе. Вы знаете, что это за квартал? Естественно, там полно моряков, докеров, китайцев, индийцев и чернокожих. От пестроты так и рябит в глазах, а соблазнов куча, тут тебе и пабы, и танцевальные салуны – все условия, чтобы вытрясти у дурака его денежки. Мне было одиноко, я скучал по семье. Что тут скажешь? Глупый был, не устоял перед соблазном. Теперь какая разница? Год назад я заплатил мои первые четыре пенсы за катышек коричневого воска из аптечной банки. Цена показалась мне сущим пустяком. Что я тогда понимал? А удовольствие получил такое, какого в жизни не испытывал. Будто до этого вообще не жил на свете. Разумеется, я пришел туда снова. Первый раз вернулся через месяц, потом через неделю, потом вдруг обнаружил, что хожу туда каждый день и вообще хочу быть там ежечасно! Я больше не мог думать о работе. Начал там ошибаться, а когда меня критиковали, приходил в бессмысленную ярость. Настоящие друзья меня оставили. А друзья ложные склоняли к тому, чтобы я курил больше и больше. Скоро мои работодатели поняли, в каком состоянии я нахожусь, и пригрозили уволить, но мне уже было все равно. Я жажду опиума каждую минуту, когда не сплю, – даже сейчас. Последний раз я имел возможность покурить три дня назад. Дайте мне вознаграждение, и я снова смогу погрузиться в туман забвения.

Меня ужаснула эта исповедь, захлестнуло чувство жалости, но я видел: к моему сочувствию этот человек относится с презрением и даже отчасти гордится, что стал именно таким. Гендерсон, несомненно, был болен. Болезнь медленно подтачивала его изнутри, неся необратимые разрушения.

Вид у Холмса тоже был мрачный.

– Место, куда вы ходите за вашим наркотиком, это и есть «Дом шелка»? – спросил он.

Гендерсон рассмеялся.

– Неужели вы думаете, что я так боялся бы или принимал столько мер предосторожности, будь «Дом шелка» обычной курильней опиума? – воскликнул он. – Да вы знаете, сколько таких курилен в Шадуэлле и Лаймхаусе? Говорят, десять лет назад их было еще больше. Но и сейчас встань на развилку – наткнешься на курильню, в какую сторону ни пойдешь. Тут тебе и «У Мотта», и «У матушки Абдуллы», и «Местечко Крира», и «У Яхи». Я слышал, что купить это зелье можно и в ночных заведениях на Хеймаркет и Лестер-сквер – было бы желание.

– Так что же тогда «Дом шелка»?

– Давайте деньги!

Чуть поколебавшись, Холмс передал гостю четыре пятифунтовых банкноты. Гендерсон выхватил их из рук Холмса и бережно погладил. В глазах мелькнул тусклый огонек – это пробуждался неподвластный ему зверь, жившая в нем губительная страсть.

– Как думаете, откуда берется весь этот опиум, который продают в Лондоне, Ливерпуле, Портсмуте, других городах Англии, да, если на то пошло, и Шотландии, и Ирландии? Куда идут Крир или Яхи, когда их запасы подходят к концу? Где центр этой паутины, которая опутала всю страну? Вот и ответ на ваш вопрос, господин Холмс. Они идут в «Дом шелка»!

«Дом шелка» – это организованная преступная группа, она работает с размахом, и я слышал – правда, это только слухи, – что у нее есть покровители на самом верху, что в ее щупальца попали и министры, и полицейские чины. Речь, если угодно, идет о крупном бизнесе, на многие тысячи фунтов в год. Импорт – экспорт! Опиум поступает с Востока. Его привозят на центральный склад, а уже оттуда распределяют – естественно, по более высокой цене.

– Где он находится?

– В Лондоне. Точного места не знаю.

– Кто ведет бизнес?

– Не могу сказать. Понятия не имею.

– Ну, господин Гендерсон, тогда вы нам мало чем помогли. Где у нас гарантия, что вы вообще говорите правду?

– Я могу это доказать. – Он как-то неприятно закашлялся, и я вспомнил, что потрескавшиеся губы и пересохший рот – это симптомы закоренелого курильщика опиума. – В «Местечке Крира» я давний клиент. Раньше там заправляли китайцы со своими гобеленами и веерами, восточная публика там и сейчас бывает, лежат, скрючившись, на полу. Но за главного там теперь англичанин, ничем не хуже нас с вами, настолько порочный и немилосердный, что не дай бог с таким встретиться. Глаза чернющие, а голова – будто череп мертвеца. Будьте покойны, он вам улыбнется и назовет своим другом, когда принесете ему четыре пенса, но, если о чем-то его попросить или как-то перебежать дорогу, – он, недолго думая, натравит на вас бандитов, а уж те вас отдубасят как следует, да еще и в канаву выкинут. При этом мы с ним более или менее ладим. Почему – не спрашивайте. У него есть кабинет за главной комнатой, иногда он меня туда приглашает покурить – не опиум, табак. Ему интересны мои рассказы о жизни в доках. У него я и услышал в первый раз про «Дом шелка». Товар ему приносят мальчишки, они же ищут для него новых клиентов на лесопилках или шахтах...

– Мальчишки? – перебил я. – А вы кого-то из них встречали? Росс вам не попадался?

– У них нет никаких имен, и зачем мне с ними разговаривать? Лучше послушайте, что я расскажу! Я был там несколько недель назад, и прибежал один паренек, видно, опоздал к сроку. Крир весь вечер пил, и настроение у него было ни к черту. Он схватил мальчишку за шиворот, стукнул его как следует, так что тот грохнулся оземь.

«Где был?» – спросил Крир.

«В „Доме шелка“,» – ответил тот.

«И что принес?»

Мальчик передал ему пакет и бочком выскользнул из комнаты.

«Что такое „Дом шелка“?» – спросил я.

Тогда Крир и рассказал мне то, что я сейчас поведал вам. Он распустил язык исключительно благодаря виски, а когда закончил, понял, что наболтал лишнего, – тут-то и показал свое нутро. Открыл шкафчик рядом со своим столом, и не успел я и глазом моргнуть, как он навел на меня револьвер.

«Зачем тебе это знать? – закричал он. – Зачем ты спрашиваешь?»

«Да ни за чем, – заверил его я, вздрогнув и напугавшись одновременно. – Просто разговор поддержать, не более того».

«Разговор поддержать? Нечего тут поддерживать, друг мой. Кому-нибудь вякнешь хоть слово из того, что я тебе наговорил, – и выловят твои останки в Темзе. Понял? Я сам тебя убью, а не я, так они. – Потом он, видимо, передумал. Опустил револьвер, а когда заговорил снова, голос его звучал мягче. – Сегодня можешь выкурить свою трубку бесплатно, – сказал он. – Ты хороший клиент. Мы друг друга хорошо знаем. Я должен о тебе заботиться. Так что забудь все, что я тут говорил, и никогда об этом не вспоминай. Ясно?»

На том дело и кончилось. Я в самом деле об этой истории почти забыл, а когда прочитал ваше объявление, все в памяти и всплыло. Если он узнает, что я пришел к вам, свое слово сдержит – даже не сомневаюсь. Но раз вы ищете «Дом шелка», начинайте с его кабинета, потому что Крир может привести вас к цели.

– Где его найти?

– В Блюгейт-Филдс. Сам дом находится на углу Милуорд-стрит, невысокий такой, изрядно подкоптившийся домишко, над дверью – красный фонарь.

– Вы там сегодня будете?

– Я там бываю каждый вечер, а теперь, спасибо вашему благоденствию, денег мне хватит надолго.

– А этот человек, Крир, из своего кабинета выходит?

– Частенько. Народу в курильне битком, да и дым коромыслом. Он выходит подышать свежим воздухом.

– Тогда не исключено, что вечером увидимся. Если все пройдет хорошо и я найду что ищу, ваше вознаграждение вырастет вдвое.

– Только не говорите, что знаете меня. Никак на меня не реагируйте. А если что-то пойдет наперекосяк, на мою помощь не рассчитывайте.

– Понимаю.

– Тогда удачи вам, господин Холмс, и успеха – это я не о вас радею, а о себе.

Когда Гендерсон ушел, Холмс повернулся ко мне – глаза его искрились.

– Курильня опиума! Ведет дела с «Домом шелка»! Что скажете, Ватсон?

– Что это мне категорически не нравится, Холмс. Мой совет – нечего вам там делать.

– Бросьте! Уж о себе я как-нибудь позаботиться сумею. – Холмс подошел к своему столу, открыл ящик и вытащил револьвер. – Возьму с собой оружие.

– Тогда я еду с вами.

– Дорогой Ватсон, я никак не могу вам этого позволить. Я очень ценю вашу готовность помочь, но посмотрим правде в глаза: Восточный Лондон, четверг вечером, курильня опиума – и тут заявляемся мы с вами! Сойти за местных клиентов нам никак не удастся.

– Тем не менее, Холмс, я настаиваю. Если хотите, внутрь заходить не буду. Найду место где-то поблизости. А если потребуется помощь, один выстрел – и я тут же буду рядом. Ведь у Криа наверняка своих головорезов хватает. Да и можно ли доверять Гендерсону? Где гарантия, что он вас не выдаст?

– Тут вы правы. Хорошо. Где ваш револьвер?

– При себе нет.

– Ничего, у меня есть запасной. – Холмс улыбнулся, он явно был в предвкушении удовольствия. – Нанесем визит в «Местечко Крира» и своими глазами посмотрим, что там творится.

Вечер снова выдался туманный, причем такого густого тумана в этом месяце еще не было. Я бы попытался отговорить Холмса ехать в Блюгейт-Филдс в такую погоду, имея я хоть малейшие шансы на успех, но по его бледному, с орлиным профилем лицу видел: он утвердил для себя план действий и теперь его ничто не остановит. Я знал – хотя Холмс не говорил об этом вслух, – что его сподвигла на это смерть ребенка, Росса. И пока он считает себя виновным в этой смерти хотя бы частично, он не успокоится, а все мысли о собственной безопасности будут без особых трудов отброшены.

Но вот экипаж привез нас в район Лаймхаус-Бейсин, мы вышли в аллею – и мне стало не по себе. Улицы были окутаны вязким и желтым туманом, приглушавшим все звуки. От него веяло жутью, он, словно хищный зверь, рыскал по темноте в поисках жертвы – а мы погружались в него, сами шли к нему в пасть. Мы прошли по аллее, зажатой между стенами из красного кирпича – они истекали влагой и поднимались так высоко, что без слабого отсвета луны было бы не видно неба. Поначалу мы не слышали ничего, кроме звука собственных шагов, но постепенно проход расширился, и с разных сторон эхо стало приносить ржание лошади, мягкий рокот парового двигателя, журчание воды, вопль напуганного ребенка – все эти звуки по-своему определяли поглотившую нас тьму. Мы шли вдоль канала. Перед нами прошуршала крыса или еще кто-то из отряда ей подобных, соскользнула за край дорожки и бултыхнулась в черную воду. Залаяла собака. Мы прошли мимо привязанной к пирсу баржи – сквозь занавески на окнах пробивались лучики света, а из трубы валил дым. Сзади находился сухой док, там, подобно доисторическим скелетам, едва видимые, на привязи из канатов и снастей, ждали ремонта сбившиеся гуртом суда. Мы повернули за угол, и все это тут же утонуло в тумане, который занавесом упал у нас за спиной, – я обернулся и ничего не увидел, словно секунду назад вышел из ниоткуда. Полная пустота была и перед нами – если бы мы стояли на краю земли и намеревались шагнуть в никуда, картина была бы точно такой же. Но вдруг наш слух уловил резкие звуки фортепиано – кто-то одним пальцем пытался подобрать мелодию. Откуда ни возьмись перед нами прямо из тьмы возникла женщина – помятое размалеванное лицо, безвкусная шляпка и шарф с перьями. Я уловил ее запах, напомнивший мне об умирающем в вазе цветке. Она хихикнула и тут же исчезла. Наконец впереди показались огни, это были окна паба. Именно оттуда и доносилась музыка.

Паб назывался «Роза и корона». Мы прочли название, только оказавшись непосредственно под вывеской. Это был странный домишко, кирпичную кладку там и сям скрепляли обшивные доски, но все равно он был какой-то скособоченный – того и гляди рухнет. И окна все перекошены. Дверь низкая – чтобы войти, нам пришлось бы пригнуться.

– Мы прибыли, Ватсон, – негромко произнес Холмс, и я увидел, как дыхание слетает с его губ клубочками пара. Он показал вперед. – Это Милуорд-стрит, а вон, как я понимаю, «Местечко Крира». Видите красный фонарь над дверью?

– Холмс, последний раз прошу вас: позвольте, я пойду с вами.

– Нет, нет. одному из нас лучше остаться снаружи: если окажется, что меня ждут, вам будет легче прийти мне на помощь.

– Думаете, Гендерсон рассказал нам сказку?

– Его история во всех отношениях показалась мне невероятной.

– Но тогда, Холмс, ради всего святого...

– Ватсон, мне нужно туда войти и самому во всем убедиться. А вдруг Гендерсон все-таки говорил правду? Если же это капкан – мы попадемся в него и посмотрим, куда это нас приведет.

Я открыл рот, чтобы возразить, но он продолжал:

– Дело это чрезвычайное, старина. Мы прикоснулись к верхушке айсберга, и, если хотим добраться до его основания, придется рисковать. Ждите меня ровно час. Предлагаю вам скоротать время в этом пабе, надеюсь, хоть какой-то уют вы там найдете. Если через час я не появлюсь – приходите за мной, но будьте крайне осторожны. А услышите выстрелы – являйтесь без промедления.

– Я все исполню, Холмс.

Он перешел дорогу и на мгновение скрылся из виду, растворившись во тьме и тумане, а меня одолевали самые дурные предчувствия. Он тут же возник на другой стороне улицы, остановился в дверном проеме, в отблеске красного фонаря. Где-то далеко церковные часы начали отбивать одиннадцать. С первым же ударом Холмс исчез.

Стоять на улице, даже в теплом пальто, не хотелось: холодно, время позднее, ты один, а квартал – настоящее дно, сплошь отбросы общества, а то и преступники. Я толкнул дверь «Розы и короны» и оказался в комнате, поделенной пополам узким баром: бочки эля, краны с ручками из крашеного фарфора, две полки с шеренгами бутылок. К моему удивлению, в этом ограниченном пространстве, презрев непогоду, собралось человек пятнадцать-двадцать. Они кучками сидели за столами, играли в карты, пили и курили. Воздух загустел от сигаретного и табачного дыма, свою лепту вносил и торф – в углу пыхла выдавшая виды чугунная печь. Если не считать нескольких свечей, она была единственным источником света в комнате, но, казалось, производила обратный эффект: ты глядел на красное мерцание за ее толстым стеклом и чувствовал, что огонь засасывает свет в себя, поглощает его, а потом выплевывает дым и золу в трубу, а оттуда – в черную ночь. Рядом с дверью стояло выдавшее виды пианино, за ним сидела женщина и лениво тыкала по клавишам. Именно эту «музыку» я слышал с улицы.

Я подошел к бару, и седовласый старик с катарактой на глазах за пару пенсов налил мне кружку эля, и я стоял возле стойки, не прикасаясь к напитку и стараясь отогнать мои самые дурные фантазии, не думать о Холмсе. Большинство мужчин в пабе были моряками или докерами, по преимуществу иностранцами – из Испании и с Мальты. Никто из них не обратил на меня ни малейшего внимания, чему я был очень рад. Фактически они и друг с другом почти не разговаривали, какой-то звук в комнате исходил разве что от картежников. Я наблюдал за часами на стене, и мне казалось, что минутная стрелка намеренно тормозит свой ход, нарушая законы времени. Мне часто приходилось ждать, с Холмсом и без него, появления злодея – на болотах около Баскервиль-холла, на берегах Темзы или в садах пригородных усадеб. Но я никогда не забуду пятидесятиминутную вахту в этой жалкой пивнушке, шлепанье карт о стол, удары не попадания по клавишам разбитого пианино, темные лица, глядящие в свои кружки, будто там можно найти разгадку тайны бытия.

Ровно через пятьдесят минут – часы показывали без десяти двенадцать – ночную тишь внезапно разорвал звук двух выстрелов и почти тут же – пронзительный свисток полицейского и встревоженные голоса. Я мгновенно выскочил на улицу, едва не вышибив двери. Какой же я идиот, что пошел на поводу у Холмса, позволил ему втянуть нас в эту опасную авантюру! Стрелял именно он, в этом нет сомнения. Но с какой целью? Предупредить меня? Или он действительно попал в беду и ему пришлось защищаться? Туман немного рассеялся, я метнулся через дорогу и подлетел ко входу в «Местечко Крира». Повернул ручку двери и, вытащив из кармана револьвер, ворвался в помещение.

В ноздри мне ударил сухой запах выгоревшего опиума, тут же защипало в глазах, а в голове возникла резкая проникающая боль, мне даже не хотелось дышать – я боялся, что и сам попаду под влияние этого наркотического вещества. Я стоял в промозглой и мрачной комнате, украшенной в китайском стиле: ковры с рисунком, красные бумажные фонари, шелковые ткани на стенах – все, как описал Гендерсон. Самого его видно не было. Четыре человека лежали, вытянувшись, на матрасах, перед ними на низких столиках стояли черные лакированные подносы и опиумные светильники. Трое из них не подавали признаков жизни и вполне

могли быть трупами. Четвертый лежал, подперев подбородок рукой, и смотрел на меня замутненными глазами. Один матрас пустовал.

Навстречу мне бросился человек, и я сразу понял, что это сам Крир. Он был совершенно лыс, белая как бумага кожа туго обтягивала кости лица, черные глаза глубоко посажены – в итоге создавалось впечатление черепа покойника, а не головы живого человека. Он собрался открыть рот, спросить, какого черта мне здесь надо, но увидел мой револьвер и отпрянул.

– Где он? – вскричал я.

– Кто?

– Сами знаете кто!

За его спиной я увидел открытую дверь и коридор, освещенный газовым фонарем. Я боялся попасть под воздействие ядовитых испарений и, желая как можно скорее выбраться из этого жуткого места, кинулся мимо Крира в проход. Один из несчастных окликнул меня с матраса и протянул руку за милостыней, но я пробежал мимо. В дальнем конце коридора была еще одна дверь, видимо, через нее и вышел Холмс – вряд ли ему удалось выйти через главный вход. Я дернул дверь – и попал под струю холодного воздуха. Я был в тыльной части дома. Доносились какие-то крики, цоканье копыт и перестук экипажа, оглушал полицейский свисток. Я уже знал, что нас заманили в ловушку, что все пошло не так, как мы задумали. Но я не представлял, чего ждать. Где Холмс? Он ранен?

Я пробежал по узкой улочке, через арку, свернул за угол и попал на площадь. Там собралась небольшая толпа. Откуда она могла взяться в такой поздний час? Человек в вечернем костюме, констебль, еще двое. Все они смотрели на представшую их глазам картину, никто не смел сделать шаг вперед и взять инициативу в свои руки. Я растолкал их и увидел то, чего не забуду никогда...

На земле лежали две фигуры. Девушку я сразу узнал, и неудивительно, потому что несколько дней назад она пыталась меня убить. Это была Салли Диксон, старшая сестра Росса, работавшая в «Мешке с гвоздями». В нее выстрелили дважды: в грудь и в голову. Она лежала на булыжнике в луже, которая в темноте казалась черной, но я знал: это кровь. Я также знал человека, который без сознания лежал перед ней, вытянув руку, все еще сжимавшую револьвер, из которого застрелили девушку.

Это был Шерлок Холмс.

Глава 11

Под арестом

Эту ночь и ее последствия мне не забыть никогда.

Я пишу эти строки в полном одиночестве двадцать пять лет спустя, но помню все до мельчайших подробностей... Иногда кривое зеркало времени мешает мне вспомнить черты как друзей, так и недругов, но в данном случае достаточно только сморгнуть, пелена лет отступает, и я вижу всех их, словно это было вчера: Гарриман, Крир, Эклэнд и даже констебль... Как его звали? Перкинс! Правда такова, что я пережил с Шерлоком Холмсом множество приключений и частенько видел его в отчаянном положении. Несколько раз я считал, что он мертв. Что говорить, всего за неделю до описываемых событий я видел его в беспомощном бреду, якобы ставшим жертвой заразной болезни с острова Суматра. Был случай в Полдху-Бей, в Корнуолле: если бы я тогда не вытащил его из комнаты, он бы поддался безумию и пострадал от собственных рук. Помню, как мы с ним ждали развития событий в Сарри – и тут из тьмы выползла смертоносная болотная змея. Естественно, этот короткий список будет неполным, если не вспомнить состояние высшего отчаяния, ощущение пустоты, с какими я в одиночестве возвращался с Рейхенбахского водопада. Тем не менее все эти случаи меркнут перед событиями ночи в Блюгейт-Филдс. Бедный Холмс! Я вижу его как сейчас: он приходит в сознание и понимает, что окружен чужими людьми, арестован и не в состоянии объяснить ни себе, ни другим, что же именно произошло. Да, он сам сделал выбор, осознанно позволил себе попасть в ловушку. Но результат оставлял желать лучшего.

Констебль уже был на месте. Откуда он взялся – бог ведает. Он был молод и заметно нервничал, но все-таки свои обязанности исполнял на уровне, достойном одобрения. Сначала он убедился, что девушка мертва, потом занялся моим другом. Выглядел Холмс ужасно. Кожа блее бумаги, глаза открыты, но казалось, он плохо видит... по крайней мере, меня он не узнал. Свой отрицательный вклад вносила и толпа, и я снова спросил себя: кто эти люди, что могло заставить их собраться здесь в такую ночь? Две женщины, похожие на жуткую каргу, которая прошла мимо нас возле канала, с ними два моряка, они заваливались друг на друга, явно набравшись эля. Выпучив глаза, на происходящее смотрел негр. Рядом с ним стояли мальтийцы, которых я видел в «Розе и короне». Откуда-то взялись даже дети, босые и оборванные, – они глазели на происходящее, будто зрелище разыгрывалось в их честь. Я отмечал про себя все детали, как вдруг высокий краснолицый человек, элегантно одетый, принялся отдавать распоряжения, жестикулируя палкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.